BF
721
.V43

ЮДИН
№ 21/11

☆

Glass _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

GPO

8 ui. 4 n.

VESSEL, NIKOLAI KHRISTIANOVICH
OPYTNAIA PSIKHOLOGIIA

ОПЫТНАЯ ПСИХОЛОГІЯ

ВЪ ПРИМѢНЕНІИ

КЪ ВОСПИТАНІЮ И ОБУЧЕНІЮ ДѢТЕЙ

Составилъ по Беньке, Дресслеру и другимъ

Н. Вессель.

(Ко второму изданію журнала Учитель за 1861 годъ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Эдуарда Веймара.
1862.

BF1721
V43

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Января 19 дня 1862 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

БОС 14ас/10 72

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДИТЯ И МІРЪ. стр.

I. Отъ перваго крика до первой улыбки 1
II. Отъ первой улыбки до начала сидѣнія. 15
III. Новая пища. Отученіе отъ груди. Начинаніе ходить. Первыя слова. 24

I. ОБЛАСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНІЙ.

1. Основы способностей и впечатлѣнія. 39
2. Необходимыя условія для соединенія основъ способностей съ впечатлѣніями. 41
3. Соединеніе основъ способностей съ впечатлѣніями. . . 43
4. Воспріимчивость основъ способностей 44
5. Слѣдъ. 46
6. Память 49
7. Постепенность основъ способностей относительно природной впечатлительности ихъ 51
8. Равное и подобное соединяется съ равнымъ и подобнымъ. 56
9. Возниканіе сознанія. Представленіе 59
10. Ясность представленія зависитъ отъ достаточности впечатлѣнія. 64
11. Постоянное чередованіе сознанія съ безсознательностью . 79
12. Живость основъ способностей и вліяніе ея на воспроизведеніе сознанія 83
13. Окончаніе перваго періода духовнаго развитія 84
14. Образованіе понятій 88
15. Объемъ и содержаніе понятій. Высшія понятія и постепенность въ образованіи ихъ 91

16. Сужденія 96
17. Выводъ или заключеніе—силлогизмъ. 98
18. Обзоръ предъидущаго и выводы 100

II. ОБЛАСТЬ СТРЕМЛЕНІЙ.

19. Различныя отношенія внѣшнихъ впечатлѣній къ основамъ способностей 108
20. Дальнѣйшее изслѣдованіе отношеній внѣшнихъ впечатлѣній къ основамъ способностей. — Основныя причины нравственности и безнравственности. 114
21. Изъ образовъ, происшедшихъ отъ пріятныхъ впечатлѣній, развиваются желанія. 121
22. Въ какой степени возникаютъ желанія при другихъ отношеніяхъ впечатлѣній къ основамъ способностей? . . 123
23. Желанія заключаютъ въ себѣ представленія. Двѣ различныя формы воспроизведенія пріятныхъ образовъ . . . 125
24. Однородныя желанія также соединяются, сливаются между собою. Склонность. Страсть. 127
25. Вліяніе природныхъ свойствъ основъ способностей на образованіе желаній. 128
а) Образованіе желаній при болѣе или менѣе сильной воспріимчивости основъ способностей . . . . . —
б) Вліяніе большей или меньшей впечатлительности основъ на образованіе желаній 129
в) Вліяніе бо̀льшей или меньшей живости основъ на образованіе желаній 131
26. Сильные и слабые душевные образы. 132
27. Отвращенія. 135
28. Группы и ряды образовъ. Причина и слѣдствіе.—Цѣль и средство. 137
29. Желаніе и хотѣніе 138
30. Воля 139
31. Общій обзоръ развитія желательной способности . . 140

III. ОБЛАСТЬ ЧУВСТВОВАНІЙ.

32. Во время бодрствованія мы всегда или сознаемъ разомъ нѣсколько душевныхъ образовъ, или они непосредственно одинъ за другимъ возбуждаются въ нашемъ сознаніи . 141
33. Всѣ душевные образы болѣе или менѣе различны между собою 143

34. Рядомъ съ сознаваемыми въ одно время душевными образами непосредственно тотчасъ же чувствуется и различіе между ними. Чувствованія 145
35. Продолженіе.—Составные элементы чувства 147
36. Объемъ и сила чувства 150
37. Одна и та же душевная дѣятельность можетъ быть въ одно и то же время представленіемъ, желаніемъ и чувствомъ . 152
38. Пріятныя и непріятныя чувства 153
39. Одно и то же впечатлѣніе не всегда производитъ одинаковое чувство. 154
40. Чувство пріятнаго, высокаго и прекраснаго 156
41. Продолженіе 158
42. Сила чувствованія отдѣльныхъ душевныхъ образовъ . . 161
43. Оцѣнка —Добро и зло 162
44. Постепенность добра и зла 164
45. Истинная оцѣнка предметовъ 165
46. Объясненіе противорѣчія. Ложная оцѣнка 166
47. Сила чувства при желаніяхъ и отвращеніяхъ. 167
48. Безнравственность, отсутствіе нравственной воли . . . 168
49. Нравственная свобода или нравственная свободная воля . 171
50. Чувствительная способность. 177
51. Значеніе чувствительной способности для воспитанія. . 179
52. Самопознаніе 181
53. Заключительные выводы. 189

ОПЕЧАТКИ.

—

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
129	13 снизу	II	б)
131	12 »	III	в)
173	7 сверху	Въ § 20	Въ 20-ой главѣ

Кромѣ того, въ заголовкѣ, на стран. 39. въ словѣ психологія, во время печатанія выпала буква *о*.

ДИТЯ И МІРЪ. (*)

I.

Отъ перваго крика до первой улыбки.

Солнце свѣтитъ; дерево цвѣтетъ; золото желто: это мы видимъ.

Птица поетъ; собака лаетъ; ручей журчитъ: это мы слышимъ.

Камень твердъ и тяжелъ; пухъ мягокъ и легокъ; зеркало гладко: это мы осязаемъ.

Уксусъ киселъ; медъ сладокъ; полынь горька: это мы ощущаемъ посредствомъ вкуса.

Ландышъ благоухаетъ; камфара сильно пахнетъ: это мы обоняемъ.

(*) Предпосылаемъ изложенію самой психологіи, въ видѣ вступленія, рядъ статей, которыя представляютъ *опытъ біографіи младенца*, основанный на наблюденіяхъ, произведенныхъ извѣстными врачами-педагогами Зигисмундомъ, Лёбишемъ, Гейфельдеромъ, Кусмаулемъ и др. надъ новорожденнымъ. Эти наблюденія чрезвычайно важны, потому что только изъ нихъ можно вывести положительныя данныя для объясненія начала духовнаго развитія человѣка. Къ сожалѣнію они далеко еще не полны; поэтому мы просимъ всѣхъ, кто дѣлалъ подобныя наблюденія, сообщать ихъ намъ.

Такъ какъ мы видимъ, слышимъ, осязаемъ, вкушаемъ и обоняемъ, то поэтому и говорятъ: человѣкъ имѣетъ пять чувствъ, зрѣніе, слухъ, осязаніе, вкусъ и обоняніе.

Почему эти чувства расположены въ такомъ порядкѣ, будетъ объяснено впослѣдствіи.

Далѣе, взрослый человѣкъ проявляетъ въ своихъ словахъ, дѣйствіяхъ и поступкахъ:

1) свои знанія, понятія, сужденія и т. д., или вообще, употребляя научное выраженіе, дѣятельность *познавательной способности*;

2) свои наклонности и стремленіе къ тому или другому предмету, къ извѣстнымъ занятіямъ, или къ совершенному бездѣлію, свои желанія, страсти, или вообще дѣятельность *желательной способности*;

3) свои чувства, вкусъ, пониманіе прекраснаго и сочувствіе къ нему, состраданіе, или равнодушіе, вспыльчивость, жестокосердіе и проч., или вообще дѣятельность *чувствительной способности*.

Однимъ словомъ, въ жизни каждаго взрослаго человѣка обнаруживаются всѣ его душевные образы, всѣ духовныя способности, весь духъ его.

Теперь представляется вопросъ: въ какомъ положеніи находятся внѣшнія чувства и эти способности духа при рожденіи человѣка? Готовы ли онѣ уже и пребываютъ въ дремлющемъ состояніи, такъ что ихъ надо только пробудить, или эти проявленія духа человѣческаго составились позднѣе, вслѣдствіе его развитія?

Изъ того, что взрослый развитый человѣкъ понимаетъ, судитъ, заключаетъ, желаетъ, чувствуетъ, необходимо и естественно должно предположить въ немъ способности понимать, желать и чувствовать; но находятся ли онѣ уже готовыми въ грудномъ младенцѣ, или составились вслѣдствіе развитія? Вотъ въ чемъ вопросъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно получить посредствомъ на-

блюденія надъ младенцемъ и сравненія его со взрослымъ, развитымъ человѣкомъ. Самъ младенецъ прямо не дастъ намъ отвѣта, потому что онъ еще вообще не говоритъ, да и не можетъ наблюдать самого себя.

Будемъ же наблюдать и станемъ сравнивать.

Войдемъ тихонько въ комнату новорожденнаго. Слабый свѣтъ едва проникаетъ сквозь опущенныя темныя занавѣски. Все тихо. Въ темномъ уголкѣ стоитъ колыбель; возлѣ нея дремлетъ кормилица; крошка-младенецъ, недавно убаюканный, спокойно почиваетъ. Подойдемъ поближе, — остановимся предъ кроватью; станемъ прислушиваться и вглядываться: сонъ спокоенъ, дыханіе чуть-чуть замѣтно; никакого движенія; признаки жизни едва уловимы. Только небесная улыбка играетъ на розовенькихъ щечкахъ малютки. Вы—мать, вы—отецъ, съ нѣжною любовью, съ глубокимъ сердечнымъ умиленіемъ и восторгомъ взираете на сонное дитя свое; вы рады все время остаться у колыбели его! — Какъ тихъ и сладокъ покой младенца; какъ невинно улыбается онъ: знать ангелы Божіи забавляютъ его во снѣ! Пусть же малютка покоится, не станемъ прерывать его чистыхъ райскихъ сновидѣній; пойдемъ, побесѣдуемъ о томъ, какъ началась его земная жизнь, вспомянемъ все, въ чемъ проявлялась она. Вѣдь все, что касается вашего дитяти, добрые родители, всѣ едва замѣтныя явленія въ его еще очень коротенькой, двухъ-трехмѣсячной жизни близки вашему любящему сердцу; они, не правда ли? займутъ васъ, и наши бесѣды не покажутся вамъ скучными.

Новорожденный даетъ знать о появленіи своемъ на свѣтъ крикомъ и плачемъ. Этотъ крикъ мгновенно утишаетъ тяжкую боль и страданія матери и небесною радостью наполняетъ сердце ея. Въ такую блаженную минуту родители находятся въ трепетномъ состояніи, исполненномъ надежды, молитвы и благодарности; они не могутъ ни наблюдать, ни думать. Но потомъ, впослѣдствіи можетъ-быть они спросятъ себя, отчего первое привѣтствіе міру—былъ крикъ и плачъ?—Было время, когда всѣ слышали

въ этомъ привѣтствіи гласъ скорби, невольно вырывающійся изъ груди младенца, съ печалью и горемъ вступающаго въ нашъ грѣшный міръ (*). Да и теперь еще многіе вѣрятъ, что человѣкъ съ плачемъ родится на свѣтъ, какъ бы предчувствуя, что жизнь полна страданій, печалей и утратъ. Это повѣрье мило и грустно-поэтично, но чрезвычайно наивно.—Если бы новорожденный вообще могъ только понять свое появленіе на свѣтъ Божій, то конечно возрадовался бы и возвеселился бы, потому что жизнь человѣка есть великое, высокоотрадное дѣло, исполненное труда и борьбы, а невинному малюткѣ она являлась бы съ беззаботною свѣтлою улыбкою.

До сихъ поръ мать дышала за свое дитя, которое покоилось въ чревѣ ея; въ его жилахъ текла кровь, оживляемая біеніемъ сердца матери. Теперь ребенокъ самъ начинаетъ дышать, и первый вздохъ его вырывается съ крикомъ. Что же побуждаетъ новорожденнаго тотчасъ начать самостоятельное дыханіе, и почему начинаетъ онъ кричать? По всей вѣроятности, вліяніе болѣе холоднаго воздуха на тѣло дитяти, которое до этого находилось въ жидкости въ 28° по Р. Къ этому неожиданному вліянію присое-

---

(*) Замѣчательно, что такіе люди, какъ Гегель, Мишле, даже великій Кантъ почти подобнымъ же образомъ объясняли первый крикъ младенца. Гегель видѣлъ въ этомъ крикѣ новорожденнаго *откровеніе его высшей природы*. «Этимъ дѣйствіемъ», говоритъ онъ, «дитя показываетъ, что оно проникнуто сознаніемъ, что удовлетворенія своимъ нуждамъ оно имѣетъ право требовать отъ внѣшняго міра и что самостоятельность этого міра въ сравненіи съ человѣкомъ — ничтожна и напрасна.» (Philosophie des Geistes, Bd. VII, 2. Abth. S. 93. Berlin 1845 sämmtl. Werke.) Мишле слышитъ въ крикѣ новорожденнаго ужасъ духа, сознающаго свое хотя временное подчиненіе природѣ. (Anthropologie et Psychologie, p. 151.— 1840.) Кантъ въ своей «Antropologie» (2-te Ausg. 1800. S. 323. Note) говоритъ слѣдующее: «Крикъ, который издаетъ едва родившееся дитя, звучитъ не печалью, а негодованіемъ и возбужденнымъ гнѣвомъ противъ самого себя; дитя кричитъ не потому, что бы ему было больно, но потому, что оно оскорблено: оно хочетъ дѣйствовать и не можетъ, и считаетъ тѣлесную немощь свою за оковы, которыя лишаютъ его свободы.»

диняется еще быстрое прониканіе атмосфернаго воздуха въ легкія младенца. Каждый изъ насъ, во время купанья погружаясь въ воду, вѣроятно чувствовалъ, какъ у него, такъ сказать, занималось дыханіе, а иногда и невольно вскрикивалъ. Какъ же не вскрикнуть младенцу, когда онъ внезапно переселяется изъ 28° температуры въ 16—18°! Вліяніе свѣжаго воздуха сильно дѣйствуетъ на тѣло, потомъ нервами передается съ электрическою быстротою мозгу, наконецъ необъяснимымъ еще для насъ путемъ приводятся въ движеніе дыхательные мускулы, и ребенокъ начинаетъ дышать.—Такимъ образомъ съ первымъ вздохомъ новорожденнаго начинается непрерывная, никогда не утомляющаяся работа дыханія, совершающаяся 20 разъ въ минуту; слѣдовательно одно и то же движеніе повторяется 28,000 разъ въ день, или 10,000,000 разъ въ годъ. Въ это же самое время сердце должно сжиматься 40,000,000 разъ, чтобы кровь могла правильно обращаться въ тѣлѣ. И такъ первый крикъ новорожденнаго есть первый самостоятельный шагъ его въ этой жизни, съ которымъ онъ отдѣляется отъ существа матери, начинаетъ свое собственное дыханіе и приступаетъ къ самостоятельному существованію.

Первое чувство, проявляющееся въ ребенкѣ и ощущающее—правда, еще вполнѣ смутно и неясно—существованіе внѣшняго міра, есть поэтому *осязаніе*. Первое ощущеніе, которое новорожденный получаетъ посредствомъ этого чувства, есть ощущеніе тѣломъ тепла и холода. Вслѣдъ за этимъ губки младенца ощущаютъ теплоту и мягкость груди матери. Да, въ первый же день человѣкъ начинаетъ и ошибаться, и именно вслѣдствіе ошибочно понятаго правильнаго ощущенія чувства осязанія. Стóитъ только дотронуться до губъ ребенка щекою или рукою, и онъ тотчасъ же начинаетъ движеніе сосанія. Слѣдовательно новорожденный принимаетъ все теплое и мягкое за источники своего питанія, т. е. за грудь матери.

Начиная дышать, ребенокъ впервые же приводитъ въ движе-

ніе свои члены, шевелитъ рученками и подергиваетъ ножки. Если мы сравнимъ такія слабыя пошевеливанія съ движеніями маленькихъ животныхъ, то увидимъ, что эти сверстники нашего малютки далеко опередили его. Цыпленокъ, только-что вылупившійся изъ яйца, граціозно и бодро бѣгаетъ, находитъ и клюетъ самъ былинку; между тѣмъ какъ новорожденному дитяти мать должна вложить грудь въ маленькій ротикъ его, а не то бы онъ умеръ съ голоду! Такъ человѣкъ, совершеннѣйшее изъ всѣхъ твореній, рождается самымъ слабымъ и безпомощнымъ; но потомъ, развиваясь медленно и долго тѣломъ, и еще медленнѣе и до конца жизни духомъ, достигаетъ разумной могущественной силы, которой повинуются всѣ твари, всѣ стихіи и все твореніе!

Какое сложное и искусное движеніе представляетъ намъ сосаніе груди, которое съ перваго взгляда намъ кажется столь простымъ! Дитя должно сначала сжать губками сосокъ груди, потомъ приподнять языкъ свой назадъ, чтобы образовать пустое пространство въ ротикѣ, куда проникаетъ молоко; наконецъ пропустить это молоко въ горлышко. И все это совершается ребенкомъ чрезвычайно правильно, послѣдовательно и равномѣрно! Если бы намъ пришлось приняться за такую работу, то конечно сначала мы бы долго сбивались, много надѣлали бы глупостей и неловкостей, гораздо больше, чѣмъ рекрутъ, дѣлающій ружейные пріемы, или заряжающій въ первый разъ ружье по командѣ. Да, сосаніе есть первое искусное дѣло человѣка.

Кромѣ каналовъ для молока и воздуха, новорожденный открываетъ въ первый день своего земного существовонія еще другія двери, чрезъ которыя войдетъ въ него много, много самой нѣжной, самой тонкой и самой благородной пищи—младенецъ *поднимаетъ вѣки*. Родители, родители! нетерпѣливо спѣшили вы взглянуть въ только-что открывшіеся глазки, увидѣть, какимъ огонькомъ искрятся ваши ненаглядныя звѣздочки! Но подумали ли вы, что означаетъ для ребенка вашего первое *приподнятіе вѣка*? Что было бы съ нимъ, если бы глаза остались закрытыми?

О, если бы вы только помыслили объ этомъ, священный трепетъ овладѣлъ бы вами и сердце ваше исполнилось бы безконечной благодарности къ Создателю! Да, чрезъ эти маленькія открывшіяся скважинки незримые духи всѣхъ вещей, всего внѣшняго міра влетаютъ въ младенца и питаютъ его слабую, невинную душу, какъ пчелы приносятъ лучшее изъ цвѣтовъ своихъ личинкамъ!

Конечно ощущеніе, получаемое ребенкомъ посредствомъ глазъ, въ первое мгновеніе должно быть какое-то смутное, туманное, вѣроятно и непріятное. Развѣ, мы, взрослые, привыкшіе къ свѣту, не чувствуемъ нѣкоторой боли, входя изъ темной комнаты въ ярко-освѣщенную? Что же долженъ ощущать ребенокъ, въ глаза котораго, послѣ долгой темной ночи, вдругъ проникаютъ милліоны лучей свѣта? Поэтому, чтобы переходъ не былъ такъ рѣзокъ, необходимо въ началѣ помѣщать новорожденнаго въ полутемной комнатѣ. Ни одинъ изъ органовъ нашихъ чувствъ въ первые дни жизни дитяти не подвергается такъ легко и такому частому и опасному заболѣванію и поврежденію, какъ глаза—самый драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ органовъ человѣка. Да, добрые родители, берегите глаза малютокъ своихъ, какъ зеницу собственнаго ока!

Въ первыя четырнадцать, а иногда даже и въ первыя шестнадцать недѣль, зрѣніе грудныхъ дѣтей бываетъ совершенно слабо. Сколь же мало они видятъ при рожденіи, мы можемъ убѣдиться въ этомъ, устремивъ палецъ прямо въ глаза ихъ. Глазъ ребенка при этомъ остается совершенно спокойнымъ, не замѣчая вовсе приближающейся опасности; слѣдовательно движеніе наше не возбудило никакого ощущенія въ глазѣ дитяти, или это ощущеніе такъ слабо, что даже не произвело миганія. Вѣроятно ребенокъ (если только онъ вообще можетъ различать видимое и не ослѣпленъ самымъ малымъ свѣтомъ, какъ мы при взглядѣ на блестящій снѣгъ), видитъ всѣ окружающіе предметы какъ бы нарисованными на его зрачковой оболочкѣ; онъ вѣдь вовсе еще не знаетъ, что что-нибудь существуетъ внѣ его глаза и можетъ приближаться къ нему. Слѣдовательно въ это время зрѣніе малютки состоитъ

только въ туманномъ ощущеніи свѣтлаго и темнаго, точно такъ же, какъ и у крота, когда онъ выбѣгаетъ въ царство дня изъ подземной норки своей.

Кромѣ чувствъ осязанія и зрѣнія, въ первый день жизни дитяти обнаруживается въ немъ еще *чувство вкуса*, которое быстро развивается и уже въ первое время проявляетъ довольно ясное ощущеніе. Нѣкоторыя дѣти очень рано противятся принимать что-нибудь другое, кромѣ молока матери. Такое явленіе нельзя иначе объяснить, какъ допустивъ, что дѣти ощущаютъ вкусъ новой пищи и даже могутъ сравнивать его со вкусомъ грудного молока, къ которому привыкли. Да, мы замѣчаемъ даже, что въ это время проголодавшійся малютка самъ начинаетъ шевелить ротикомъ, поворачиваетъ головкою, какъ будто ищетъ чего-то и, не находя, плачетъ, пока кормилица или мать не подастъ ему груди; онъ уже привыкъ къ процесу кормленія и ощущаетъ, что молоко, его пища, получается извнѣ.

Насущная и первая потребность для поддержанія жизни есть пища; вотъ почему самымъ естественнымъ путемъ въ ребенкѣ прежде всего возникаетъ ощущеніе этой потребности и способности принимать молоко и чувствовать вкусъ. Впрочемъ чувство вкуса, достигая прежде другихъ чувствъ значительнаго развитія, скоро останавливается и далеко не достигаетъ той отчетливости и сознательности, какъ зрѣніе и слухъ, которые въ сравненіи съ нимъ то же самое, что были древніе греки и римляне въ сравненіи съ скороспѣлыми восточными народами. Въ старости чувство вкуса почти совершенно притупляется и во многихъ болѣзняхъ утрачиваетъ всякую ощутительность.

Соединивъ вмѣстѣ всѣ изложенныя явленія въ первый день жизни новорожденнаго, можно вывести слѣдующее заключеніе:

Дитя само принимаетъ въ себя воздухъ и молоко, т. е. умѣетъ дышать и сосать грудь; при этомъ оно совершаетъ первыя инстинктивныя движенія и воспринимаетъ впечатлѣнія отъ внѣшняго міра посредствомъ

чувствъ вкуса, осязанія и зрѣнія. Многія изъ дѣтей совершаютъ въ первый же день и свою первую ошибку.

Слѣдующія шесть недѣль совершенно сходны съ первымъ днемъ.—Конечно никакое другое живое существо не развивается въ началѣ такъ медленно и незамѣтно, какъ человѣкъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, господствуетъ непреложный и неизмѣнный законъ природы, по которому все высшее и совершеннѣйшее развивается медленнѣе, но тѣмъ безконечнѣе и совершеннѣе.

Дитя спитъ еще почти цѣлый день; оно просыпается большею частью съ крикомъ, чтобы напиться или покушать и, насытясь, опять засыпаетъ, часто продолжая сосать. Всякій знаетъ особенный звукъ такого крика. Внимательный наблюдатель по звуку голоса можетъ опредѣлить довольно близко возрастъ грудного дитяти. Этотъ голосъ образуется въ гортани: извѣстное количество воздуха, заключеннаго въ легкихъ, проходитъ чрезъ дыхательное горло и глотку, и приводитъ въ движеніе и колебаніе голосныя струны, которыя издаютъ звукъ, какъ стальная пластинка въ гармоникѣ. Голосныя струны развиваются отъ сотрясенія, производимаго въ нихъ частымъ кричаніемъ дитяти, и потому голосъ его по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ звучитъ совершенно иначе. Такимъ образомъ вездѣ въ природѣ одно помогаетъ другому; только одинъ человѣкъ, одаренный свободною волею, часто нарушаетъ этотъ законъ взаимнаго содѣйствія, на которомъ зиждется необходимость любви къ ближнему, которую заповѣдалъ Спаситель ученикамъ своимъ и всѣмъ людямъ. Нарушеніе этой заповѣди и есть основная причина всему злу и всѣмъ несчастіямъ.

Дитя пробуждается отъ сна въ первыя шесть недѣль преимущественно вслѣдствіе непріятныхъ ощущеній кожи или желудка (когда ему мокро лежать, или когда оно голодно и пр.). Слѣдовательно ребенокъ просыпается отъ сна, выходитъ, такъ сказать, изъ темнаго состоянія духа только вслѣдствіе ощущенія лишенія и боли. Не то ли же самое мы находимъ у младенческихъ народовъ? По-

стоянное счастіе и довольство было бы *пагубно* для людей: они едва бы достигли степени развитія южныхъ островитянъ!

Глаза проснувшагося грудного ребенка обращаются къ тому мѣсту, откуда проникаетъ свѣтъ, но въ этомъ движеніи безпристрастный наблюдатель не найдетъ ничего болѣе, какъ склоненіе цвѣтка къ свѣту.

Въ это время почти совершенно незамѣтнаго для наблюдателя развитія дитяти мы можемъ на свободѣ попристальнѣе вглядѣться въ нѣжныя формы тѣла младенца и особенно въ формы лица его.

Руки и ноги новорожденнаго представляютъ самыя законченныя формы изъ всѣхъ другихъ членовъ маленькаго тѣла. Нога въ этомъ возрастѣ имѣетъ даже самую граціозную и красивую форму, потому что, какъ только ребенокъ начинаетъ ступать и ему надѣваютъ башмаки, нога тотчасъ же утрачиваетъ свою нѣжность, мягкость и подвижность каждаго суставчика. Туловище и всѣ члены его такъ пухлы и окружены жиромъ, что всѣ ихъ очертанія имѣютъ что-то мягкое, разплывающееся, и не позволяютъ выступать ни костямъ, ни мускуламъ. Химики доказываютъ, что этотъ накопившійся жиръ не доставляетъ матеріала для дальнѣйшаго образованія костей или мускуловъ, а служитъ складомъ горючаго вещества для легкихъ, которыя, какъ печь тѣла, поддерживаютъ его теплоту сожженіемъ этого склада. Жиръ доставляется ребенку въ молокѣ; кромѣ того оно же приноситъ ему и весь строительный матеріалъ для всѣхъ частей и членовъ тѣла. Ни одинъ возрастъ не бываетъ такъ дѣятеленъ въ переработкѣ этого матеріала и въ обращеніи его въ кровь и въ мясо, какъ дѣтскій. При рожденіи ребенокъ вѣситъ отъ 5 до 8 фунтовъ; въ 6 мѣсяцевъ вѣсъ его увеличивается вдвое. На головѣ дитяти яснѣе всего можно замѣтить дальнѣйшее развитіе формъ.

Черепъ, вслѣдствіе частаго прилитія крови къ мозгу и развитія послѣдняго, скоро принимаетъ свою постоянную форму. Не придавая, подобно френологамъ, особеннаго значенія различнымъ возвышенностямъ или углубленіямъ въ черепѣ, и не опредѣляя

по нимъ состоянія духовныхъ способностей своего дитяти, каждый отецъ навѣрно съ большимъ вниманіемъ будетъ осматривать и нѣжно ощупаетъ головку его, или даже и смѣритъ ее, чтобы опредѣлить величину передней и задней частей, взаимное ихъ отношеніе и сравнить ихъ съ головою матери или съ своею. При этомъ мы напоминаемъ родителямъ, что существенные племенные признаки людей, какъ доказали ближайшія тщательныя наблюденія, состоятъ не въ цвѣтѣ кожи и не въ свойствѣ волосъ, а преимущественно въ устройствѣ черепа и всей головы и въ личномъ углѣ. Такимъ образомъ распознаются чрезвычайно важныя врожденныя особенности, опредѣляющія извѣстное племя. Дитя ваше, добрые родители, по овально-продолговатому черепу, по личному углу принадлежитъ къ кавказскому племени, самому способному къ развитію и образованію, призванному обладать землею. Слѣдовательно вмѣстѣ съ формами головы ребенокъ вашъ принесъ съ собою богатое наслѣдство. У многихъ дѣтей черепъ имѣетъ еще типическія семейныя формы, причина и значеніе которыхъ впрочемъ до сихъ поръ еще совершенно не изслѣдованы, и потому мы позволяемъ себѣ только подтвердить этотъ фактъ.

Первые тоненькіе, большею частью темные шелковистые волосики, покрывающіе головку новорожденнаго, скоро выпадаютъ и уступаютъ мѣсто свое болѣе плотнымъ и свѣтлымъ. Прежняя кожа быстро сходитъ и мало по малу теряетъ свой красноватый цвѣтъ.

Лицо новорожденнаго имѣетъ большей частью свой оригинальный, особенный видъ по причинѣ неразвитости челюстей, вслѣдствіе чего верхняя половина лица всегда бываетъ больше нижней. Глаза, уши и подбородокъ сохраняютъ большею частью свои первоначальныя формы, не смотря на частое измѣненіе другихъ частей лица. На нихъ-то и надо обращать особенное вниманіе, если желаютъ опредѣлить сходство дѣтей съ родителями. Худыя, болѣзненныя дѣти часто очень ясно выражаютъ сходство съ отцомъ или съ матерью, потому что у нихъ костяныя характеристическія черты выступаютъ и не округляются жиромъ. Гово-

рятъ, что многія дѣти рано походятъ на своихъ дѣдушекъ и бабушекъ; но причины этого неизвѣстны.

Зрачки и радужная оболочка у всѣхъ новорожденныхъ окрашены темнымъ цвѣтомъ; но они чрезъ двѣ-три недѣли получаютъ гораздо свѣтлѣйшій цвѣтъ, какъ бы линяя отъ дневного свѣта. Синеватая радужная оболочка становится большею частью голубою, сѣро-голубою, или зеленоватою, а черная сохраняетъ почти навсегда свой цвѣтъ. Роговая или бѣлочная оболочка имѣетъ долгое время, даже болѣе 16 недѣль, голубой оттѣнокъ и только очень постепенно бѣлѣетъ.

Болѣе всего мѣняется форма носа, который сначала почти у всѣхъ бываетъ болѣе или менѣе приплюснутый и тупой. У нѣкоторыхъ дѣтей, особенно если родители ихъ имѣли орлиные носы, уже очень рано подымается возвышеніе, горбокъ на носу.

Родители съ состояніемъ, да теперь, благодаря фотографіи, и недостаточные люди могутъ имѣть почти живыя изображенія малютокъ своихъ въ различные возрасты, и такимъ образомъ сохранить на всегда тѣ перемѣны, которымъ подвергается лицо дитяти.

Слухъ грудного ребенка въ первыя недѣли почти во все не впечатлителенъ, и часто молодыя матери сильно безпокоятся объ этомъ. Не пугайтесь: ухо открыто и столько же готово, какъ и всѣ другіе органы чувствъ; но душа еще не слышитъ звуковъ. По прошествіи трехъ, четырехъ недѣль спящій малютка пробуждается при внезапномъ шумѣ. Въ эту минуту душа открылась для слуха.

Въ половинѣ первой четверти года родители могутъ слышать и первыя попытки говора, дѣлаемыя ихъ малютками (*). Обыкновенно, пріятно покоясь въ кроваткѣ, передъ сномъ, ребенокъ вдругъ начинаетъ гуторить, лепетать отдѣльные звуки, которые кажутся любящей, восторженной матери гласомъ ангела. Эти

(*) Было бы чрезвычайно важно имѣть результаты точныхъ наблюденій надъ такими главными проявленіями въ жизни дѣтей.

звуки, какъ каждый изъ родителей вѣроятно замѣтилъ, большею частью бываютъ: ма, ба, бу, иногда анна, анга, ана и проч. Иногда къ гласной или къ губной согласной буквѣ присоединяется еще какой-нибудь рѣзкій продолжительный звукъ, произведенный сортясеніемъ губъ, напр. бррр, арр, и проч. Гласныя и губныя согласныя буквы произносятся прежде другихъ: причина лежитъ въ томъ, что губы, которыми эти буквы легко могутъ быть произносимы, были часто упражняемы при сосаніи, и потому онѣ могутъ яснѣе и скорѣе всѣхъ другихъ голосныхъ органовъ издавать членораздѣльные звуки.

Въ это же самое время, т. е. на седьмой—девятой недѣлѣ земного существованія, на лицѣ ребенка появляется первая улыбка. Нѣкоторыя дѣти сначала улыбаются только во снѣ; но скоро потомъ ребенокъ начинаетъ улыбаться, какъ только на него смотрятъ ласково, съ улыбкою. При этомъ лицо здороваго ребенка, которое до сихъ поръ имѣло какое-то недоконченное, сжатое, неодушевленное выраженіе, вдругъ оживляется, сіяетъ небеснымъ веселіемъ, любовію и кротостію. Да, если бы дитя могло улыбаться тотчасъ же при появленіи своемъ на свѣтъ, то конечно лютое дѣтоубійство не существовало бы!

Этотъ первый отвѣтъ улыбкою на улыбку есть признакъ воспринятія и возвращенія того, что ощущаетъ другое, намъ подобное разумное существо; дивная симпатія, которой и мы, взрослые, невольно подчиняемся. Даже самый холодный, сухой человѣкъ, которому кажется самою послѣднею глупостью, если кто взираетъ на что-нибудь въ мирѣ съ веселіемъ, не можетъ не улыбнуться при взглядѣ на улыбающагося младенца. Ласковый взглядъ вызываетъ такую улыбку на лицѣ его; нѣжная мать своимъ взглядомъ, полнымъ любви, можетъ эту небесную улыбку удержать навсегда на лицѣ своего дитяти, и оно озарится задушевною красою. Вотъ почему ребенокъ, имѣющій скелетъ лица, подобный отцовскому, иногда кажется болѣе походящимъ на мать.

Около того же времени грудной младенецъ начинаетъ всматри-

ваться, т. е. останавливать глаза свои на одномъ предметѣ и глядѣть на него со вниманіемъ. Мать или кормилица первая останавливаетъ на себѣ просвѣтлѣвшій взоръ малютки; потомъ отецъ, сестры, братья и всѣ домашнія. Слѣдовательно въ это время ребенокъ начинаетъ различать отдѣльные предметы, что животныя дѣлаютъ въ первый же часъ.

Къ концу первой четверти года ребенокъ начинаетъ чаще производить челюстями движеніе жеванія и выпускать слюну изо рта. Это явленіе есть слѣдствіе развивающихся зубовъ, которые стремятся къ верху, вслѣдствіе чего кровь чаще приливаетъ къ деснамъ и къ челюстнымъ нервамъ.

Такое раздраженіе, производимое въ деснахъ развивающимися зубами, побуждаетъ малютку поднимать руку и класть пальцы въ ротъ; онъ сжимаетъ ихъ деснами и уменьшаетъ зудъ и непріятное щекотаніе въ послѣднихъ.

Такимъ образомъ ребенокъ начинаетъ чувствовать и понимать, что у него есть различные члены, которыми онъ можетъ двигать и помогать себѣ.

И такъ четырехмѣсячный ребенокъ бодрствуетъ чаще и гораздо дольше шестинедѣльнаго; онъ можетъ дѣлать рукою и глазами хотя нѣсколько цѣлесообразныя движенія. Онъ уже вглядывается въ отдѣльные предметы, но все еще очень плохо слышитъ. Въ дитяти въ это время возникаетъ ощущеніе существованія чего-то внѣ его находящагося, кромѣ груди матери. Онъ чувствуетъ уже, что у него есть рука, и въ улыбкѣ выражаетъ первое сочувствіе къ другому, ему подобному существу.

Всѣ эти явленія представляютъ способности, которыми обладаютъ всѣ высшія животныя и еще въ гораздо болѣе развитой степени. Такъ, напримѣръ, чувство подражанія и перениманія чрезвычайно развито у маленькихъ обезьянъ, между тѣмъ какъ у четырехмѣсячнаго ребенка оно почти еще не проявляется. Только таинственная симпатія съ ласковымъ взглядомъ человѣка, выражаемая взаимною улыбкою, смутно даетъ знать, что нашъ впол-

нѣ еще слабый, бѣдный духомъ малютка, постепенно развиваясь, займетъ нѣкогда высшую ступень на лѣствицѣ всего творенія.

—

II.

Отъ первой улыбки до начала сидѣнія.

Этотъ періодъ развитія у большей части дѣтей занимаетъ всего вторую четверть года. Впрочемъ съ точностію обозначить границы какъ этого, такъ и слѣдующаго періода почти невозможно. О причинахъ болѣе ранняго или поздняго проявленія духовнаго развитія въ различныхъ дѣтяхъ мы еще ничего не знаемъ. Прилежно разсматривая немногія извѣстныя намъ событія изъ жизни грудного ребенка, мы замѣчаемъ въ совершеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ явное участіе возникающей духовной дѣятельности младенца. Но почему такія дѣйствія совершаются одними дѣтьми ранѣе, а другими позднѣе, — намъ до сихъ поръ неизвѣстно. Для рѣшенія подобныхъ важныхъ вопросовъ у насъ еще слишкомъ мало предварительныхъ статистическихъ данныхъ, которыя бы весьма легко было собрать, если бы только родители производили тщательныя наблюденія надъ своими малютками и записывали ихъ. Изъ тѣхъ же наблюденій, которыя уже сдѣланы, можно съ нѣкоторою достовѣрностью заключить, что дѣвочки развиваются вообще быстрѣе мальчиковъ. Это заключеніе вполнѣ согласно съ упомянутымъ въ первой статьѣ общимъ закономъ, по которому развитіе совершается тѣмъ медленнѣе, чѣмъ высшихъ результатовъ оно достигаетъ.

При всемъ глубокомъ, безконечномъ уваженіи къ прекрасному полу и съ особеннымъ страхомъ, который внушаютъ намъ эмансипированныя дамы, мы должны сознаться, что духовное разви-

тіе мужчины идетъ гораздо дальше, чѣмъ въ женщинѣ. Что же дѣлать? надо говорить правду: всѣ великія событія въ исторіи человѣчества, открытія новыхъ истинъ, новыхъ законовъ въ природѣ, во всемъ мірозданіи и т. д. и т. д., совершались до сихъ поръ мужчинами и вѣроятно всегда останутся за ними. Но за то, съ другой стороны, на долю женщины досталось высокое призваніе хранить и питать первое развитіе духа своего дитяти; отъ нея зависитъ то направленіе, которое приметъ это развитіе впослѣдствіи.

Кромѣ врожденнаго вліянія пола на духовное развитіе человѣка, есть много другихъ вопросовъ, которые еще далеко не рѣшены. Такъ напримѣръ, насколько достовѣрно предположеніе, что здоровыя, крѣпкія дѣти въ началѣ гораздо медленнѣе развиваются духомъ, чѣмъ нѣжныя, слабыя и худенькія? Въ какой степени способъ питанія (грудью, рожкомъ и проч.) грудного ребенка и все окружающее вліяетъ на развитіе его? Не имѣетъ ли также вліянія и время года, въ которое совершаются главнѣйшія явленія въ развитіи дитяти (прорѣзываніе зубовъ, отнятіе отъ груди и т. д.)?

Всѣ приведенные здѣсь и другіе важные для воспитанія вопросы могутъ быть рѣшены только точными, систематическими наблюденіями надъ многими маленькими дѣтьми и строгимъ изслѣдованіемъ и сравненіемъ между собою всѣхъ проявленій въ жизни различныхъ малютокъ.

Теперь, высказавъ эти необходимыя замѣчанія, продолжаю послѣдовательное перечисленіе тѣхъ явленій во второй четверти года жизни ребенка, которыя уже подмѣчены и изложены названными въ примѣчаніи къ первой главѣ дѣтскими врачами.

Въ продолженіе первой четверти года ребенокъ, какъ мы видѣли, осязалъ преимущественно только одинъ предметъ, внѣ его находящійся, именно грудь матери или кормилицы. Въ концѣ этого періода своей коротенькой жизни онъ началъ чувствовать, что у него есть рука, которую онъ поднималъ,—пальцы, которые

клалъ въ ротикъ, чтобы утишить непріятное ощущеніе постояннаго зуда въ деснахъ. Теперь малютка хватаетъ палецъ кормилицы и также тащитъ его въ ротикъ для той же цѣли. Потомъ онъ тоже самое дѣлаетъ и съ костянымъ кольцомъ и со всѣмъ, что попадается подъ его крохотную ручку, и что онъ можетъ ухватить ею. Такимъ образомъ число осязаемыхъ ребенкомъ внѣшнихъ предметовъ постепенно увеличивается; вмѣстѣ съ этимъ укрѣпляется способность совершать движеніе руками и стремленіе сжимать что-нибудь пальчиками. Девятнадцатинедѣльный малютка выражаетъ уже довольно ясно желаніе, даже требованіе схватывать внѣшніе предметы; въ дѣвочкахъ такое стремленіе проявляется ранѣе, иногда на 9—11 недѣляхъ.

При этомъ можно замѣтить, что ребенокъ большею частію ошибается, слишкомъ коротко протягиваетъ свою рученку, потому что еще не имѣетъ никакого понятія о разстояніи. Конечно всѣ родители нѣсколько разъ замѣчали, какъ ихъ малютка протягивалъ рученки и изо всѣхъ силъ старался схватить свѣтящій въ окно мѣсяцъ. Такими-то удачными и неудачными попытками, схватывать окружающіе предметы, ребенокъ мало по мало и почти совершенно незамѣтно для наблюдательнаго глаза пріучается соразмѣрно протягивать руки, и въ духѣ его возникаетъ *зародышъ слабаго представленія о разстояніи и мѣстѣ*. Можно было бы сказать, что дитя измѣряетъ міръ своими рученками.

Въ это же время мальчики, а дѣвочки двумя-тремя недѣлями ранѣе, съ особеннымъ напряженіемъ начинаютъ наблюдать за движущимися предметами. Посмотрите, какъ малютка быстро поворачиваетъ головкою и поводитъ прояснившимися глазками, слѣдя за движеніемъ маятника въ стѣнныхъ часахъ или за колеблющимся кольцомъ, висящимъ надъ нимъ въ колыбели его; взгляните, какъ пристально смотритъ онъ на движущуюся ложку на пути ея отъ тарелки ко рту! Слѣдя за движущимися предметами, ребенокъ замѣчаетъ не только, что они перемѣняютъ свое положеніе, мѣсто, но и самъ дѣлаетъ движеніе глазами, головкою, руками, и

пріобрѣтаетъ самое первоначальное представленіе *о движеніи*. Кромѣ этого, смотря на движущійся маятникъ, дитя чувствуетъ, что оно само должно поворачивать свою головку, или по крайней мѣрѣ глазки то вправо, то влѣво, чтобы постоянно видѣть маятникъ, и что послѣдній также не можетъ находиться въ одно и то же время и тамъ и тутъ, а только сначала въ одномъ мѣстѣ и потомъ въ другомъ. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ первымъ ощущеніемъ движенія въ ребенкѣ возникаетъ и первое, конечно еще совершенное безсознательное представленіе *о времени* и нѣсколько проясняется представленіе *о мѣстѣ*.

Но на основаніи всѣхъ такихъ возникающихъ представленій никакъ не должно полагать, что бы дитя въ это время уже начинало понимать, что такое разстояніе, мѣсто, время. Нѣтъ, объ этомъ оно еще ничего не знаетъ, да и долго знать не будетъ. Первыя представленія о разстояніи, мѣстѣ, времени, возникаютъ въ ребенкѣ совершенно безсознательно; онъ самъ никакъ и не подозрѣваетъ, что его наблюденія надъ движущимся маятникомъ, или стремленіе схватить какой-нибудь внѣшній предметъ, порождаютъ въ духѣ его эти важныя представленія.

Человѣкъ неграмотный, въ первый разъ увидавъ книгу, не знаетъ, на какомъ языкѣ она напечатана; но потомъ присмотрѣвшись къ нѣсколькимъ книгамъ и услыхавъ отъ кого-нибудь, что онѣ напечатаны, положимъ, порусски, онъ впослѣдствіи тотчасъ же будетъ узнавать русскія книги и отличитъ ихъ отъ французскихъ или нѣмецкихъ, хотя самъ по прежнему не умѣетъ читать. Спросите такого неграмотнаго человѣка, почему онъ можетъ отличать иностранныя книги отъ русскихъ, не умѣя читать? Онъ прямо отвѣтитъ вамъ: «да вѣдь русскія книги-то я видалъ и знаю, какая въ нихъ печать, хотя самъ и не разбираю ни печатнаго, ни писаннаго». Изъ такого отвѣта ясно, что въ неграмотномъ человѣкѣ, вслѣдствіе того, что онъ нѣсколько разъ видитъ, положимъ, русскія книги, составляется совершенно безсознательно, даже безъ всякаго желанія съ его стороны, предста-

вленіе по крайней мѣрѣ объ общихъ характеристическихъ формахъ русской печати. Такое представленіе и остается въ немъ безсознательнымъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не скажетъ ему при случаѣ, что книги напечатаны порусски. Послѣ этого указанія гораздо прежде составившееся въ неграматномъ человѣкѣ представленіе о русской печати тотчасъ же становится хотя нѣсколько сознательнымъ, и онъ будетъ въ состояніи различать русскія книги отъ иностранныхъ. Прочтите ему книгу, и это представленіе сдѣлается еще яснѣе, сознательнѣе; наконецъ полный ясности и сознательности оно достигнетъ тогда, когда онъ самъ выучится читать и понимать читаемое на различныхъ языкахъ.

Такъ же точно изъ частаго смотрѣнія на движущійся маятникъ, или вообще на движущіеся предметы, совершенно безсознательно возникаютъ въ ребенкѣ и упомянутыя, самыя первыя представленія о движеніи, разстояніи, мѣстѣ и времени, и долгое время покоятся въ духѣ его такъ же безсознательно, пока онъ не привыкнетъ хорошо слышать, не начнетъ ходить и говорить. Тогда вдругъ разомъ эти представленія какъ будто пробуждаются, становятся нѣсколько сознательными, и ребенокъ начинаетъ понимать, что́ такое разстояніе, движеніе, мѣсто и время.

Впрочемъ спустя три-четыре недѣли нашъ малютка перестаетъ смотрѣть съ удивленіемъ и напряженіемъ на маятникъ и не обращаетъ на него особеннаго вниманія. Его болѣе занимаетъ катящійся мячикъ; онъ любитъ смотрѣть на бѣгающихъ животныхъ, на играющихъ дѣтей. Маятникъ же съ его постоянно однообразнымъ движеніемъ уже приглядѣлся ребенку и не возбуждаетъ болѣе его любопытства.

Не то ли же самое случается или случалось почти съ каждымъ изъ насъ? Вспомнимъ только, съ какимъ вниманіемъ останавливаемся мы предъ каждымъ новымъ, невиданнымъ еще явленіемъ, какъ пристально смотримъ на него; но потомъ скоро оно приглядывается намъ, и мы, большею частію не объяснивъ его себѣ, не обращаемъ на него никакого вниманія.

Мы остановились нѣсколько дольше на пристальныхъ наблюденіяхъ пяти-шестимѣсячнаго малютки за колебаніями маятника и старались подробнѣе разъяснить ихъ, потому что они чрезвычайно важны для объясненія начала духовнаго развитія человѣка. Ребенокъ пристально слѣдитъ за движущимися предметами, таращитъ на нихъ свои глазки, напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы уловить эти предметы. Такія наблюденія дитяти развиваютъ не только преимущественно зрѣніе его, но и сообщаютъ младенческому духу много новыхъ впечатлѣній и вызываютъ его на дѣятельность.

Дѣйствительно, съ этого времени ребенокъ хватаетъ все, что ему попадается, если только можетъ ухватить своими маленькими рученками, и потомъ съ особеннымъ вниманіемъ и съ великою радостію начинаетъ разсматривать, какъ будто занимается серьёзными изслѣдованіями, совершаетъ новыя открытія и торжествуетъ... И въ самомъ дѣлѣ, сколько новаго, прежде не виданнаго, не ощущеннаго, не слышаннаго, открываетъ себѣ малютка въ эти минуты! Все окружающее мало по малу становится доступнымъ просвѣтлѣвшему взору его. Не долженъ ли чувствовать ребенокъ въ такія минуты въ извѣстной степени то же самое, что чувствуетъ заключенный въ темницѣ, получая свободу, или неутомимый изслѣдователь, открывая новый невѣдомый законъ, новую неизвѣстную истину?

Въ произношеніи членораздѣльныхъ звуковъ дитя въ этотъ періодъ не дѣлаетъ замѣтныхъ успѣховъ; иногда младенческій лепетъ совершенно прекращается на нѣсколько недѣль (можетъ-быть вслѣдствіе болѣзненнаго прорѣзанія первыхъ зубовъ).

Особенную радость доставляетъ ребенку комканіе и мятіе бумаги. Онъ долго мнетъ попавшую въ кулачокъ бумажку, или шаркаетъ ею по столу, ощущая съ видимымъ удовольствіемъ проявляющуюся силенку въ рукѣ. Малютка беретъ также маленькій кнутикъ и весело махаетъ имъ, но схватываетъ его еще, какъ попадется, цѣлымъ кулачкомъ и очень неловко. Щипцеобразному же употребленію пальцевъ дитя научается гораздо позднѣе.

Ласковый взглядъ вызывалъ, какъ мы видѣли, улыбку на лицо младенца; теперь онъ начинаетъ самъ весело улыбаться, когда видитъ въ зеркалѣ свое собственное изображеніе.

Можно ли объяснить появленіе улыбки въ этомъ случаѣ чѣмъ-нибудь другимъ, какъ не выраженіемъ радости при видѣ маленькаго личика? Здѣсь нельзя предположить безсознательной игры мускуловъ, которая иногда вслѣдствіе желудочной кислоты наводитъ улыбку на лицо спящаго дитяти. Инстинктивнаго подражанія также не можетъ быть въ этомъ случаѣ, потому что лицо ребенка, даже при первомъ взглядѣ на изображеніе въ зеркалѣ, было совершенно спокойно и не выражало никакого особеннаго ощущенія.

Ребенокъ въ первый разъ увидѣлъ въ зеркалѣ ясное изображеніе одного отдѣльнаго предмета; ощущеніе этого перваго яснаго видѣнія пріятно подѣйствовало на зрительные нервы, и онъ началъ улыбаться. Вообще теперь окрѣпшее и просвѣтлѣвшее зрѣніе доставляетъ дитяти болѣе пріятныхъ ощущеній, чѣмъ всѣ другія внѣшнія чувства его, не исключая даже преобладающаго въ немъ чувства вкуса, потому что при ощущеніи пріятнаго вкуса ребенокъ до сихъ поръ еще не выражаетъ никакого замѣтнаго удовольствія.

Но почему дитя такъ радостно стремится къ зеркалу, хочетъ схватить ручонками видимое въ немъ изображеніе? Отчего такое сильное пріятное впечатлѣніе производитъ на него именно его собственное изображеніе,—а не изображеніе матери, кормилицы или вообще того, кто его держитъ въ это время на рукахъ?— Оттого только, что ребенокъ при видѣ изображенія маленькаго человѣка, ощущаетъ, хотя еще вполнѣ смутно и неясно, близость другого, во всемъ подобнаго, сроднаго себѣ существа. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ родители вѣроятно не разъ замѣчали, что ихъ малютки никогда такъ не радовались и такъ постоянно не улыбались, какъ при созерцаніи своего собственнаго изображенія въ зеркалѣ или при видѣ другихъ дѣтей.

Впрочемъ мы должны сознаться, что и въ животныхъ прояв-

ляется то же самое. Посмотрите, съ какою радостью спѣшитъ котенокъ на встрѣчу другому, едва завидѣвъ его, и какъ они начинаютъ играть, барахтаться, лизать другъ друга и т. д.

Какимъ образомъ ребенокъ научается узнавать, что онъ видитъ свое собственное изображеніе, т. е. самого себя въ зеркалѣ? Конечно въ первый разъ ребенокъ вовсе не подозрѣваетъ, что онъ видитъ самого себя; но потомъ, каждый разъ видя все одно и то же изображеніе, которое даже всегда дѣлаетъ движенія, совершаемыя имъ самимъ, онъ наконецъ начинаетъ чувствовать и понимать, что видитъ самого себя. Наши дѣти уже на третьемъ, или самое позднее, на четвертомъ году, хорошо знаютъ, что за зеркаломъ никто не стоитъ, и что они видятъ самихъ себя. Но приведите взрослаго дикаря; при первомъ взглядѣ онъ никакъ не повѣритъ, что видитъ самого себя и непремѣнно заглянетъ за зеркало, чтобы убѣдиться, что тамъ никого нѣтъ.

Удовольствіе и радость ребенка при созерцаніи своего собственнаго изображенія въ зеркалѣ увеличиваются можетъ-быть еще тѣмъ, что онъ чувствуетъ и видитъ, что другое, ему подобное существо дѣлаетъ тѣ же самыя движенія, какъ и онъ самъ.

Кромѣ приведенныхъ фактовъ, еще другія явленія ясно доказываютъ, что ребенокъ въ это время различаетъ уже отдѣльные предметы, усвоиваетъ себѣ изображенія ихъ и потомъ каждый разъ сравниваетъ ихъ съ прежде видѣнными. Такъ, перенесенный въ другую, новую комнату, шестимѣсячный малютка пристально осматриваетъ стѣны, окна и вообще всѣ предметы, находящіеся въ ней, особенно блестящіе и имѣющіе яркій цвѣтъ. Ясно, что въ этомъ случаѣ онъ вспоминаетъ прежнюю свою комнатку со всею ея обстановкою и сравниваетъ новое со старымъ; очутясь же опять въ своемъ привычномъ жилищѣ, малютка не выказываетъ никакого особеннаго наблюденія.

Вообще ребенокъ въ это время уже тотчасъ узнаетъ свою кормилицу, мать, сестеръ, отца и всѣхъ, кто часто бывалъ около него и забавлялъ его. Онъ почти всегда съ улыбкою привѣтству-

етъ своихъ старыхъ знакомыхъ, радуется приходу ихъ и какъ будто хочетъ показать, что они пріятны ему.

Слухъ дитяти также развивается, хотя еще довольно медленно. Ребенокъ начинаетъ различать часто слышанные голоса и поворачиваетъ головку въ ту сторону, гдѣ говорятъ.

Вмѣстѣ съ такимъ развитіемъ четырехъ чувствъ (зрѣнія, слуха, осязанія, вкуса) и рукъ дитяти, туловище и ноги его также укрѣпляются. Прежде оно не могло прямо держать свою головку, которая всегда наклонялась впередъ; теперь затылочныя мышцы могутъ уже поддерживать ее, и ребенокъ начинаетъ сидѣть, сначала между подушками, а потомъ и просто, безъ всякой поддержки. Большею частью дѣти начинаютъ сидѣть на 20—27 недѣляхъ; при этомъ они принимаютъ положеніе человѣка, который только что проснулся, сидитъ на кровати и, не успѣвъ еще хорошенько размаяться, часто теряетъ центръ тяжести, и голова его снова опускается на подушку.

Ноги ребенка также получили нѣкоторую устойчивость. Онъ даже съ особеннымъ удовольствіемъ становится на нихъ, поддерживаемый у подмышекъ. При этомъ здоровыя дѣти часто начинаютъ весело подпрыгивать и быстро сгибать и разгибать свои маленькія ножки.

Здѣсь мы окончимъ обзоръ явленій второго періода жизни грудного дитяти. Нашъ ребенокъ въ своемъ развитіи достигъ слѣдующихъ результатовъ: онъ можетъ различать, а слѣдовательно и сравнивать прежде видѣнное и слышанное съ новыми впечатлѣніями, получаемыми отъ предметовъ внѣшняго міра; въ немъ возникаютъ самыя первоначальныя, вполнѣ еще безсознательныя представленія о разстояніи, пространствѣ, движеніи и мѣстѣ; онъ чаще и веселѣе улыбается, и выражаетъ радость свою не только громкими возгласами, но и живымъ движеніемъ рукъ и ногъ; наконецъ руки, ноги и все тѣло ребенка и особенно затылочныя мышцы настолько окрѣпли, что ребе-

покъ начинаетъ хватать близлежащія маленькія вещи, можетъ сидѣть и, поддерживаемый, становится даже на ноги.

—

III.

Новая пища. Отученіе отъ груди. Начинаніе ходить. Первыя слова.

Въ первыхъ двухъ статьяхъ мы прослѣдили развитіе грудного малютки отъ появленія его на свѣтъ Божій до того времени, какъ онъ началъ сидѣть, довольно свободно двигать рученками, припоминать и сравнивать прежде видѣнное и слышанное. Всѣ эти и другія проявленія полугодовой жизни дитяти, изложенныя нами, свойственны и всѣмъ животнымъ. Собака также узнаетъ своего хозяина и частыхъ гостей его не только зрѣніемъ, но и слухомъ, по голосу ихъ; она, радостно визжа и виляя хвостомъ, встрѣчаетъ своего хозяина; она имѣетъ также и нѣкоторыя представленія о мѣстѣ, движеніи и времени, которыя ничѣмъ не слабѣе и не темнѣе тѣхъ же представленій, возникшихъ, какъ мы видѣли, въ ребенкѣ. Только улыбки не встрѣчаемъ мы въ животномъ; она свойственна одному человѣку. Теперь дитя вступаетъ въ тотъ періодъ развитія, въ концѣ котораго вполнѣ ясно проявляется его человѣческая особенность, какъ будущаго разумно-нравственнаго существа. Границы этого періода еще труднѣе опредѣлить, чѣмъ предъидущаго; у большей части дѣтей онъ занимаетъ всю другую половину перваго года и два-три мѣсяца второго.

Здоровымъ дѣтямъ уже въ началѣ этого періода начинаютъ давать, кромѣ грудного молока, еще другую легкоперевариму́ю пищу. Вкушая новую пищу, ребенокъ каждый разъ дѣлаетъ гри-

маску, какъ будто хочетъ выразить, что онъ ошибся въ своемъ ожиданіи, что его новое кушанье, въ сравненіи съ молокомъ матери, совсѣмъ не такъ вкусно. Нѣкоторыя дѣти при этомъ высказываютъ рѣшительное отвращеніе къ извѣстнымъ вкусамъ. Какія причины этому, не извѣстно. Да едва ли мы, взрослые, можемъ отдать себѣ отчетъ, почему одна пища намъ нравится, а другая нѣтъ, или почему того, что прежде мы ѣли съ полнымъ наслажденіемъ, теперь и въ ротъ не возьмемъ, или на оборотъ.

Особенно кислыя рожицы многія дѣти дѣлаютъ, вкушая въ первый разъ плоды. Ароматическій вкусъ земляники и малины не производитъ на языкѣ дитяти пріятное ощущеніе, и дѣти долгое время не ѣдятъ этихъ ягодъ. Напротивъ того они гораздо скорѣе примиряются со вкусомъ яблоковъ и грушъ и съ большимъ удовольствіемъ кушаютъ ихъ. Хлѣбъ, наша общая, главная пища, тотчасъ же начинаетъ нравиться дѣтямъ; воду они также пьютъ охотно.

Наконецъ настаетъ время тяжелаго испытанія для ребенка, — время отученія его груди. Это случается обыкновенно въ концѣ 9—10 мѣсяцевъ.

Привыкнуть къ чему-нибудь гораздо легче и скорѣе, чѣмъ отвыкнуть, — это знаетъ каждый изъ насъ по своему собственному опыту. Какъ скоро привыкаемъ мы къ куренію, и какъ трудно бываетъ, если нужно, отвыкнуть отъ него! — Во время отучиванія отъ груди различныя дѣти проявляютъ столь же замѣтныя личныя особенности свои, какъ и взрослые въ подобныхъ случаяхъ. Одни изъ нихъ кричатъ цѣлыя ночи, хотя днемъ остаются совершенно спокойными. Это дневное спокойствіе дѣтей происходитъ только оттого, что они днемъ бываютъ разсѣяны, т. е. *впечатлѣнія отъ окружающихъ предметовъ, дѣйствующія на зрѣніе и на слухъ дитяти, гораздо разнообразнѣе и сильнѣе тѣхъ, которыя возбуждаютъ чувство вкуса*; первыя перевѣшиваютъ послѣднія, и ребенокъ за-

бываетъ на время свою утрату. Опытныя няни знаютъ это очень хорошо, и потому стараются занять, разсѣять ребенка шумными, веселыми играми, поютъ, пляшутъ съ нимъ, не позволяютъ кормилицѣ показываться, такъ какъ при видѣ ея дитя сейчасъ же можетъ вспомнить о груди. — Другія дѣти безъ всякаго труда отвыкаютъ отъ груди; они какъ будто сознаютъ, что въ жизни придется во многомъ отказывать себѣ, и потому съ покорностію переносятъ это лишеніе. Но говоря это, мы никакъ не думаемъ объяснять спокойствіе и равнодушіе этихъ дѣтей существованіемъ въ нихъ твердой сознательной воли пріучить самихъ себя заранѣе къ перенесенію всѣхъ будущихъ лишеній. Ни сознанія этихъ предстоящихъ въ жизни лишеній, ни какой-либо твердой воли нѣтъ и не можетъ быть еще въ 9 — 10-мѣсячныхъ малюткахъ. Какъ спокойное, такъ и безпокойное состояніе различныхъ малютокъ во время отученія ихъ отъ груди зависитъ вполнѣ *отъ степени чувствительности языка*, который есть собственно органъ вкуса. Чѣмъ чувствительнѣе нервъ вкуса, развѣтвленный въ языкѣ, тѣмъ живѣе и продолжительнѣе сохраняется въ ребенкѣ воспоминаніе о прежней сладкой пищѣ его; онъ сильнѣе ощущаетъ свое лишеніе, безпокоится и кричитъ. Если же этотъ органъ отъ природы не слишкомъ чувствителенъ, то и ребенокъ легко и совершенно незамѣтно отучивается отъ груди.

Замѣтимъ еще, что перемѣна въ пищѣ ребенка имѣетъ также значительное вліяніе на духовное расположеніе его.

Въ искусствѣ движенія отдѣльныхъ членовъ своего тѣла ребенокъ дѣлаетъ теперь быстрые успѣхи: въ недѣлю онъ подвигается болѣе впередъ, чѣмъ прежде въ цѣлые мѣсяцы. Но все таки такое относительное быстрое развитіе идетъ гораздо медленнѣе, чѣмъ у другихъ сверстниковъ—животныхъ. Маленькій человѣчикъ употребляетъ все слабое сознаніе свое, устремляетъ всѣ свои силы на развитіе тѣхъ членовъ, которые отличаютъ человѣка, именно на развитіе рукъ. И дѣйствительно въ это время ребенокъ съ большею и большею живостью и ловкостью

схватываетъ свои игрушки и все, что находится около него, если только оно подъ силу ему. Всѣ эти вещи ребенокъ теребитъ, дергаетъ, ощупываетъ со всѣхъ сторонъ. При этомъ онъ научается и употребленію *большого пальца*. Съ большимъ наслажденіемъ малютка начинаетъ играть съ тѣми предметами, которые онъ можетъ приводить въ движеніе; онъ весело трясетъ кошелекъ, поворачиваетъ ручку кофейной мельницы и, сидя на комодѣ, старается всѣми способами выдвинуть за пуговку одинъ изъ маленькихъ туалетныхъ ящиковъ. Особенное удовольствіе доставляетъ ребенку плесканіе рукою въ водѣ, вѣроятно потому, что вода не представляетъ большого сопротивленія, и онъ можетъ совершенно свободно распоряжаться ею.

Между тѣмъ спинныя мышцы укрѣпляются болѣе и болѣе, и малютка начинаетъ сидѣть гораздо тверже и безъ всякой поддержки. Но голова его все еще слишкомъ тяжела для затылочныхъ мышцъ, и потому ребенокъ не можетъ держать ее совершенно прямо. Твердое сидѣніе доставляетъ ему возможность еще свободнѣе и удобнѣе нагибаться, подниматься и дѣйствовать руками.

Если ребенка посадятъ и около него разставятъ игрушки, то онъ нагибается, тянется къ нимъ, чтобы достать ихъ; при этомъ голова часто перевѣшиваетъ: онъ теряетъ равновѣсіе и падаетъ на бокъ или ничкомъ, и самъ уже не можетъ подняться.

Каждую игрушку ребенокъ разсматриваетъ со всѣхъ сторонъ, царапаетъ, треплетъ ее и тащитъ въ ротъ. Съ какимъ удивленіемъ смотритъ онъ на выскользнувшее изъ его рученокъ и катящееся деревянное яичко, или на прыгающій мячикъ! Потомъ онъ самъ съ большою радостью хватаетъ въ кулачокъ все круглое и бросаетъ, чтобы оно покатилось. Хлопаніе рукою по столу и особенно по клавишамъ фортепіано доставляетъ ему также большое удовольствіе, и онъ долго занимается этимъ.

Первыя игры дѣтей представляютъ движенія членовъ тѣла, особенно рукъ; эти движенія совершаются ребенкомъ совершенно инстинктивно, потому что ихъ требуютъ развивающіеся мускулы.

Вообще всѣ органы чувствъ, весь развивающійся организмъ дитяти требуетъ теперь дѣятельности, и ребенокъ радуется тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя приводятъ его въ дѣятельность; такъ онъ любитъ слушать пѣсни; свистокъ съ бубенчиками и звуки музыки особенно нравятся ему, потому что они пріятно потрясаютъ, приводятъ въ дѣятельность и укрѣпляютъ развивающійся слухъ его.

Въ это же время мы замѣчаемъ въ ребенкѣ стремленіе встать на ноги. Хватаясь маленькими рученками за платье своей няни, или за край стула, или ванны во время купанья, дитя старается приподняться, и если послѣ многихъ попытокъ и большого напряженія ему удается добиться этого, то онъ обыкновенно радостно восклицаетъ, веселится и торжествуетъ. Вскорѣ потомъ малютка, придерживаясь за край чего-нибудь, начинаетъ стоя подвигаться. При этомъ ножки его совершаютъ въ первый разъ то движеніе, которое имъ назначено самою природою на цѣлую жизнь.

Въ душѣ дитяти начинаетъ также постепенно свѣтать. Прежде всего мало по малу уменьшается продолжительность сна; хотя ребенокъ спитъ все еще очень много, но засыпаетъ днемъ отъ 2—4 разъ и часа на два не болѣе. Лицо его во время сна не имѣетъ уже прежняго тупого, безжизненанго выраженія, но получаетъ какую-то особенную, неземную миловидность. Дитя спитъ гораздо спокойнѣе прежняго и просыпается свѣжимъ, веселымъ и бодрымъ.

Глаза его все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ вниманіемъ осматриваютъ окружающіе предметы и получаютъ *разумное выраженіе*. Свѣтъ и огонь доставляютъ ребенку великое удовольствіе. Вечеромъ, когда освѣтятъ комнату, онъ торжествуетъ, выходитъ изъ себя отъ радости и не знаетъ, какъ выразить ее.

Слухъ также дѣлаетъ большіе успѣхи. Ребенокъ начинаетъ *прислушиваться*. Прислушиваніе выражаетъ не только одно невольное воспринятіе или слышаніе звуковъ, но преимущественно желаніе или стремленіе услышать; слѣдовательно въ немъ про-

является хотя слабое дѣйствіе свободной воли ребенка. Сначала онъ поворачиваетъ только лицо свое въ ту сторону, гдѣ говорятъ; теперь онъ слышитъ лай собаки на улицѣ и выражаетъ желаніе посмотрѣть въ окно. Слѣдовательно ребенокъ инстинктивно или посредствомъ необъяснимыхъ еще соображеній совершенно правильно заключаетъ, что звучащій предметъ долженъ находиться въ томъ мѣстѣ, откуда раздается звукъ. Теперь ребенокъ выказываетъ также явную способность *различать звуки*, сравнивая новые съ прежними, отъ которыхъ остались слѣды въ воспоминаніи его. Даже сочувствіе къ извѣстнымъ звукамъ проявляется уже въ малюткѣ въ это время; такъ ему особенно нравится звонкій бой часовъ, и онъ выражаетъ желаніе, чтобы этотъ бой продолжался. Нѣкоторые звуки уже глубоко запали въ душу дитяти ясно, хранятся въ ней, и при первомъ случаѣ дитя ясно показываетъ, что они хорошо знакомы ему, слѣдовательно легко припоминаетъ ихъ. Такъ голосъ матери, кормилицы; отца еще издали узнаются ребенкомъ: лицо сіяетъ радостью, онъ покидаетъ свои игрушки и хочетъ скорѣе увидѣть ихъ. Музыкальные тоны и мелодіи также проясняются для слуха дитяти, уже болѣе не отдаются въ немъ смутнымъ шумомъ; десятимѣсячный малютка прыгаетъ на рукахъ своей няни, махаетъ рученкою подъ звуки музыки, какъ будто чувствуетъ и хочетъ бить тактъ. Мы, взрослые, невольно дѣлаемъ то же самое, слушая музыку, киваемъ и махаемъ головою или рукою, или бьемъ тактъ ногою.

Расположеніе духа ребенка въ этотъ періодъ характеризуется необыкновенно живою веселостью. Въ первое полугодіе малютка казался ко всему совершенно равнодушнымъ или постоянно серіознымъ; онъ только иногда ухмылялся и тихо лепеталъ и гуторилъ, но чаще кричалъ и плакалъ; теперь же онъ радуется, веселится, готовъ цѣлый день прыгать, скакать, смѣяться громко и отъ всей души; особенно хорошее и живое расположеніе

духа получаетъ ребенокъ, купаясь въ ваннѣ, или вечеромъ, когда вдругъ освѣтятъ комнату.

Въ это же время дѣти особенно любятъ общество и, оставаясь одни, часто начинаютъ горько и жалостно плакать, пока кто-нибудь не придетъ къ нимъ.

Лепетаніе развивается; количество отдѣльныхъ звуковъ увеличивается, и они произносятся протяжно, какъ бы на распѣвъ, или одни и тѣ же слоги быстро повторяются, напр. бя бя бя — пууу—де де де—абаба—надад и пр.

Стремленіе къ подражанію и перениманію хотя уже возникаетъ въ дѣтяхъ въ этотъ періодъ, но проявляется очень слабо и неловко: дѣти не умѣютъ еще подражать самымъ простымъ движеніямъ взрослыхъ. Такъ они долгое время не могутъ научиться манить рукою, между тѣмъ какъ это движеніе состоитъ только въ простомъ, одновременномъ сгибаніи пальцевъ. Неловкость малютокъ въ этомъ случаѣ напоминаетъ попытки начинающаго дѣлать трели на фортепіано. Нѣкоторыя дѣти долгое время не дѣлаютъ никакихъ успѣховъ въ подражаніи и перениманіи; изъ этого однако жъ нельзя заключать о малоспособности ихъ. Опытъ не разъ показывалъ, что дѣти, развивающіяся въ началѣ очень медленно, впослѣдствіи разомъ подвигаются впередъ, и притомъ дальнѣйшее развитіе ихъ идетъ гораздо основательнѣе, чѣмъ въ тѣхъ дѣтяхъ, которыя сначала быстро развиваются и рано высказываютъ различныя способности и ловкости.

Въ *пониманіи* движенія ребенокъ теперь также дѣлаетъ большой шагъ впередъ: онъ наклоняетъ и протягиваетъ головку на встрѣчу ложкѣ. Это движеніе есть очевидно слѣдствіе болѣе сложныхъ умственныхъ соображеній, чѣмъ кажется съ перваго раза. Ребенокъ долженъ сначала сообразить, понять, что ложка приближается къ нему,—потомъ, что если онъ самъ нагнется къ ней, то скорѣе встрѣтитъ ее и получитъ пищу. Для того чтобы понять приближеніе ложки, ребенокъ долженъ уже знать, что предметы могутъ находиться ближе или дальше, т. е. что раз-

стояніе предметовъ бываетъ различное. Такое познаніе дитя пріобрѣтаетъ своимъ собственнымъ опытомъ, во время хватанія различныхъ предметовъ, потому что для этого оно должно было короче или длиннѣе протягивать свою ученку.

Всѣ изложенныя нами явленія показываютъ, что ребенокъ къ концу третьей четверти перваго года своей жизни сдѣлалъ слѣдующіе новые успѣхи въ своемъ развитіи: онъ внимательно осматриваетъ все его окружающее, вообще всѣ новые предметы; слабыя представленія о мѣстѣ, пространствѣ, движеніи и времени обогащаются и проясняются. Малютка прислушивается и не только различаетъ отдѣльные звуки, но и выказываетъ сочувствіе, предпочтеніе къ извѣстнымъ тонамъ. Въ концѣ второго періода онъ могъ двигать только другіе предметы, теперь онъ начинаетъ двигать и свое собственное тѣло. Вообще во всемъ ребенкѣ проявляется замѣчательная подвижность; расположеніе духа его бываетъ большею частью живое, веселое, *сангвиническое*. Впрочемъ отъ общей подвижности всего организма малютки зависятъ и быстрые переходы и измѣненія въ его духовномъ расположеніи. Самая малѣйшая, почти неуловимая для наблюдателя причина побуждаетъ ребенка надувать губки, морщить веселенькое личико, и онъ начинаетъ плакать, кричать.

Пойдемъ теперь далѣе въ нашихъ наблюденіяхъ. Мы видимъ ясно, что хотя развитіе ребенка совершается очень медленно, но все-таки оно постоянно идетъ впередъ, не остается въ одномъ и томъ же положеніи.

Мы видѣли уже, какъ малютка приподнимался на ноги, стоялъ, держась за край стула, и даже передвигалъ ножки. Только очень немногія дѣти продолжаютъ такія попытки, пока не начнутъ ходить. Большая часть изъ нихъ, да почти всѣ, какъ будто испугавшись своей смѣлости, снова опускаются на полъ и начинаютъ ползать, а иногда и ходить на четвереренькахъ. Естествен-

ная причина этому неокрѣпость берцовыхъ костей, въ которыхъ еще мало извести. (*)

Наблюденіе надъ дѣтьми, начинающими ползать, чрезвычайно занимательно. Ребенокъ, сидя на полу, тянется за какой-нибудь игрушкой, которую онъ хочетъ достать; при этомъ онъ теряетъ равновѣсіе и падаетъ впередъ. Падая, онъ невольно протягиваетъ рученки и замѣчаетъ, что надо только немного подвинуться, чтобы достать желаемую игрушку. Такимъ образомъ дитя научается ползать. Почему многія дѣти только ползаютъ, а другія вмѣстѣ съ этимъ ходятъ на четвереньках, неизвѣстно; наблюденія показали однако жъ, что дѣти, родившіяся съ кривыми или косыми ногами, ограничиваются однимъ ползаніемъ. Замѣчательно еще, что только-ползающія дѣти потомъ гораздо позже и медленнѣе начинаютъ ходить, чѣмъ тѣ, которыя передвигались на четвереньках.

Во время ползанія ноги укрѣпляются, и иногда въ концѣ перваго года, чаще въ первой четверти или въ половинѣ второго, ребенокъ вдругъ становится прямо на ноги и стоитъ не держась. Этотъ шагъ въ развитіи дитяти чрезвычайно важенъ: оно освобождается теперь отъ прежней полной, безусловной зависимости отъ земли; съ этихъ поръ дитя начинаетъ чувствовать, что и ему достаточно двухъ членовъ для движенія, а руками оно можетъ дѣйствовать. Здѣсь развитіе маленькаго человѣка отдѣляется въ первый разъ отъ развитія сверстниковъ-животныхъ. Ни одно изъ нихъ не можетъ долго стоять на заднихъ лапахъ и совершенно свободно распоряжаться и дѣйствовать передними. Даже обезьяна не въ состояніи стоять такъ отвѣсно-прямо, если она не опирается на что-нибудь, по крайней мѣрѣ хоть одною изъ переднихъ лапъ.

Нашъ малютка въ первый разъ стоитъ нѣсколько мгновеній совершенно прямо и свободно, безъ всякой опоры, и съ какимъ-

---

(*) Берцовыя кости образуютъ ту часть ноги, которая идетъ отъ колѣна до стопы.

то съ боязливымъ удивленіемъ посматриваетъ вокругъ себя; вотъ онъ начинаетъ шататься и опускается снова на полъ. Но первая попытка уже сдѣлана и очень понравилась ему; ноги его окрѣпли, и во второй разъ онъ ужъ становится съ большею смѣлостью, смѣлѣе двигается около стула и обходитъ его кругомъ, держась за край; такимъ образомъ мало по малу ноги его пріучаются дѣлать шаги, и ребенокъ начинаетъ ходить.

Первая попытка ходить представляетъ столь любопытное и занимательное зрѣлище, что невольно сдерживаешь дыханіе. Въ лицѣ свободно-стоящаго ребенка выражается какое-то серіозное намѣреніе, какъ будто онъ замышляетъ какой-нибудь геніальный планъ, но его что-то удерживаетъ: малютка какъ будто сначала не рѣшается, колеблется. Вдругъ одна ножка выдвигается впередъ, рученка протягивается, и ребенокъ начинаетъ балансировать, покачиваться. Иногда первая попытка ограничивается этимъ, и малютка падаетъ. Иногда же онъ разомъ быстро дѣлаетъ нѣсколько частыхъ шаговъ, особенно когда недалеко отъ него стоитъ какой-нибудь предметъ, за который онъ можетъ ухватиться. Если любящая мать въ это время, не будучи въ состояніи сдержать свой восторгъ, радостно воскликнетъ, то ребенокъ обыкновенно падаетъ. Не такъ ли большою частью случается и съ молодыми, въ первый разъ выступающими талантами, которыхъ друзья, желая ободрить, привѣтствуютъ при первомъ появленіи шумными рукоплесканіями и криками?

Нѣкоторыя дѣти цѣлыя недѣли сидятъ послѣ сдѣланной первой попытки, какъ будто не могутъ достаточно отдохнуть послѣ такого тяжелаго труда. Другія же, не останавливаясь, идутъ впередъ, стараются скорѣе усовершенствоваться во вновь открытомъ искусствѣ.

Если дѣти въ это время тяжело заболѣваютъ, то потомъ по выздоровленіи имъ приходится снова начинать тѣ же опыты.

Только понемногу ребенокъ перестаетъ бояться, не шатается и начинаетъ ходить съ нѣкоторою увѣренностью. Ноги все болѣе

и болѣе укрѣпляются и пріобрѣтаютъ способность легко двигать тѣло, такъ что человѣкъ вполнѣ можетъ употреблять руки свои на другія занятія.

Въ началѣ послѣдней четверти перваго года прорѣзываются первые зубы и именно передніе зубы на нижней деснѣ. Одно мѣстечко на этой деснѣ начинаетъ краснѣть, разгорячается, пухнетъ; наконецъ опухоль опадаетъ, и изъ краснаго мяса показывается бѣленькій кончикъ. Съ этихъ поръ жеваніе и глоданіе дѣлается для ребенка необходимостью, потому что одинъ за другимъ выходящіе зубы увеличиваютъ болѣзненный зудъ въ деснахъ.

Послѣ того какъ прорѣжутся нѣсколько зубовъ, формы лица дитяти значительно измѣняются: челюсти приподнимаются, нижняя часть лица выравнивается и выдвигается впередъ, и вообще лицо принимаетъ болѣе рѣшительное, опредѣленное выраженіе.

Во время такого укрѣпленія и развитія рукъ, ногъ и другихъ тѣлесныхъ членовъ, органы чувствъ также постоянно развиваются, дѣлаются свѣтлѣе, чувствительнѣе, и вѣрнѣе и скорѣе сообщаютъ все еще слабому духу малютки представленія отъ предметовъ внѣшняго міра. Въ особенности глаза: они не останавливаются безсознательно на предметахъ, но всматриваются и наблюдаютъ. Если ребенка выносятъ въ свѣтлый хорошій день на воздухъ, то онъ обращаетъ свой взоръ на тѣ предметы, которые особенно привлекаютъ его, нравятся ему. Онъ смотритъ на играющихъ дѣтей, на бѣгающихъ животныхъ, на журчащій ручеекъ или на тѣ предметы, которые имѣютъ яркія краски, или блестятъ, на цвѣты, на синее небо, или на высокіе предметы, на башни, колокольни, деревья и т. д. При этомъ взоръ младенца, какъ каждый можетъ замѣтить, устремляется преимущественно къ верху, что также составляетъ отличительную черту человѣка отъ всѣхъ животныхъ, которыя почти всегда смотрятъ внизъ. Такимъ образомъ чрезъ глаза ребенка проникаютъ въ душу его изображенія множества новыхъ предметовъ и остаются въ ней.

Точно такъ же ухо доставляетъ душѣ дитяти много ясныхъ

впечатленій отъ отдѣльныхъ звуковъ. Ребенокъ уже понимаетъ слова: папа, мама, няня, дядя, тётя, огонь, свѣтъ, окно, солнце, мѣсяцъ, улица, лошадь, собака, птичка и много другихъ, хотя еще и не можетъ произносить ихъ. Слѣдовательно малютка теперь не только можетъ ясно слышать и различать отдѣльные звуки, но и цѣлыя слова для него уже становятся понятными, возбуждаютъ въ немъ извѣстныя представленія прежде видѣнныхъ лицъ и предметовъ; ребенокъ понимаетъ, сознаетъ значеніе этихъ словъ. Наблюденія доказываютъ, что пониманіе извѣстнаго числа словъ предшествуетъ произношенію ихъ.

Чѣмъ же выражаетъ теперь нашъ малютка свои желанія, чего онъ хочетъ, что ему нужно, чѣмъ можетъ выразить онъ свои мысли, которыя уже составились въ головкѣ его? Вѣдь онъ еще не умѣетъ говорить. Ребенокъ трясетъ головкою, если не соглашается въ чемъ-нибудь, отрицаетъ. Вообще онъ употребляетъ различныя движенія, жесты для выраженія своихъ желаній, мыслей, чувствъ.

Въ доказательство болѣе сложной духовной дѣятельности дитяти въ это время, мы приведемъ слѣдующій примѣръ, который выражаетъ цѣлый послѣдовательный рядъ сужденій. Ребенокъ радостно тянется къ столу, какъ только покроютъ его скатертью. Отчего это? Не возникаетъ ли при этомъ въ малюткѣ рядъ сужденій въ родѣ слѣдующихъ: «когда столъ накрывали, то мнѣ давали кушать; теперь его накрываютъ, слѣдовательно мнѣ опять дадутъ кушать»; и малютка, готовый всегда ѣсть, радуется, веселится и просится къ столу.

Расположеніе духа дитяти становится еще живѣе и веселѣе. Ребенокъ громко и радостно восклицаетъ, когда зажигаютъ огонь, громко смѣется, дѣлаетъ различные жесты, начинаетъ возиться и кувыркаться по дивану и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на толчки, получаемые при этомъ. Въ такія минуты ребенокъ вполнѣ долженъ чувствовать себя счастливымъ, онъ весь олицетворенная сіяющая радость и веселіе.

Вмѣстѣ съ такимъ преобладательно-веселымъ и живымъ настроеніемъ духа, смѣлостью и отважностью ребенка, въ это же время проявляются въ немъ и первые ясные слѣды *страха*. Прежде онъ не выражалъ никакой боязни; только сильные удары, сильный шумъ и громъ, потрясая разомъ слабые слуховые нервы дитяти, приводили его въ невольный, безсознательный трепетъ, и оно пугалось, начинало кричать. Теперь слухъ малютки, такъ сказать, открылся, сдѣлался чувствительнѣе, и ребенокъ привыкъ уже различать тонъ, съ которымъ произносится слово; вмѣстѣ съ этимъ значеніе извѣстныхъ словъ также сдѣлалось понятнымъ для него. Дитя капризничаетъ и кричитъ; но лишь только заслышитъ серіозный, строгій голосъ отца, тотчасъ же умолкаетъ. Отчего малютка перестаетъ кричать? Онъ боится, потому что помнитъ, что за этимъ строгимъ голосомъ можетъ-быть уже нѣсколько разъ слѣдовало наказаніе, если онъ не умолкалъ. Строгое, суровое выраженіе лица и особенно уродливыя маски сильно пугаютъ ребенка. Многія дѣти боятся собакъ, кошекъ и вообще животныхъ; даже заведенная и бѣгающая игрушечная мышка пугаетъ ихъ.

Во многихъ проявленіяхъ жизни дитяти, изложенныхъ нами, мы не разъ могли замѣтить выраженіе желаній ребенка, влеченій его къ кому и чему-нибудь, или отвращеній. Ребенокъ протягивалъ рученку за игрушкою, очевидно желая имѣть ее, и проч. Теперь онъ выражаетъ свои чувства и желанія еще яснѣе. Онъ встрѣчаетъ радостными улыбками, ласкаетъ рученками и цѣлуетъ кормилицу, мать, отца, сестеръ, братьевъ или вообще всѣхъ тѣхъ, кто прежде уже нѣсколько разъ забавлялъ его, давалъ ему гостинцы, приносилъ игрушки. Такъ же точно ребенокъ не пойдетъ на руки къ тѣмъ людямъ, которые обыкновенно дразнили, обижали его; онъ отвращается отъ нихъ, не хочетъ видѣть ихъ. Напрасно мы стали бы искать въ такомъ влеченіи, или въ такомъ отвращеніи малютки какое-нибудь духовное, нравственное чувство, любовь, привязанность. Нѣтъ; положительно

въ дитяти въ этотъ періодъ его развитія еще и помину нѣтъ объ этихъ высоко-духовныхъ чувствахъ. Причины влеченія къ извѣстному предмету, или отвращенія, удаленія отъ него лежатъ очевидно въ тѣхъ пріятныхъ или непріятныхъ ощущеніяхъ, которыя пробуждаются, вспоминаются ребенку при появленіи этого предмета. Дитя есть маленькій эгоистъ, т. е. маленькій *по росту*, а никакъ не *по силѣ* эгоизма; но эгоистъ нисколько не умышленный, вполнѣ еще невинный, хотя изъ невинности дѣтскаго эгоизма вовсе не слѣдуетъ, что бы надо было ребенка гладить по головкѣ и тотчасъ же всегда удовлетворять его эгоистическимъ стремленіямъ. Всѣ образовавшіяся въ ребенкѣ и выражаемыя имъ чувства и желанія составляютъ зародышъ всего будущаго здраваго или болѣзненнаго, или вообще нравственнаго или безнравственнаго характера его, въ которомъ вполнѣ заключается счастіе или несчастіе всей жизни человѣка. Поэтому-то родители или воспитатели должны постоянно и неусыпно слѣдить за свѣми выражаемыми ребенкомъ чувствами и желаніями, тщательно различать хорошія, правильныя отъ дурныхъ, ложныхъ, разпознавать основныя причины и тѣхъ и другихъ, чтобы уничтожить, вырвать съ корнемъ все дурное въ самомъ зародышѣ его. Потомъ это дурное быстро окрѣпнетъ, сдѣлается сложнѣе, запутаннѣе, и будетъ труднѣе уничтожить его; оно можетъ навсегда остаться въ ребенкѣ и породить самыя дурныя наклонности, образовать самый скверный характеръ.

Въ концѣ перваго года, или въ началѣ второго, вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ всѣхъ органовъ чувствъ и всего тѣла ребенка, органы звука (гортань, полость рта, нёбо, языкъ, зубы и губы) достигаютъ той степени развитія, что они доставляютъ ребенку возможность произносить, хотя не вполнѣ ясно, членораздѣльные звуки—принадлежность только человѣческая. Дитя уже много видѣло и слышало; отъ этого видѣннаго и слышаннаго остались многія представленія въ душѣ его. Кромѣ того ребенокъ, какъ мы уже упоминали, началъ понимать часто произносимыя слова,

означающія названіе также часто видимыхъ имъ предметовъ; звуки, изъ которыхъ состоятъ самыя простыя изъ этихъ словъ, усвоены имъ, и только не довольно развившіеся органы голоса не позволяли ребенку произносить эти звуки и слова, состоящія изъ нихъ. Теперь это препятствіе мало по малу исчезаетъ, и родители слышатъ первыя слова своего ненаглядпаго малютки. Какія бываютъ эти слова? Обыкновенно: папа, мама, няня, тётя, дядя, т. е. тѣ, которыя чаще всего слышались ребенку и по простотѣ составныхъ звуковъ своихъ могутъ быть произнесены имъ. Вслѣдъ за ними идутъ звукоподражательныя слова: бимбамъ, тиктакъ, му, амъ-амъ, бя, бай-бай и проч. У нѣкоторыхъ дѣтей за первымъ произнесеннымъ словомъ слѣдуютъ быстро и другія слова, между тѣмъ какъ иныя дѣти произносятъ новыя слова съ большими промежутками; иногда проходятъ цѣлыя недѣли, пока услышешь отъ нихъ новое словцо. Утромъ и вечеромъ дѣти особенно много лепечутъ; и мы взрослые бываемъ разговорчивы преимущественно въ это время.

Большею частію въ началѣ всѣ первыя произносимыя слова суть имена существительныя. Къ нимъ скоро присоединяются нарѣчія: *да*, *нѣтъ*, *хорошо*, *худо*, *больно*, *тамъ*, *туда*, очень неясно выговариваемыя дѣтьми. Изъ мѣстоименій употребляется иногда при случаѣ *ты*, и то въ видѣ угрозы, какъ междометіе. Для обозначенія лицъ личныя мѣстоименія употребляются гораздо позднѣе. Мѣстоименіе притяжательное *мой* произносится довольно скоро. Глаголы употребляются только въ неопредѣленномъ наклоненіи, и то очень немногіе, напр. спать, пить, плакать, сидѣть, кушать и проч. Извѣстно, что дѣти выговариваютъ въ началѣ только очень немногія слова понятно и довольно ясно; бо́льшую же часть словъ они совершенно измѣняютъ и коверкаютъ, и надо имѣть особенную привычку и искусство, чтобы понимать первый дѣтскій лепетъ.

На этомъ мы пока остановимъ нашъ краткій и далеко не полный біографическій очеркъ младенца. Этотъ очеркъ намъ нуженъ

былъ для того, чтобы имѣть хоть нѣсколько положительныхъ данныхъ, взятыхъ изъ самой жизни грудного ребенка, на основаніи которыхъ мы надѣемся проще и понятнѣе объяснить начало духовнаго развитія человѣка и тѣсную связь его съ тѣлеснымъ развитіемъ.

—

ОПЫТНАЯ ПСИХОЛОГІЯ. (*)

I.

ОБЛАСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНІЙ.

1. Основы способностей и впечатлѣнія.

Наблюденія надъ новорожденнымъ доказываютъ, что онъ можетъ видѣть слышать, осязать, вкушать и обонять, хотя дѣлаетъ это совершенно безсознательно. Слѣдовательно дитя рождается со способностями видѣть, слышать, осязать, вкушать и обонять.

Узнавать и различать отца, мать, сестеръ и вообще окружающіе предметы дитя научается гораздо позже. Еще менѣе оно можетъ говорить, мыслить, читать, писать, мечтать, — все это развивается также постепенно, со временемъ, при дальнѣйшемъ развитіи.

(*) Beneke: Pragmatische Psychologie. 2 Bde. 1850, Berlin.
» Psychologie als Naturwissenschaft.
» Grundlinien der Sittenlehre. 2 Bde. 1837—1841.
Dressler. Beneke oder die Seelenlehre als Naturwissenschaft.
Raue: Die neue Psychologie Dr Beneke's, 3-te Aufl.
Ueberweg: Die Entwickelung des Bewusstseins. 1853.
Dittes: Das menschliche Bewusstsein. 1852.
При составленіи этихъ статей мы руководствуемся преимущественно четырьмя послѣдними сочиненіями.

Поэтому способности видѣть, слышать, осязать и т. д. мы называемъ *врожденными основами душевныхъ способностей*, изъ которыхъ развиваются *всѣ прочія способности и силы духа нашего*, проявляющіяся въ извѣстной степени, сильнѣе или слабѣе, въ жизни каждаго хотя нѣсколько развитаго человѣка.

Какимъ же образомъ возникаетъ и совершается это развитіе?

Тѣ же наблюденія даютъ намъ вѣрный отвѣтъ. Дитя сосетъ грудь, принимаетъ въ себя питательную пищу, и тѣло его увеличивается, укрѣпляется, дитя ростетъ; вмѣстѣ съ развитіемъ всего тѣла укрѣпляются и развиваются органы чувствъ. Вслѣдствіе этого ребенокъ начинаетъ яснѣе видѣть, слышать, осязать и т. д.

Дитя часто видитъ кормилицу, мать, отца, сестеръ и начинаетъ узнавать ихъ, ласкать, цѣловать.

Дитя слышитъ нѣсколько разъ голосъ отца, матери, начинаетъ различать ихъ и протягиваетъ рученки на встрѣчу къ нимъ.

Дитя слышитъ строгій голосъ отца и перестаетъ кричать и плакать.

Возьмите любое сѣмя; разрѣжьте его, разсматривайте въ какой угодно микроскопъ, вы не увидите въ немъ никакихъ готовыхъ формъ будущихъ листьевъ, вѣтвей, будущаго цвѣтка или дерева, которыя бы нуждались въ одномъ только увеличеніи или расширеніи. Сѣмя не заключаетъ въ себѣ ничего похожаго на будущее растеніе. Въ немъ содержится только едва замѣтный зародышъ, который начнетъ развиваться, пуститъ ростокъ, когда мы положимъ сѣмя въ сырую землю, т. е. когда къ тому, что находится въ зернѣ, присоединится нѣчто *внѣшнее*, необходимое для развитія зародыша, именно питательная влага и теплота. Слѣдовательно въ сѣмени заключается только *одинъ дѣятель* для образованія растенія, которое появляется, и выростаетъ, когда съ этимъ дѣятелемъ *соединяется другой, внѣшній дѣятель*. Послѣдній возбуждаетъ и, такъ сказать, наполняетъ перваго.

То же самое видимъ мы и въ новорожденномъ. Основы душевныхъ способностей, съ которыми дитя рождается, не заключаютъ

въ себѣ готовыхъ мыслей, понятій, сужденій, чувствъ, желаній. Въ этихъ основахъ содержится, какъ и въ сѣмени, только *одинъ дѣятель*, только *одна возможность* образованія всего будущаго духовнаго состоянія человѣка, однимъ словомъ, *возможность развитія*. Эта возможность осуществляется, развитіе возникаетъ, когда другой, *внѣшній дѣятель*, т. е. окружающіе внѣшніе предметы начинаютъ дѣйствовать на основы способностей нашихъ, возбуждаютъ и наполняютъ ихъ.

Если бы не было внѣшнихъ предметовъ, то новорожденный ничего бы не видѣлъ, не слышалъ, не осязалъ, т. е. онъ ничего бы не могъ *воспринимать въ себя*, *усвоивать себѣ*, и потому врожденныя ему способности—видѣть, слышать, осязать, вкушать, обонять не получали бы питанія, не могли бы развиваться.

Мы можемъ видѣть только тогда, когда предметы освѣщены и какъ *видимые* дѣйствуютъ на наше зрѣніе; мы можемъ слышать тогда только, когда произойдетъ звукъ, и звуковыя волны начнутъ дѣйствовать на нашъ слухъ. Всѣ эти дѣйствія внѣшнихъ предметовъ, необходимыя для того, чтобы мы ихъ могли видѣть, слышать и т. д., называются *впечатлѣніями*.

Изъ всего этого ясно слѣдуетъ, что врожденныя основы душевныхъ способностей и впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ составляютъ самыя первыя и единственныя основанія всего будущаго духовнаго достоянія человѣка; отъ ихъ правильнаго соединенія и взаимнодѣйствія зависитъ все духовное развитіе дитяти.

Познавъ врожденныя основы душевныхъ способностей ребенка и понимая впечатлѣнія, производимыя на нихъ внѣшними предметами, каждый можетъ понять духовное развитіе человѣка.

2. Необходимыя условія для соединенія основъ способностей съ впечатлѣніями.

«О, да какой же вы гордецъ! Мы васъ встрѣтили, кланялись,

кричали вамъ; вы смотрѣли на насъ и даже головой не кивнули!» Навѣрное многимъ приходилось выслушивать отъ знакомыхъ подобные полушутливые и полусеріозные упреки.

Я нахожусь въ обществѣ: предо мною пляшутъ, играютъ, говорятъ, хохочутъ, а я никого не вижу, ничего не слышу и не замѣчаю, что происходитъ около меня.

Кому не случалось присутствовать при разговорѣ и давать отвѣты совершенно невпопадъ, потому что онъ смотрѣлъ и слушалъ и ничего не слыхалъ.

Между тѣмъ во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ зрѣніе и слухъ и всѣ органы чувствъ нашихъ были въ порядкѣ. Отчего же мы глазами смотрѣли и не видѣли? Ушами слушали и ничего неслыхали? Оттого, что только глаза наши смотрѣли и только уши наши слушали, а не мы сами; оттого, что мы задумались; оттого, что душа наша была занята чѣмъ-то другимъ, и это другое овладѣло всею дѣятельностью, привлекло къ себѣ все вниманіе ея. И что же? Какъ только прекращается наша задумчивость, какъ только душа наша снова становится присущею въ разговорѣ, въ дѣйствіи, опять принимаетъ участіе во всемъ происходящемъ около насъ, — глаза наши смотрятъ и видятъ, уши слушаютъ и слышатъ, и мы чувствуемъ понимаемъ, сознаемъ.

Слѣдовательно, чтобы видѣть, слышать и пр., недостаточно только смотрѣть глазами, слушать ушами; а необходимо, чтобы мы были расположены слушать, видѣть, чтобы *душа наша обращала вниманіе на видимое и слышимое.*

Далѣе: кто ослѣпъ, тотъ уже не можетъ видѣть; кто оглохъ — тотъ не слышитъ; кто отморозилъ себѣ пальцы, тотъ болѣе не осязаетъ; имѣющій сильный насморкъ не обоняетъ; точно такъ же и вкусъ совершенно измѣняется, если испорченъ желудокъ, или языкъ обложенъ бѣлою слизью и т. д.

Всѣ эти явленія неопровержимо доказываютъ, что для того, чтобы видѣть, слышать, обонять, необходимо имѣть еще *здоровые органы чувствъ,* посредствомъ которыхъ впечатлѣнія отъ внѣш-

нихъ предметовъ сообщаются душѣ, соединяются съ душевными способностями нашими.

И такъ для соединенія душевныхъ способностей съ впечатлѣніями отъ внѣшнихъ предметовъ существенно необходимы два условія: 1) расположеніе души воспринимать эти впечатлѣнія и 2) здоровые органы чувствъ.

3. Соединеніе основъ способностей съ впечатлѣніями.

Грудной младенецъ, просыпаясь, поворачиваетъ головку и обращаетъ свои взоры въ ту сторону, откуда проникаетъ свѣтъ; онъ поводитъ прояснившимися глазками и таращитъ ихъ, чтобы воспринять свѣтовыя впечатлѣнія, выходящія отъ окружающихъ предметовъ. Закройте ему глаза рукою, и вы увидите, какъ малютка будетъ стараться отодвинуть вашу руку, потому что въ зрѣніи его находится природное стремленіе видѣть, смотрѣть, а рука ваша мѣшаетъ ему удовлетворять этому врожденному стремленію. Дитя устремляетъ слухъ свой на встрѣчу звуку. Покажите ребенку карманные часы; онъ тотчасъ же устремляетъ къ нимъ свои глаза, протягиваетъ ученки, и если вы дадите ему часы, то онъ начнетъ осматривать ихъ со всѣхъ сторонъ, осязать, ощупывать, потащитъ ихъ въ ротъ, чтобы только какъ можно ближе познакомиться съ ними.

Мы слышимъ шумъ; онъ не совсѣмъ внятенъ. Тогда мы напрягаемъ весь слухъ нашъ, подстерегаемъ, такъ сказать, немногія звуковыя впечатлѣнія, чтобы по крайней мѣрѣ хоть ими овладѣть вполнѣ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ основахъ душевныхъ способностей нашихъ заключается природное стремленіе воспринимать внѣшнія впечатлѣнія; онѣ сами стремятся на встрѣчу къ впечатлѣніямъ отъ внѣшнихъ предметовъ

и самодѣятельно воспринимаютъ ихъ, а не остаются при этомъ только страдательными, невольно-воспринимающими дѣятелями.

Я показываю вамъ растеніе; тотчасъ же зрѣніе или зрительная способность ваша стремится къ свѣтовымъ впечатлѣніямъ, выходящимъ отъ растенія; такимъ образомъ впечатлѣнія соединяются съ вашимъ зрѣніемъ, и вы говорите: я вижу растеніе.

Въ рощѣ поетъ соловей, вы устремляете слухъ свой туда, и въ то мгновеніе, когда звуковыя впечатлѣнія отъ трелей соловья соединяются съ слуховою способностью вашею, вы говорите: я слышу соловья.

Который изъ этихъ двухъ сортовъ бумаги глаже? Вы щупаете пальцами до тѣхъ поръ, пока впечатлѣніе, производимое бумагой, не соединится съ вашею осязательною способностью, и тогда говорите: вотъ эта бумага глаже.

Вотъ кусокъ сахару; коль скоро вы положите его на языкъ и начнете сосать, то ваша способность вкуса соединится съ впечатлѣніями отъ сахара, и вы говорите: я чувствую сладкій вкусъ сахара.

Вы срываете ландышъ и подносите его къ носу; обонятельная способность ваша соединяется съ запахомъ, выходящимъ изъ цвѣтка, и вы говорите: я обоняю ландышъ, ощущаю запахъ его.

Такъ какъ основы душевныхъ способностей нашихъ *воспринимаютъ и ощущаютъ* внѣшнія впечатлѣнія посредствомъ *органовъ чувствъ*, то мы можемъ сказать, что душа наша вслѣдствіе впечатлѣній внѣшняго міра образуетъ чувственныя воспріятія и ощущенія; — это законъ усвоенія впечатлѣній.

4. Воспріимчивость основъ способностей.

Иные люди тотчасъ же воспринимаютъ и различаютъ самые тихіе звуки, между тѣмъ какъ другіе вовсе ихъ не слышатъ.

Иной человѣкъ различаетъ посредствомъ осязанія самую незначительную неровность, другой же ничего такого не замѣчаетъ.

Многіе весьма чувствительны къ теплу и холоду; къ сырому воздуху и пр., другіе переносятъ подобныя впечатлѣнія весьма легко.

Нѣкоторыя упадаютъ въ обморокъ отъ какого-нибудь непріятнаго запаха; многихъ другихъ этотъ же самый запахъ нисколько не безпокоитъ.

Иные ощущаютъ малѣйшую приправу въ пищѣ; для другихъ же нужно довольно значительное количество пряностей, чтобы они могли почувствовать ихъ присутствіе.

Многіе видятъ самые мелкіе предметы, тогда какъ другіе не замѣчаютъ ихъ.

Изъ всего этого можно заключить, что врожденныя основы душевныхъ способностей не всѣ бываютъ одинаковаго качества. У одного человѣка зрительная способность воспріимчивѣе, нежели у другого; первый усвоиваетъ посредствомъ зрѣнія впечатлѣнія гораздо слабѣйшія, чѣмъ второй. Въ то же самое время слуховая способность у перваго можетъ быть гораздо грубѣе, чѣмъ у послѣдняго, и т. д. относительно всѣхъ чувствъ.

Въ дѣтяхъ одного и того же возраста и одинаковаго тѣлеснаго развитія мы замѣчаемъ то же самое. Такъ одинъ ребенокъ быстрѣе узнаетъ нѣсколько разъ видѣнные предметы, въ то время какъ другой, сверстникъ его, лучше различаетъ нѣсколько разъ слышанные звуки голоса; очевидно, что первый обладаетъ отъ природы лучшимъ зрѣніемъ, а второй лучшимъ слухомъ.

Смотря по тому, въ какой мѣрѣ врожденныя основы душевныхъ способностей человѣка, въ какомъ бы ни было чувствѣ, способнѣе къ воспринятію (усвоенію) впечатлѣній, имъ и приписывается *высшая или низшая степень воспріимчивости.*

Воспріимчивость слѣдовательно не есть какая-нибудь особенная способность человѣка, она есть только из-

вѣстное качество или свойство основъ душевныхъ способностей его.

5. Слѣдъ.

Мы уже знаемъ, что духовное развитіе наше совершается двумя дѣятелями: врожденными основами душевныхъ способностей и впечатлѣніями отъ предметовъ внѣшняго міра. Послѣднія дѣйствуютъ на первыя. Здѣсь могутъ быть два случая: эти впечатлѣнія усвоиваются, удерживаются основами вполнѣ или частію, или вовсе не удерживаются, не сливаются, исчезаютъ, какъ будто бы ихъ и не было. Въ послѣднемъ случаѣ основы душевныхъ способностей остались бы совершенно пустыми, такими же, какими онѣ были при рожденіи дитяти, потому что онѣ ничего бы себѣ не усвоивали, не пріобрѣтали и слѣдовательно не развивались бы. Но проявленія жизни доказываютъ совершенно противное. Ребенокъ малу по малу начинаетъ узнавать мать, отца, сестеръ, чего онъ въ самомъ началѣ земного существованія своего не могъ дѣлать; ребенокъ сталъ различать голоса, началъ ходить, произносить слова и т. д.; всего этого и малѣйшихъ признаковъ не было при появленіи ребенка на свѣтъ Божій. Самый духовно-ограниченный человѣкъ развивается, усвоиваетъ себѣ множество впечатлѣній, образовъ, понятій, которыя онъ проявляетъ съ жизни своей словами или дѣлами. Поэтому мы не можемъ допустить второго случая и по опыту говоримъ, что впечатлѣнія, производимыя предметами внѣшняго міра на душу, воспринимаются, усвоиваются ею, остаются въ ней.

Я показываю вамъ сегодня цвѣтокъ, котораго вы прежде никогда не видали. Какъ всегда, когда вы что-либо видите, такъ и теперь ваша душа усвоиваетъ себѣ выходящія отъ цвѣтка свѣтовыя впечатлѣнія. Какое же будетъ послѣдствіе этого? Если я васъ завтра спрошу о томъ же самомъ цвѣткѣ, то вы будете еще очень хорошо помнить его; тогда какъ другой, не видавшій

этого цвѣтка, ничего объ немъ не знаетъ. То же самое было бы и съ пѣсней, которую бы я вамъ пропѣлъ,—съ духами, которые бы я вамъ далъ понюхать, съ пищею, которую вы бы отвѣдали, однимъ словомъ, съ каждымъ предметомъ, который бы вы могли воспринять тѣмъ или другимъ чувствомъ. Отчего это? Во всякомъ случаѣ оттого, что впечатлѣнія, произведенныя всѣми помянутыми предметами и соединявшіяся съ основами душевныхъ способностей, должны были остаться въ нихъ, т. е. въ вашей душѣ. Это, разумѣется, не должно такъ понимать, что будто свѣтовыя, звуковыя, воздушныя частицы и т. д. самостоятельно или сами по себѣ перешли въ душу и существуютъ въ ней, какъ передъ тѣмъ во внѣшнемъ мірѣ; напротивъ, онѣ вошли въ составъ основъ душевныхъ способностей, на которыя онѣ подѣйствовали, и сдѣлались *частями, элементами ихъ.*

Основы нашихъ способностей получаютъ вслѣдствіе этого усвоенія или воспринятія впечатлѣній *опредѣленное развитіе,* соотвѣтствующее дѣйствовавшему на нихъ предмету. Этотъ предметъ, послѣ усвоенія впечатлѣнія отъ него, отражается въ нихъ какъ въ зеркалѣ; и хотя никакія впечатлѣнія отъ этого предмета уже не дѣйствуютъ на вашу душу, потому что вы его болѣе не видите, не осязаете и т. д , но вы все-таки можете его себѣ представить внутренно (вспомнивъ о немъ), чего тотъ не можетъ, кто вовсе не видалъ этого предмета, не воспринималъ, не получалъ отъ него впечатлѣній.

Если бы эти впечатлѣнія затерялись, исчезли въ то время, когда вы уже больше не думали объ этомъ предметѣ, то такое внутреннее повтореніе, воспроизведеніе его, было бы невозможно, потому что вы бы позабыли его. Но такъ какъ вы можете припомнить себѣ этотъ предметъ, можете внутренно, въ мысляхъ вашихъ представить его себѣ, то слѣдовательно впечатлѣнія отъ него не пропали, не исчезли, не изгладились, а остались и хранятся въ душѣ вашей *въ безсознательномъ или невозбужденномъ*

состояніи, и возбуждаются вновь, оживляются тотчасъ же, какъ только снова появится этотъ предметъ, или вамъ напомнятъ, или вы сами вспомните объ немъ. Эти-то безсознательно остающіяся или пребывающія въ душѣ впечатлѣнія видѣнныхъ, слышанныхъ и пр. предметовъ, знаменитый прусскій психологъ Бенеке мѣтко назвалъ *слѣдами* этихъ предметовъ.

И такъ мы можемъ сказать, что отъ каждаго дѣйствія внѣшнихъ предметовъ на основы душевныхъ способностей, если только это дѣйствіе было достаточно сильно, обратило на себя вниманіе ихъ, остается въ душѣ человѣческой—слѣдъ.

Въ обыкновенномъ смыслѣ слово *слѣдъ* означаетъ остатокъ того, что совершилось, признакъ, по которому можно узнать о совершённомъ, но *посредствомъ котораго возобновить совершённое нельзя*. Такъ зола можетъ служить слѣдомъ или признакомъ происходившаго горѣнія, но посредствомъ этой золы возобновить горѣніе нельзя. Въ употребленномъ же нами, психологическомъ смыслѣ *слѣдъ* означаетъ не только признакъ происходившаго или совершившагося, но и самое продолженіе этого совершившагося, хотя и незамѣтное, невозбужденное, потому что самые дѣятели болѣе или менѣе еще сохранены, такъ что, по степени этого сохраненія, само дѣйствіе можетъ внутренно повториться вполнѣ отчетливо, или въ неясномъ, смутномъ видѣ (одинъ предметъ мы вполнѣ живо представляемъ себѣ, другой припоминаемъ смутно).

Какъ долго могутъ подобные слѣды оставаться въ душѣ нашей? Точно обозначить этого времени нельзя. Мы можемъ сказать только: чѣмъ слѣды съ большею твердостью и ясностью, вслѣдствіе повторенія ихъ, усвоились душою, тѣмъ дольше они пребываютъ, остаются въ немъ. Наконецъ, что душа усвоила себѣ совершенно полно, отчетливо, ясно,—то навсегда, на всю жизнь остается въ ней, если только не появится какая-нибудь внѣшняя причина (болѣзни мозга), которая можетъ уничтожить, изгладить его. Такъ

изъ нашего дѣтства мы вспоминаемъ только то, что производило на насъ сильное впечатлѣніе; изъ того же, что случается до трехлѣтняго возраста, рѣдко кто выноситъ хоть малѣйшія воспоминанія, потому что основы душевныхъ способностей въ это время всѣ еще очень слабы и не могутъ вполнѣ отчетливо и твердо усвоивать себѣ образы внѣшнихъ предметовъ. Духъ ребенка не можетъ еще самъ собою, однѣми своими силами приводить въ сознаніе, представлять себѣ видѣнное и слышанное; для сего необходимо почти каждый разъ новое появленіе знакомаго предмета. Если же видѣнное и слышанное не появляется или не повторяется долгое время, то нетвердо усвоенныя отъ нихъ впечатлѣнія исчезаютъ изъ души, т. е. ребенокъ скоро совершенно позабываетъ ихъ. Иначе и быть не можетъ: духовная дѣятельность дитяти вполнѣ зависитъ отъ впечатлѣній внѣшняго міра, она возбуждается, вызывается только этими впечатлѣніями.

6. Память.

Слѣды, оставляемые въ душѣ впечатлѣніями отъ внѣшнихъ предметовъ, бываютъ весьма различны. Всѣмъ вамъ я показываю одно и то же растеніе, слѣдовательно на ваши зрительныя способности дѣйствуютъ одинаковыя впечатлѣнія. А между тѣмъ какъ различны слѣды, остающіеся въ душѣ вашей! Чрезъ нѣсколько дней одни изъ васъ будутъ еще въ состояніи довольно подробно описать это растеніе, другіе же сохранятъ о немъ весьма слабое воспоминаніе и легко смѣшаютъ его съ другимъ растеніемъ. Отчего происходитъ такая разница? Вы скажете, что послѣдніе не обратили вниманія на растеніе въ то время, какъ его показывали. Отчего же это? Развѣ они не хотѣли обратить вниманія? Нѣтъ, причина здѣсь совершенно другая. Слѣдъ, какъ мы выше видѣли, есть не что иное, какъ сохраненное душою нашею впечатлѣніе отъ дѣйствовавшаго внѣшняго предмета, находящееся въ невозбужденномъ или безсознательномъ состояніи. Чѣмъ тверже

впечатлѣніе сохраняется, или чѣмъ крѣпче оно удерживается душевными способностями, тѣмъ совершеннѣе долженъ быть и слѣдъ, и тѣмъ яснѣе и живѣе мы можемъ припомнить себѣ замѣченный когда-либо предметъ.

При этомъ само собою разумѣется, что отъ большихъ, сложныхъ предметовъ, состоящихъ изъ различныхъ частей, напр. отъ дерева, остается въ душѣ не одинъ слѣдъ, а столько слѣдовъ, сколько впечатлѣній предметъ произвелъ отдѣльными частями своими (дерево — листьями, вѣтвями, сучьями, стволомъ и пр.).

Если же опытъ показываетъ, что иные люди спустя нѣсколько времени не такъ ясно могутъ вспомнить и представить себѣ то, что на нихъ дѣйствовало *также сильно*, какъ и на другихъ; то изъ этого слѣдуетъ, что впечатлѣнія не удержаны ими столь же твердо, какъ другими, и что причины этого должно искать не въ впечатлѣніяхъ, а въ *врожденныхъ, природныхъ свойствахъ основъ способностей*. Мы приписываемъ поэтому основамъ душевныхъ способностей, смотря по тому, въ какой степени онѣ въ состояніи удержать воспринятое впечатлѣніе, бо́льшую или ме́ньшую удерживательную силу. Въ этомъ природномъ свойствѣ или качествѣ основъ способностей и заключается все то, что въ общежитіи мы называемъ хорошею или дурною (слабою) памятью.

Память называется хорошею, когда усвоенныя основами впечатлѣнія въ нихъ долго сохраняются, такъ что воспринятое нами мы во всякое время можемъ припомнить, или внутренно представить себѣ въ томъ видѣ, какъ оно являлось въ дѣйствительности предъ нами. Дурною же или слабою память называется тогда, когда внѣшнія впечатлѣнія или вовсе не удерживаются въ душѣ, или удерживаются слишкомъ слабо, такъ что основы способностей не могутъ развиться надлежащимъ образомъ и образовать въ себѣ ясные слѣды отъ полученныхъ впечатлѣній. При такой памяти человѣкъ впослѣдствіи не можетъ ясно представить себѣ предметъ, если этому не будутъ содѣйствовать новыя впечатлѣнія.

Память слѣдовательно не есть какая-нибудь особая духовная сила или способность, она состоитъ единственно въ свойствѣ основъ удерживать и сохранять болѣе или менѣе продолжительно воспринятое впечатлѣніе.

7. Постепенность основъ способностей относительно природной впечатлительности ихъ.

Вамъ показываютъ, положимъ, жука, котораго вы прежде не видали; потомъ произносятъ какое-нибудь слово, котораго вы никогда не слыхали. На другой день васъ спрашиваютъ о томъ и другомъ. Что скорѣе и яснѣе вы себѣ припомните? Безъ сомнѣнія, видѣннаго жука; слышанное же слово многіе изъ васъ даже не въ состояніи будутъ повторить. Если же это слово было произнесено и написано на доскѣ, или на бумагѣ, такъ что вы могли его слышать и видѣть, то конечно вы его долѣе запомните. Отчего это происходитъ? Почему мы вообще яснѣе помнимъ разъ видѣнное, нежели разъ слышанное? Мы знаемъ уже, что если внѣшнее впечатлѣніе соединяется съ основами душевныхъ способностей, то въ душѣ остается отъ него слѣдъ, который бываетъ тѣмъ яснѣе и живѣе, *чѣмъ болѣе этого впечатлѣнія было усвоено или удержано основами,*—и тѣмъ легче мы припоминаемъ себѣ самый предметъ, производившій впечатлѣніе. Такъ какъ видѣнное мы обыкновенно тверже и яснѣе запоминаемъ, чѣмъ слышанное: то изъ этого слѣдуетъ, что зрительная способность наша можетъ болѣе и сильнѣе воспринимать и удерживать впечатлѣнія, чѣмъ слуховая способность, т. е. первая впечатлительнѣе или одарена сильнѣйшею впечатлительностію, чѣмъ послѣдняя Поэтому-то вамъ легче запомнить названіе, которое вы слышали и видѣли написаннымъ, чѣмъ то, которое вы только слышали.

Впрочемъ на это можно возразить, что если мы воспринимаемъ что-нибудь посредствомъ *двухъ* чувствъ, то естественно, что такимъ образомъ воспринятое мы можемъ полнѣе и тверже запоминать и сохранять. Слѣдовательно этотъ случай не доказываетъ еще, что зрѣніе одарено большею впечатлительностію, что оно съ большею силою и отчетливостію воспринимаетъ и усвоиваетъ внѣшнія впечатлѣнія, чѣмъ слухъ; случай этотъ доказываетъ только, что видѣнное и слышанное содѣйствуютъ другъ другу. Хотя такой выводъ совершенно справедливъ, но онъ не объясняетъ еще, почему каждый изъ насъ предпочитаетъ *видѣть* предметъ, чѣмъ читать или *слушать* описаніе его, и почему даже самый необразованный человѣкъ убѣжденъ, что видѣнное онъ запомнитъ лучше, чѣмъ слышанное. Еслибъ злой судьбѣ угодно было лишить насъ зрѣнія, или слуха, то съ которымъ было бы намъ тяжелѣе разстаться? — Мы дорожимъ зрѣніемъ болѣе, чѣмъ всѣми другими чувствами, и это потому, что каждый изъ насъ очень хорошо сознаетъ и чувствуетъ, что посредствомъ зрѣнія онъ усвоиваетъ себѣ самыя ясныя, полныя и отчетливыя впечатлѣнія и гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ посредствомъ всѣхъ другихъ чувствъ. Эти впечатлѣнія составляютъ главное духовное богатство наше. Изъ всего этого ясно слѣдуетъ, что зрительная способность, воспринимая внѣшнія впечатлѣнія, образуетъ болѣе ясные и твердые слѣды, чѣмъ слуховая, или другими словами: зрѣніе наше впечатлительнѣе, т. е. одарено отъ природы сильнѣйшею впечатлительностію, нежели слухъ.

Слѣпые распознаютъ предметы, какъ извѣстно, осязаніемъ; ощущенія ихъ посредствомъ этого чувства такъ ясны, что они различаютъ всевозможныя монеты, лица и всякіе другіе осязаемые предметы. Это возможно только вслѣдствіе того, что чувство осязанія можетъ образовать ясные, отчетливые слѣды; слѣдовательно и *оно имѣетъ достаточную впечатлительность*, т. е. *достаточную силу усвоивать впечатлѣнія и сохранять ихъ.*

Если слѣпому какими-нибудь средствами возвратятъ зрѣніе, то онъ мало по малу перестаетъ осязать, ощупывать предметы; онъ чувствуетъ, что посредствомъ зрѣнія онъ лучше и вѣрнѣе различаетъ ихъ, и довольствуется *зрительными воспріятіями*, точно такъ же какъ и вообще зрячій съ самаго малолѣтства уже какъ бы пренебрегаетъ осязаніемъ, потому что зрительныя воспріятія и опредѣленнѣе и яснѣе. Изъ этого также очевидно слѣдуетъ, что зрительная способность имѣетъ бо́льшую впечатлительность, бо́льшую силу усвоивать и сохранять впечатлѣнія, чѣмъ способность осязанія.

Видѣнное и слышанное мы можемъ представить себѣ впослѣдствіи внутренно, посредствомъ воспоминанія, такъ же живо, такъ же отчетливо и ясно, какъ будто бы прежнія свѣтовыя и звуковыя впечатлѣнія снова дѣйствовали извнѣ на наши чувства, т. е. какъ будто бы сами видѣнные и слышанные предметы, лица, голоса, опять находились предъ нами. Вспомните о вашихъ родственникахъ или о близкихъ знакомыхъ: вы видите и слышите ихъ теперь внутренно такъ же ясно, какъ если бы они дѣйствительно находились и говорили съ вами.

Напротивъ, вспомните о сахарѣ. Вы знаете, что онъ сладокъ; но представьте себѣ вкусъ его точно такъ же, какъ если бы кусочекъ его былъ на вашемъ языкѣ. Это вамъ не удастся. Какой запахъ имѣетъ кофе? Для этого ощущенія у насъ даже нѣтъ опредѣленныхъ словъ, нѣтъ точныхъ выраженій. Запахъ, благоуханіе, зловоніе—вотъ единственныя выраженія, которыя мы имѣемъ для обозначенія обонятельныхъ ощущеній или впечатлѣній.

И о чемъ мы думаемъ собственно, когда рѣчь идетъ о сахарѣ, о кофѣ, о молокѣ и т. д.? Намъ тотчасъ же, прежде всего, представляется видъ, цвѣтъ ихъ, т. е. тѣ впечатлѣнія отъ нихъ, которыя мы восприняли и усвоили сильнѣйшимъ чувствомъ, именно зрѣніемъ. Къ этимъ впечатлѣніямъ конечно присоединяются и ощущенія вкуса и обонянія, производимыя сахаромъ и кофе; но безъ сильнѣйшихъ чувствъ (зрѣнія и слуха) мы бы имѣли весь-

ма неясное представленіе и понятіе о предметахъ, которые можно только вкушать и обонять. Причина этого состоитъ въ томъ, что способности вкуса и обонянія слишкомъ слабо удерживаютъ впечатлѣнія; онѣ не такъ впечатлительны, и потому въ душѣ не могутъ остаться такіе ясные отчетливые слѣды, какіе необходимы для того, чтобы можно было впослѣдствіи представить себѣ воспринятый предметъ такъ же ясно, какъ въ то время, когда онъ находился предъ нами и самъ производилъ впечатлѣніе.

При непосредственныхъ впечатлѣніяхъ предмета, т. е. въ то время, когда предметъ самъ производитъ впечатлѣніе на насъ, конечно кажется, что одно чувство столь же впечатлительно и столь же сильно, какъ и другое. Это происходитъ оттого, что непосредственныя впечатлѣнія мы можемъ одинаково сильно и живо ощущать каждымъ чувствомъ; мы такъ же живо ощущаемъ сладкій вкусъ сахара, какъ и представляемъ себѣ бѣлый цвѣтъ его, и пр. Но мѣриломъ впечатлительности и вообще силы основъ душевныхъ способностей не можетъ служить *это равносильное ощущеніе* ими непосредственныхъ впечатлѣній; мѣриломъ этимъ можетъ служить только *болѣе или менѣе отчетливое, полное усвоеніе и сохраненіе впечатлѣній* въ душѣ.

Мы уже знаемъ, что человѣкъ рождается съ стремленіемъ къ развитію и удовлетворяетъ этому стремленію посредствомъ воспринятія впечатлѣній отъ внѣшнихъ предметовъ врожденными основами душевныхъ способностей. Теперь мы убѣдились, что между этими основами, относительно ихъ природной впечатлительности или силы удерживать и сохранять воспринимаемыя впечатлѣнія, однимъ словомъ, относительно ихъ *природнаго совершенства* существуетъ строгая постепенность. Такъ чувства зрѣнія и слуха у всѣхъ здоровыхъ, нормальныхъ людей *самыя совершенныя* въ этомъ отношеніи, чувства вкуса и обоянія *самыя слабыя*. Въ первыхъ двухъ проявляется и удовлетворяется посредствомъ воспринятія внѣшнихъ впечатлѣній преимущественно стремленіе къ *духовному развитію*; въ послѣднихъ же преимущественно укрѣпляются *чувственныя*

стремленія человѣка. Поэтому зрѣніе и слухъ мы называемъ высшими человѣческими чувствами, а вкусъ и обоняніе — низшими. Чувство осязанія занимаетъ *средину* между ними, такъ сказать, помогаетъ тѣмъ и другимъ чувствамъ, а у слѣпыхъ даже замѣняетъ зрѣніе.

Такимъ образомъ сама природа, одаривъ человѣка совершеннѣйшими высшими чувствами, посредствомъ которыхъ онъ преимущественно усвоиваетъ себѣ все необходимое для своего духовнаго развитія, назначила его быть разумно-нравственнымъ существомъ, а не матеріальнымъ и чувственнымъ.—Если человѣкъ развивался ребенкомъ такъ, что низшія чувства его не получали бо́льшаго числа впечатлѣній, или не были развиваемы сильнѣе высшихъ, то такой человѣкъ конечно будетъ считать *видимое и слышимое выше вкушаемаго и обоняемаго*. Чѣмъ далѣе идетъ такое правильное развитіе, тѣмъ эта разница дѣлается чувствительнѣе и яснѣе. Высшія чувства становятся постоянно сильнѣе и сильнѣе низшихъ, и воспринимаемыя ими впечатлѣнія доставляютъ человѣку большее удовольствіе и наслажденіе, чѣмъ тѣ, которыя онъ получаетъ посредствомъ низшихъ чувствъ. Отчего же, не смотря на то, что въ самой природѣ новорожденнаго хранятся уже основныя свѣтлыя условія, богатые задатки осуществленія его назначенія какъ существа нравственно-разумнаго,—отчего въ дѣйствительности большая часть людей проявляетъ преимущественно одни чувственныя стремленія и жертвуетъ не только состояніемъ своимъ, но и прокучиваетъ все здоровье, истощаетъ въ грубомъ развратѣ и духъ, и тѣло свое, ища насыщенія чувственнымъ стремленіямъ? Откуда чувственность въ человѣкѣ пріобрѣтаетъ такую непреодолимую силу, которая, вопреки законамъ и требованіямъ природы его, заглушаетъ въ немъ всѣ благородныя, нравственно-разумныя желанія и стремленія? Такое извращеніе высокой человѣческой природы есть естественное, прямое слѣдствіе ложнаго, извращеннаго воспитанія, совершенно противоположнаго всѣмъ природнымъ законамъ духовнаго и тѣлеснаго развитія человѣка. На-

чало такого воспитанія мы встрѣчаемъ въ уходѣ за грудными дѣтьми. Ребенокъ долженъ пить и ѣсть, чтобы поддержать свою жизнь. Вотъ почему, вслѣдствіе необдуманности, незнанія, неблагоразумія, совершенной безпечности, иногда чистой лѣни и другихъ гибельныхъ ошибокъ матерей и кормилицъ, которыя при каждомъ крикѣ ребенка даютъ ему тотчасъ же грудь или втыкаютъ въ ротъ соску, низшія чувства въ немъ развиваются уже при первомъ ихъ пробужденіи богато, сильно, а высшія основы духовныхъ способностей и при всемъ дальнѣйшемъ воспитанія возбуждаются слабо, скудно, и часто слишкомъ поздно, такъ что онѣ слабѣютъ, тупѣютъ, между тѣмъ какъ раздражительность и впечатлительность первыхъ укрѣпляется и возрастаетъ отъ частыхъ впечатлѣній. Вмѣстѣ съ этою раздражительностью естественно и неизбѣжно усиливается потребность удовлетворять ей новыми впечатлѣніями. Очевидно, что вслѣдствіе такого преобладающаго развитія низшихъ чувствъ человѣкъ всегда невольно будетъ стремиться насыщать эти чувства, будетъ заботиться только объ однихъ чувственныхъ наслажденіяхъ и предпочтетъ хорошій обѣдъ, блестящую внѣшнюю обстановку дѣльной книгѣ, ясному знанію, сочувствію къ ближнимъ.

8. Равное и подобное соединяется съ равнымъ и подобнымъ.

Видѣли ли вы голубя? Почему никто не думаетъ о воробьѣ, когда говорятъ о голубѣ? Я говорю: скамья, и никто не представляетъ себѣ стола. Я показывая букву *А*, и никто не говоритъ, что это *О*. Вотъ камень: осязайте его; скажете ли вы, что онъ мягокъ?

Если бы я началъ увѣрять васъ, что сахаръ горекъ, а соль сладка, что роза имѣетъ дурной запахъ, а фосфоръ хорошій, что осенняя слякоть и грязь пріятнѣе теплоты и свѣта весенняго солнца и т. д., то вы бы засмѣялись и съ удивленіемъ посмот-

рѣли бы на меня. Я могъ бы увѣрить васъ въ этомъ только въ такомъ случаѣ, если бы вы никогда прежде не вкушали ни сахару, ни соли, не обоняли розы, не ощущали весенней теплоты и пр. Но всѣ эти ощущенія вамъ извѣстны, и слѣды ихъ сохранились въ вашей душѣ. Если теперь вы видите или слышите прежде видѣнный или слышанный предметъ, то вы вновь воспринимаете отъ него впечатлѣніе; и если это впечатлѣніе довольно сильно, то отъ него образуется новый слѣдъ, равный тому, который составился прежде отъ того же предмета. Куда же дѣвается этотъ новый слѣдъ? Остается ли онъ уединеннымъ, отдѣльнымъ въ душѣ, или соединяется со всѣми прежними слѣдами? Онъ соединяется, сливается только съ равными себѣ слѣдами. Въ этомъ вы можете убѣдиться уже изъ того, что при каждомъ новомъ впечатлѣніи вы тотчасъ же думаете, вспоминаете о равномъ впечатлѣніи, которое вы восприняли прежде. Настоящее впечатлѣніе вамъ кажется старымъ знакомымъ; новымъ же оно покажется вамъ только въ такомъ случаѣ, если въ душѣ вашей нѣтъ еще равныхъ ему слѣдовъ, съ которыми бы могъ соединиться теперешній слѣдъ. Предъ вами произносятъ слово *заяцъ*; производимыя этимъ словомъ звуковыя впечатлѣнія соединяются съ слѣдами, которые вы пріобрѣли объ этомъ словѣ уже прежде. Но если вы не знаете по латыни, и предъ вами произнесутъ слово lepus (заяцъ), то вы ничего не поймете; ибо вы прежде никогда не слыхали этого слова, и въ душѣ вашей поэтому нѣтъ слѣдовъ, съ которыми бы теперь полученныя звуковыя впечатлѣнія могли соединиться. Точно такъ же вы ничего не поймете, если произнесутъ слово alauda; но стóитъ только замѣнить его словомъ жаворонокъ, и тотчасъ же, быстрѣе электричества, звуковыя впечатлѣнія отъ этого слова соединятся съ прежними слѣдами, и вы поймете, о комъ идетъ рѣчь. При представленіяхъ, доставляемыхъ вамъ чувствами зрѣнія, осязанія, вкуса, обонянія, вы находите то же самое соединеніе равнаго съ равнымъ. Посмотрите на эту тарелку: думаете ли вы при

этомъ объ окнѣ. Ощупайте этотъ камень: какіе слѣды онъ возбуждаетъ въ васъ своими впечатлѣніями? Ужъ конечно не слѣды мягкаго, а только слѣды твердаго. Вкусите вишню, понюхайте гвоздику, приложите вашу руку къ горячей печкѣ; при всемъ этомъ въ васъ никакъ не возбудятся ощущенія горькаго, затхлаго и холоднаго. Предметы же, которые вы видите въ первый разъ, слова и звуки, которые вы слышите также въ первый разъ, плоды, которыхъ вы прежде никогда не вкушали, вы тотчасъ же называете незнакомыми; они вамъ неизвѣстны, потому что впечатлѣнія, производимыя ими на ваши чувства, совершенно новы и не находятъ въ душѣ вашей равныхъ себѣ слѣдовъ.

Поэтому мы въ правѣ сказать, что въ человѣческой душѣ все равное и тождественное соединяется, сливается въ одно цѣлое.

Далѣе. Я гуляю; ко мнѣ подходитъ неизвѣстный человѣкъ, протягиваетъ руку и говоритъ: какъ я радъ васъ видѣть! Я смотрю на него съ удивленіемъ и спрашиваю: съ кѣмъ имѣю честь говорить? Но тутъ онъ замѣчаетъ, что обознался; виноватъ, говоритъ онъ, я принялъ васъ за знакомаго; вы очень *похожи* на него. — Съ кѣмъ этого не случалось?

Маленькія дѣти, которыя еще не привыкли, да и не умѣютъ еще различать мелкія подробности, принимаютъ часто схожіе, подобные предметы за одни и тѣ же. Такъ они большею частію называютъ всякую золотую, серебряную и мѣдную монету копѣйкой; все, что мягко, въ родѣ мѣха, они называютъ кисой; всякаго чужого мужчину—дядей, а чужую женщину—тетей и т. п. Даже мы взрослые часто говоримъ просто о докторѣ, когда рѣчь идетъ о весьма различныхъ врачахъ (о хирургѣ, ветеринарѣ и др.).

Всѣ эти примѣры очевидно доказываютъ, что въ душѣ нашей не только равные, одинаковые слѣды, но и подобные соединяются, сливаются между собою въ одно цѣлое,— это *законъ взаимнаго притяженія одинаковыхъ элементовъ.*

Такимъ образомъ объясняется, почему первоначальныя неясныя, слабыя ощущенія дитяти мало по малу проясняются, укрѣпляются и превращаются въ ясныя, отчетливыя представленія.

9. Возниканіе сознанія. Представленіе.

Дитя рождается со способностями видѣть, слышать, осязать, вкушать и обонять. Эти врожденныя основы всѣхъ душевныхъ способностей имѣютъ, какъ мы уже знаемъ, отъ природы стремленіе къ развитію, т. е. стремятся посредствомъ своихъ внѣшнихъ органовъ (глазъ, ушей и пр.) воспринимать впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ, дѣйствующихъ на нихъ. Поэтому мы можемъ сказать, что душа новорожденнаго воспринимаетъ внѣшнія впечатлѣнія посредствомъ органовъ чувствъ и такимъ образомъ получаетъ свои первыя ощущенія.

Никто изъ насъ не въ состояніи припомнить себѣ своихъ первыхъ ощущеній; до нихъ не проникаетъ человѣческое сознаніе. Новорожденный видитъ, слышитъ, осязаетъ и т. д. точно такъ же, какъ и взрослый человѣкъ, т. е. съ основами душевныхъ способностей его соединяются тѣ же самыя впечатлѣнія, какъ и у взрослаго. Но дитя обо всемъ этомъ въ началѣ жизни своей ничего не знаетъ; первыя ощущенія или чувственныя воспріятія его совершенно безсознательны.

Какимъ же образомъ они становятся сознательными? Это вы неоднократно испытали на самихъ себѣ. Вспомните, какъ вы учились грамотѣ. Вамъ показали букву *А*; она произвела на васъ впечатлѣніе, и въ душѣ вашей остался отъ нея слѣдъ. Но знали ли вы, запомнили ли вы совершенно ясно эту букву послѣ перваго раза? На другой же день оказалось, что нѣтъ. Что же учитель тогда сдѣлалъ? Онъ заставилъ въ другой разъ разсматривать эту букву; она произвела на васъ новое впечатлѣніе, которое образовало въ душѣ вашей новый слѣдъ, соединившійся съ первымъ слѣдомъ. Послѣ этого вы уже узнавали эту букву.

Но нѣкоторые изъ вашихъ соучениковъ, у которыхъ способности были послабѣе, не могли такъ скоро запомнить эту букву и все еще плохо сознавали ее. Поэтому учитель показывалъ ее еще разъ и повторялъ это до тѣхъ поръ, пока всѣ ученики получили о ней ясное сознаніе, тотчасъ же узнавали ее. Точно такъ же поступилъ учитель и со всѣми прочими буквами, и потому всѣ буквы такъ утвердились въ вашемъ сознаніи, что вы не забудете ихъ въ продолженіе всей вашей жизни.

Васъ учили пѣнію, и вы выучились пѣть много пѣсенъ романсовъ, арій и т. д. Какимъ образомъ вы достигли этого? Сначала учитель пропѣлъ вамъ медленно и внятно нѣсколько отдѣльныхъ нотъ, и вы пропѣли ихъ за нимъ; потомъ еще и еще разъ. Далѣе учитель пропѣлъ вмѣстѣ цѣлый рядъ нотъ, составлявшихъ одно колѣно, одну часть мелодіи, и вы также повторяли за нимъ нѣсколько разъ. Наконецъ постепенно вы запомнили и всю мелодію. Въ продолженіе всего вашего ученія пѣнію вы вѣроятно постоянно чувствовали и замѣчали, какъ то, о чемъ вы прежде не имѣли никакого понятія, отъ постоянныхъ упражненій и повтореній становилось для васъ все сознательнѣе и сознательнѣе, такъ что вы наконецъ могли пропѣть совершенно правильно и гармонично цѣлую пѣсню, романсъ, арію.

Вслѣдствіе чего же возникло такое полное сознаніе буквъ и мелодій въ душѣ вашей? Только вслѣдствіе того, что вы получили отъ нихъ много впечатлѣній и образовали въ душѣ вашей много ясныхъ слѣдовъ.

То же самое случается со взрослыми слѣпорожденными, которымъ счастливая операція возвратила зрѣніе. Сначала они вовсе не знаютъ того, что видятъ; все для нихъ случайно, неясно, всѣ предметы сливаются; глаза ихъ не различаютъ отдѣльныхъ предметовъ, не смотря на то, что они ясно сознаютъ все слышимое и осязаемое. Но чѣмъ болѣе они пріобрѣтаютъ слѣдовъ посредствомъ повторяемыхъ свѣтовыхъ впечатлѣній отъ окружающихъ предметовъ, тѣмъ яснѣе они научаются видѣть и разли-

чать эти предметы. Наконецъ они видятъ все съ такою же сознательною ясностію и опредѣленностію, какъ и всѣ другіе люди.

Обратимся теперь къ дитяти. Новорожденный видитъ разъ, два, три раза, десять разъ и т. д. одинъ и тотъ же предметъ. Послѣ каждаго раза остается впечатлѣніе отъ этого предмета, которое соединяется, сливается съ зрительною способностью и составляетъ слѣдъ. Первый слѣдъ конечно слабъ, неясенъ, безсознателенъ. Второй слѣдъ присоединяется къ первому, третій ко второму и т. д. Такимъ образомъ составляется мало по малу изъ соединенія нѣсколькихъ одинаковыхъ слѣдовъ *ясное представленіе* или *ясный образъ* видѣннаго предмета въ душѣ дитяти, и оно *узнаетъ* этотъ предметъ, т. е. онъ становится *сознательнымъ* для ребенка, или въ ребенкѣ возникаетъ *чувственное* (посредствомъ органовъ чувствъ) *сознаніе* этого предмета. Такъ дитя мало по малу начинаетъ узнавать мать, отца, сестеръ и пр.

Хорошо, скажетъ читатель; приведенные примѣры ясно доказываютъ, что вслѣдствіе соединенія нѣсколько разъ повторенныхъ внѣшнихъ впечатлѣній съ основами душевныхъ способностей образуются въ душѣ ясные слѣды, изъ которыхъ возникаютъ наконецъ свѣтлые, отчетливые представленія, образы видѣннаго, слышаннаго и пр. Но отчего же они становятся сознательными? Отчего мы понимаемъ, сознаемъ эти образы и представленія? Вѣдь на бумагѣ, извѣстнымъ образомъ приготовленной, также остаются слѣды и возникаютъ ясные, точные образы предметовъ вслѣдствіе свѣтовыхъ впечатлѣній, исходящихъ отъ этихъ предметовъ? Вѣдь фотографіи представляютъ точные портреты и изображенія лицъ и различныхъ предметовъ, съ которыхъ онѣ сняты; а между тѣмъ эти изображенія не имѣютъ жизни, не имѣютъ сознательности, не сознаютъ самихъ себя? Откуда же является сознательность въ нашихъ душевныхъ образахъ и представленіяхъ?

Дитя воспринимаетъ сначала впечатлѣнія отъ окружающихъ его предметовъ совершенно безсознательно; оно не сознаетъ этихъ

впечатлѣній, но *ощущаетъ*, *чувствуетъ* ихъ и часто даетъ знать объ этомъ. Новорожденный при первомъ появленіи на свѣтъ Божій тотчасъ же ощущаетъ вліяніе атмосфернаго воздуха и кричитъ, потому вѣроятно, что вліяніе производитъ въ немъ непріятныя, слишкомъ сильныя и небывалыя прежде ощущенія. Ребенокъ начинаетъ сосать, и вдругъ съ гримасами выпускаетъ грудь и начинаетъ также кричать, или дѣлаетъ уморительно-жалостныя гримасы. Отчего это? По всей вѣроятности оттого, что молоко не хорошо, не вкусно и производитъ во вкусѣ ребенка непріятныя ощущенія. Дитя обращаетъ глаза свои постоянно въ ту сторону, откуда проникаютъ лучи свѣта. Отчего это? Очевидно оттого, что зрительная способность его, какъ мы уже знаемъ, ищетъ свѣтовыхъ впечатлѣній, по природѣ своей стремится воспринимать эти впечатлѣнія и ощущаетъ ихъ. Вотъ эти-то и всѣ другія ощущенія, производимыя въ ребенкѣ впечатлѣніями отъ окружающихъ предметовъ, сначала совершенно неопредѣленныя, смутныя, при каждомъ новомъ повтореніи тѣхъ же впечатлѣній постепенно проясняются, становятся сознательнѣе и сознательнѣе, принимаютъ опредѣленныя очертанія, опредѣленный сознательный образъ.

И такъ ребенокъ уже въ самомъ началѣ своей жизни ощущаетъ, чувствуетъ впечатлѣнія отъ окружающихъ предметовъ, и ощущеніе въ немъ возникаетъ въ моментъ соединенія основъ способностей съ этими впечатлѣніями Покуда нѣтъ этого соединенія, до тѣхъ поръ основы способностей остаются безсознательными. Мы можемъ видѣть только при свѣтѣ; въ темнотѣ мы ничего не видимъ, какъ будто бы у насъ вовсе не было глазъ; наша зрительная способность ничего не ощущаетъ, остается вполнѣ безсознательною. Но основы нашихъ способностей имѣютъ врожденную возможность сдѣлаться сознательными, и эта возможность развивается въ дѣйствительное сознаніе, какъ скоро основы возбуждаются впечатлѣніями и соединяются съ ними. Но отчего при соединеніи основъ спо-

собностей съ внѣшними впечатлѣніями тотчасъ же возбуждается въ основахъ врожденная имъ сознаваемость,—этотъ вопросъ далеко не разрѣшенъ, точно такъ же, какъ до сихъ поръ еще вовсе не объяснено, почему при соединеніи извѣстныхъ веществъ возбуждается гальваническій токъ, который съ неимовѣрною быстротою пробѣгаетъ огромныя разстоянія и можетъ передать ваши мысли, желанія, чувства въ нѣсколько секундъ за нѣсколько тысячъ верстъ.

И такъ душевныя основы и внѣшнія впечатлѣнія, сами по себѣ безсознательныя, производятъ въ соединеніи сознаніе; главная же причина сознаванія находится въ самыхъ основахъ.

Пойдемъ теперь далѣе Вслѣдствіе чего въ предъидущихъ примѣрахъ сознаніе становилось яснѣе и яснѣе? Вслѣдствіе образованія многихъ одинаковыхъ однородныхъ слѣдовъ и соединенія ихъ въ одно цѣлое, въ одинъ цѣлый образъ. Чѣмъ большее число такихъ слѣдовъ составляется и соединяется, тѣмъ отчетливѣе возникаетъ самый образъ видѣннаго, слышаннаго и т. д., и тѣмъ яснѣе становится наше сознаніе этого образа, когда, при появленіи породившаго его предмета, или при случайномъ воспоминаніи, онъ снова возбуждается во всѣхъ частяхъ своихъ, во всей цѣлости своей.

Кто видѣлъ какое-нибудь животное десять разъ, имѣетъ конечно болѣе ясное понятіе о немъ, нежели тотъ кто видѣлъ его однажды (предполагая, разумѣется, что основы душевныхъ способностей у обоихъ одинаково сильны).

Если въ душѣ соединилось столько одинаковыхъ слѣдовъ въ одинъ образъ, что мы тотчасъ же узнаемъ предметъ, производившій впечатлѣнія, какъ только онъ вновь появляется предъ нами, или мы можемъ *представить* его себѣ внутренно, посредствомъ воспоминанія: то мы говоримъ, что получили *представленіе* объ этомъ предметѣ.

10. Ясность представленія зависитъ отъ достаточности впечатлѣнія.

Вы проѣзжаете въ сумеркахъ чрезъ незнакомый вамъ городъ. По возвращеніи васъ кто-нибудь спрашиваетъ объ этомъ городѣ. Вы можете только сказать, что не могли хорошенько разглядѣть ни мѣстоположенія, ни улицъ, ни зданій его, потому что уже темнѣло, когда вы проѣзжали. Свѣтовыя впечатлѣнія, по причинѣ слабаго свѣта, были также слишкомъ слабы и не оставили ясныхъ слѣдовъ въ душѣ вашей. Если бы вамъ потомъ нѣсколько разъ случилось проѣзжать тотъ же городъ и также въ сумеркахъ, то результаты остались бы тѣ же, т. е. вы бы не пріобрѣли болѣе яснаго представленія о городѣ, какъ и въ первый разъ. Если же вы теперь проѣдете чрезъ него днемъ, то у васъ можетъ составиться ясное представленіе по крайней мѣрѣ о наружности этого города.

Точно такъ же, если бы вамъ хоть сто разъ повторяли одно и то же слово, но такъ тихо, что вы не могли бы разслышать его, вы бы и въ сотый разъ ничего не поняли, какъ и въ первый; и на оборотъ: если бы вамъ прямо сказали слово громко и внятно, то вы тотчасъ бы поняли его. Причины неясности и ясности представленій въ обоихъ приведенныхъ примѣрахъ однѣ и тѣ же. Слабыя впечатлѣнія оставляютъ въ душѣ только слабые слѣды, а достаточныя впечатлѣнія образуютъ ясныя, сознательныя представленія.

Сообразивъ теперь еще разъ все, что требуется для полученія яснаго представленія о комъ или о чемъ бы то ни было, мы находимъ необходимымъ для этого выполненіе трехъ условій:

1) Основы душевныхъ способностей должны отъ природы имѣть достаточную впечатлительность или достаточную силу удерживать и сохранять воспринятое впечатлѣніе.

2) Одинаковые и подобные слѣды должны соединяться съ такими же слѣдами въ одно цѣлое.

3) Впечатлѣніе, производимое окружающими предметами, должно, такъ сказать, наполнять, насыщать воспринимающія его основы способностей.

Само собою разумѣется, что опредѣлить вполнѣ точно, какое впечатлѣніе достаточно, и какое недостаточно — нельзя; это обусловливается *различною воспріимчивостью* основъ способностей, которыя у каждаго человѣка бываютъ болѣе или менѣе различны.

Какія же примѣненія къ самому дѣлу первоначальнаго воспитанія можемъ мы вывести изъ нашихъ психологическихъ бесѣдъ? Какія непреложныя руководящія указанія для начальнаго воспитанія естественно вытекаютъ изъ изложенныхъ нами законовъ постепеннаго возниканія сознанія въ душѣ ребенка? Объ обученіи мы здѣсь еще не можемъ говорить; мы разсмотрѣли только, какимъ образомъ, т. е. по какимъ природнымъ законамъ начинается духовное развитіе дитяти, и какъ въ немъ возникаютъ первыя представленія видѣннаго и слышаннаго; однимъ словомъ, мы разсмотрѣли духовное развитіе ребенка въ первый годъ его жизни. Въ это время, какъ и въ продолженіе нѣсколькихъ слѣдующихъ лѣтъ, онъ можетъ быть только воспитываемъ. Слѣдовательно воспитаніе предшествуетъ ученію, и благодѣтельное вліяніе его можетъ и должно начаться съ самаго ранняго младенчества.

Въ чемъ же можетъ выразиться это благодѣтельное вліяніе? въ чемъ должны состоять самыя первыя заботы и попеченія воспитанія?

Каждый ребенокъ рождается съ стремленіемъ и назначеніемъ развиваться какъ тѣлесно, такъ и духовно.

Духовное развитіе его, какъ мы видѣли, состоитъ въ постепенномъ и послѣдовательномъ переходѣ отъ почти совершенно безсознательнаго, чувственнаго состоянія къ бо́льшей и бо́льшей

сознательности, и этотъ переходъ совершается, какъ мы также могли убѣдиться, только вслѣдствіе соединенія духовныхъ силъ ребенка съ внѣшними впечатлѣніями. Слѣдовательно правильность духовнаго развитія дитяти зависитъ отъ трехъ условій: 1) отъ врожденныхъ свойствъ, или отъ врожденнаго совершенства основъ способностей, 2) отъ соразмѣрности внѣшнихъ впечатлѣній и 3) отъ правильнаго, дѣйствительнаго усвоенія этихъ впечатлѣній основами способностей.

Всѣ силы дитяти, какъ тѣлесныя, такъ и духовныя, въ сравненіи съ способностями взрослаго, развитаго человѣка, совершенно слабы и нѣжны, и потому ребенокъ не можетъ не только хорошенько усвоить себѣ, но даже перенести тѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній и такого количества ихъ, какъ взрослый, развитый человѣкъ. Слѣдовательно внѣшнія впечатлѣнія не должны быть слишкомъ сильны, и число ихъ должно быть ограничено, для того чтобы они не имѣли вреднаго вліянія на развитіе дитяти и дѣйствительно могли быть отчетливо усвоены и сохраняемы имъ.

Далѣе мы знаемъ, что только впечатлѣнія, вполнѣ соразмѣрныя съ воспринимающими ихъ основами душевныхъ способностей, могутъ быть отчетливо усвоены, и что только вслѣдствіе такого усвоенія образуются въ душѣ ясные слѣды, изъ соединенія которыхъ возникаетъ свѣтлый, вѣрный образъ или ясное представленіе видѣннаго, слышаннаго и т. д.

Наконецъ мы знаемъ также, что врожденныя основы способностей стремятся сами воспринимать внѣшнія впечатлѣнія, а не остаются только страдательными, невольно-воспринимающими дѣятелями (*). Слѣдовательно мы имѣемъ право сказать, что *ребенокъ самъ, по врожденнымъ законамъ, усвоиваетъ себѣ внѣшнія впечатлѣнія посредствомъ органовъ чувствъ*. Это чрезвычайно важно.

(*) См 44 стран.

Все вышесказанное очевидно ясно обозначаетъ главное дѣло первоначальнаго воспитанія; оно должно 1) наблюдать, чтобы внѣшнія впечатлѣнія, производимыя окружающею природою, были по возможности соразмѣрны, какъ по силѣ, такъ и по количеству ихъ, съ воспріимчивостью душевныхъ основъ дитяти, и 2) укрѣплять и прояснять тѣлесные органы чувствъ, предохранять слабое зрѣніе дитяти отъ сильнаго свѣта, яркихъ и блестящихъ предметовъ, неокрѣплый слухъ отъ сильныхъ звуковъ и т. д.; т. е. первоначальное воспитаніе должно преимущественно заботиться о сохраненіи и укрѣпленіи здоровья дитяти, о правильномъ развитіи всего его тѣла и объ устраненіи всего того, что можетъ задерживать это развитіе, вредить ему (*).

Все же остальное, а именно усвоеніе внѣшнихъ впечатлѣній, должно вполнѣ предоставить самому ребенку; воспитаніе тутъ не должно вмѣшиваться. Пусть ребенокъ самъ съ полною свободою, съ полнымъ спокойствіемъ воспринимаетъ видимое, слышимое и осязаемое, и такимъ образомъ самъ свободно составляетъ первые слабые слѣды своего возникающаго сознанія. Эти сначала едва ощущаемые однородные слѣды, соединяясь и проясняясь при повтореніи тѣхъ же впечатлѣній, образуютъ въ дитяти *вѣрныя ощущенія, потомъ представленія и свѣтлые образы видимаго и слышимаго* и т. д., если только внѣшніе предметы, окружающіе младенца, производятъ на него такія впечатлѣнія, которыя могутъ быть вполнѣ усвоены воспріимчивостью нѣжныхъ духовныхъ силъ дитяти посредствомъ здоровыхъ органовъ зрѣнія, слуха и проч.

Такимъ образомъ человѣкъ уже въ колыбели своей, по врож-

(*) Въ очеркахъ: «Дитя въ первые годы жизни», воспитательница найдетъ всѣ существенно необходимыя указанія для такого начальнаго воспитанія.

деннымъ ему законамъ, самъ можетъ работать надъ своимъ духовнымъ развитіемъ. Вотъ несомнѣнное доказательство, что природа назначила человѣка быть существомъ *самодѣятельнымъ* и слѣдовательно *самостоятельнымъ*, и надѣлила его всѣми средствами для выполненія этого высокаго, истинно-человѣческаго назначенія.

И такъ первоначальное дѣло воспитанія состоитъ въ заботахъ и попеченіяхъ о здоровьѣ ребенка и въ предохраненіи его отъ вредныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, которыя съ одной стороны не должны быть слишкомъ разнообразны, слишкомъ сильны, ярки и т. д.; точно такъ же съ другой стороны бѣдность, скудость первыхъ впечатлѣній дѣйствуетъ вредно, особенно на дѣтей, одаренныхъ отъ природы большою живостью и воспріимчивостью духовныхъ силъ. Самое несчастное, вполнѣ безотрадное, бѣдственное положеніе малютка имѣетъ въ бѣдныхъ семействахъ, особенно въ большихъ городахъ, гдѣ страшная дороговизна на самыя насущныя жизненныя потребности заставляетъ неимущихъ жить въ подвалахъ или на чердакахъ. Постоянная духота, смрадъ, сырость, полумракъ или слабый полусвѣтъ въ самый яркій Божій день, скудная, тощая пища родителей, грязныя лохмотья вмѣсто одежды, заплеснѣлыя и закоптѣлыя стѣны и всѣ прочіе подобные же немилосердые спутники нищеты-мачихи, губительно дѣйствуютъ на новорожденнаго; они разрушаютъ его нѣжныя, слабыя тѣлесныя и духовныя силы въ самомъ зородышѣ ихъ, и если такой ребенокъ не оканчиваетъ безотрадныхъ, горькихъ дней своихъ въ колыбели, то остается страдальцемъ на всю жизнь. Человѣкъ съ хилымъ, тощимъ, болѣзненнымъ тѣломъ и съ немощнымъ духомъ, подавленнымъ въ самомъ началѣ развитія его, можетъ только жить и страдать... Здѣсь спѣшите помочь, добрые люди; здѣсь помощь ваша будетъ благодатнѣе, плодотворнѣе и богоугоднѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь!

Но оставимъ пріюты убогой нищеты; въ нихъ истинный человѣкъ находитъ по крайней мѣрѣ хоть то, правда, раздирающее сердце утѣшеніе, что невинныя дѣти гибнутъ не вслѣдствіе вины

родителей, а потому, что родители не имѣютъ никакихъ средствъ, никакой возможности спасти ихъ...

Предъ нами роскошныя палаты; раздольно раскинулись, высоко поднялись онѣ. Великолѣпный входъ, мраморныя статуи, зеркала, карсели, широкая лѣстница, устланная дорогими пушистыми коврами, обставленная цвѣтами; швейцаръ съ булавой, ливрейные лакеи. . . . Скорѣй, мимо всей этой роскоши; пробѣжимъ и позлащенные пріемные покои, намъ они не нужны . . . . Гдѣ же комнаты дѣтей? Вотъ тамъ,—пожалуйте наверхъ! . . . Какъ! дѣти такъ далеко отъ родителей? отъ матери? Пойдемъ, отыщемъ ихъ.... Вотъ они, разодѣтыя, разубранныя въ дорогія узорчатыя ткани, окруженныя мамушками, нянюшками, боннами, гувернантками, гувернерами . . . . Отчего же не слышно звонкаго смѣха, живого крика дѣтскаго? Отчего нѣтъ жизни въ этихъ дѣтяхъ? Да, правда: они благовоспитанныя, смирныя, приличныя дѣти.

Кажется, что при громадныхъ средствахъ, доставляемыхъ богатствомъ, воспитаніе можетъ и должно оказывать только самое благое вліяніе на развитіе ребенка? Безъ сомнѣнія при такихъ средствахъ изъ дѣтей могутъ и должны выйти люди, вполнѣ здоровые и духомъ и тѣломъ?... Могутъ и должны—это правда, да выходятъ ли? Какой отвѣтъ даютъ намъ неопровержимыя дѣйствительныя явленія жизни?

Эти явленія доказываютъ, что излишество въ средствахъ можетъ быть такъ же вредно, какъ и недостатокъ въ нихъ: дѣти, воспитанныя въ нѣгѣ и роскоши, большею частью становятся людьми—также страждущими и тѣломъ и духомъ.

Отчего же богатство можетъ имѣть вредное, губительное вліяніе на воспитаніе дѣтей? Оттого, что оно даетъ возможность неблагоразумнымъ родителямъ или воспитателямъ доставлять дѣтямъ слишкомъ много сильныхъ, яркихъ впечатлѣній, которыя не только не могутъ быть усвоены слабыми тѣлесными и духовными силами ребенка, но разсѣеваютъ, разстроиваютъ, разрушаютъ ихъ.

Представимъ нѣсколько примѣровъ для поясненія и доказательства только-что высказанной мысли.

Въ знатныхъ и богатыхъ домахъ у насъ все еще большею частію господствуетъ обычай приставлять къ дѣтямъ, находящимся еще въ пеленкахъ, вдругъ и англичанокъ, и нѣмокъ, и француженокъ. Для чего это дѣлается? Для того, говорятъ родители, чтобы дѣти съ мололѣтства начали говорить на различныхъ языкахъ и такимъ образомъ усвоили бы себѣ настоящее произношеніе чисто французское, англійское и т. д. Положимъ, что такая цѣль родителей очень хороша; допустимъ, что русскимъ дѣтямъ уже въ колыбели необходимо произносить французскіе, нѣмецкіе, англійскіе звуки; положимъ даже, что приставленныя бонны, гувернантки и т. д, дѣйствительно превосходно, въ совершенствѣ говорятъ на своихъ языкахъ, и что вслѣдствіе этого ихъ питомцы получаютъ произношеніе чисто Парижское, Лондонское и высокогерманское (Hochdeutsch). Посмотримъ только, какое вліяніе имѣютъ эти разноязычные звуки на духовное развитіе младенца.

Ребенокъ положительно не знаетъ о существованіи различныхъ языковъ и не понимаетъ, что онъ слышитъ французскія, англійскія, нѣмецкія, русскія слова. Онъ слышитъ только одни звуки, которые проникаютъ чрезъ ухо и оставляютъ сначала, какъ мы видѣли, самые слабые слѣды въ душѣ дитяти. При повтореніи тѣхъ же звуковъ слѣды соединяются, становятся яснѣе и постепенно утверждаются въ памяти ребенка. Въ то же самое время развиваются и укрѣпляются горловые органы дитяти, ротъ дѣлается болѣе, языкъ укрѣпляется, можетъ двигаться свободнѣе. Такимъ образомъ ребенокъ получаетъ возможность произносить отдѣльные звуки, потомъ слова, т. е. можетъ говорить.

Какіе же могутъ быть эти первые звуки и слова? Конечно тѣ, которые чаще и явственнѣе другихъ слышались ребенку и потому могли явственнѣе, раздѣльнѣе обозначиться и утвердиться въ душѣ его. Дѣйствительно, опытъ показываетъ намъ, что первые звуки, произносимые ребенкомъ еще въ колыбели—чистые глас-

ные, а, о, у, е, и, потомъ соединенные съ одною согласною (обыкновенно губною) бо, бу, му, и т. д., наконецъ первые слова—двусложныя, состоящія изъ двухъ одинаковыхъ слоговъ: папа, мама, баба, няня и т. д. Односложныя и двухсложныя слова, начинающіяся шипящими буквами или двумя согласными, ребенокъ произноситъ позднѣе и сначала переиначивая шипящую и выбрасывая одну изъ согласныхъ буквъ, и именно ту, которая труднѣе для произношенія. Трехсложныхъ и многосложныхъ словъ дитя долго не можетъ выговаривать, и произноситъ въ нихъ только или начало, или конецъ слова, смотря по тому, что явственнѣе, раздѣльнѣе отдалось и утвердилось въ слухѣ его. Наконецъ на третьемъ году здоровый, нормальный ребенокъ начинаетъ соединять слова между собою и можетъ составлять и произносить первыя краткія предложенія. Изъ всего этого слѣдуетъ, что правильность, ясность и звучность первыхъ словъ, произносимыхъ ребенкомъ, зависитъ отъ двухъ условій: 1) отъ правильнаго, здороваго развитія и состоянія всѣхъ тѣлесныхъ органовъ, необходимыхъ для произнесенія звуковъ, и 2) отъ той явственности, чистоты и раздѣльности, съ которою слышанные звуки и слова утвердились въ ребенкѣ. Послѣднее условіе можетъ быть выполнено только въ томъ случаѣ, если органъ слуха дитяти вполнѣ здоровъ, нормаленъ и достаточно развитъ. Но мы знаемъ, что всѣ силы ребенка какъ тѣлесные, такъ и духовные нѣжны и слабы, слѣдовательно и слухъ его также слабъ и нѣженъ.

Сначала ребенокъ вовсе не можетъ различать раздѣльныхъ звуковъ, и слышитъ одинъ шумъ; только по мѣрѣ укрѣпленія органа слуха немногіе самые ясные, простые и чистые отдѣльные звуки могутъ быть различаемы дитятею. Если слишкомъ многіе и слишкомъ различные звуки будутъ производить впечатлѣніе на слабый слухъ дитяти, то оно естественно не будетъ въ состояніи ясно различать, усвоивать ихъ себѣ и потомъ произносить. Теперь возвратимся къ разсматриваемому случаю.

Ребенокъ окруженъ боннами различныхъ націй, и потому сла-

бый слухъ его постоянно и почти въ одно и то же время получаетъ самыя разнозвучныя, смѣшанныя впечатлѣнія отъ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и частію русскихъ словъ. Естественно, что эти многоразличныя смѣшанныя впечатлѣнія какъ аукнутся въ слухѣ дитяти, такъ и откликнутся въ первомъ лепетѣ его.

Всѣ эти разнозвучныя впечатлѣнія образуютъ въ душѣ ребенка туманные, смѣшанные, перепутанные слѣды, изъ которыхъ составятся подобныя же неясныя представленія первыхъ звуковъ и словъ, произносимыхъ ребенкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, опытныя наблюденія доказываютъ, что такія дѣти начинаютъ говорить позднѣе другихъ, притомъ совершенно нераздѣльно, неявственно, непонятно, и первыя слова, произносимыя ими, большею частію уродливы, не то французскія, не то англійскія, не то нѣмецкія, и представляютъ смѣсь французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и русскихъ неясныхъ звуковъ.

Съ каждымъ словомъ сопряжено представленіе какого нибудь предмета или понятія. Ребенокъ, часто видя окружающія его лица и предметы и слыша названія ихъ, мало по малу начинаетъ представлять себѣ лицо или предметъ при произнесеніи словъ, обозначающихъ ихъ. Чѣмъ явственнѣе и полнѣе осталось слово въ душѣ ребенка, тѣмъ живѣе и полнѣе при произнесеніи этого слова является представленіе предмета, обозначаемаго имъ, и тѣмъ скорѣе и полнѣе ребенокъ можетъ произнести это слово. Такимъ образомъ слово съ одной стороны утверждаетъ представленіе, изображеніе извѣстнаго лица, или предмета въ душѣ ребенка, и слѣдовательно проясняетъ сознаніе его относительно этого лица или предмета; съ другой стороны оно даетъ дитяти возможность называть извѣстный предметъ, выражать свое сознаніе. Теперь представьте себѣ, что дитя слышитъ совершенно различныя слова: французскія, англійскія и т. д., обозначающія одинъ и тотъ же предметъ. Что отъ этого происходитъ? Ребенокъ, медленно послѣ многократнаго и частаго слышанія запоминающій одно названіе

предмета и усвоивающій себѣ такимъ образомъ понятіе о немъ, положительно долженъ запутаться въ этомъ множествѣ совершенно разнозвучныхъ и однозначащихъ словъ. Въ младенческомъ, неразвитомъ духѣ образуется цѣлый хаосъ самыхъ различныхъ смѣшанныхъ, неясныхъ звуковъ и, изъ соединенія ихъ, такихъ же словъ, ничего не обозначающихъ, или цѣлая путаница между обозначающимъ и обозначаемымъ.

Все это можетъ только гибельно дѣйствовать на возниканіе перваго сознанія въ ребенкѣ; и ясно, что оно разсѣевается, затемняется въ самомъ началѣ своего развитія.

Мы уже не говоримъ здѣсь про то, что первый нѣжный лепетъ, первый нѣжный говоръ, первое выраженіе возникающаго сознанія младенца должны быть на родномъ языкѣ. Мы не дѣлаемъ за это ни малѣйшаго упрека родителямъ; но просимъ ихъ только не разстроивать, не разсѣевать, не затемнять, однимъ словомъ, не губить духовныхъ силъ своихъ дѣтей въ самомъ началѣ ихъ развитія. Хотите вы непремѣнно, чтобы ребенокъ вашъ началъ говорить по французски, по англійски и т. д., то приставьте къ нему француженку, или англичанку, и пусть она одна ходитъ за вашимъ малюткою, чтобы онъ слышалъ постоянно одинъ какой-нибудь языкъ и могъ ясно усвоивать себѣ звуки словъ, сосредоточивать на нихъ свое слабое вниманіе и потомъ произносить ясно, понимая значеніе ихъ.

И такъ затемненіе сознающей силы дѣтскаго духа въ самомъ началѣ ея развитія и вообще неясность возникающаго сознанія — вотъ первое неизбѣжное и самое естественное слѣдствіе безразсуднаго обычая окружать колыбельныхъ дѣтей толпою иностранныхъ боннъ.

Но на этомъ не останавливается вредное вліяніе такого обычая: оно идетъ далѣе и дѣйствуетъ гибельно на нравственность дѣтей также въ самомъ началѣ ея развитія. Всѣ эти различныя няньки, бонны, гувернантки живутъ обыкновенно не въ ладу другъ съ другомъ; каждая старается получить бо́льшее значеніе,

стать выше, преобладать; начинаются интриги, кляузничанье, сплетни и проч. и проч. Мать, занятая постоянно однимъ щепетильнымъ выполненіемъ всѣхъ микроскопическихъ условій и требованій свѣтской жизни, едва успѣваетъ въ день раза два взглянуть на своихъ дѣтей, и потому поручаетъ верховный надзоръ за ними одной изъ боннъ, или гувернантокъ. Что же дѣлаютъ прочія приставницы? Остаются ли онѣ въ покоѣ и исполняютъ ли добросовѣстно свои обязанности? Очень рѣдко. Почти всегда онѣ, не имѣя прямого доступа къ матери своихъ питомцевъ, мѣняютъ тактику и дѣйствуютъ прямо на малютокъ, скрываютъ ихъ проступки, потакаютъ имъ во всемъ и впослѣдствіи, когда они подрастутъ, стараются сплетнями, наговорами возстановить ихъ противъ главной гувернантки и т. д. Какъ же отразится все это въ младенческомъ духѣ ребенка? Дитя выростаетъ подъ прямымъ, постояннымъ впечатлѣніемъ низкихъ интригъ, лжи, хитростей, лукавствъ, грязныхъ сплетней и проч. и проч.; видитъ нелюбовь, несогласіе, зависть, ненависть въ самыхъ приближенныхъ къ нему людяхъ. Какія же сѣмена нравственности могутъ посѣять такія безнравственные, живые примѣры въ слабомъ, неразвитомъ духѣ дитяти? Какія нравственныя представленія могутъ возникнуть въ душѣ его? Какое понятіе получитъ дитя о человѣкѣ? Положительно такое воспитаніе растлѣваетъ всѣ нравственныя стремленія благородной человѣческой природы: ребенокъ совершенно безвинно, по неволѣ воспринимаетъ постоянно одни безнравственныя впечатлѣнія въ свою чистую, непорочную душу, заражается безнравственностью въ самомъ началѣ возникнанія и развитія своего сознанія. Третье, также прямое слѣдствіе боннъ и первыхъ воспитательницъ-иностранокъ есть порожденіе въ русскомъ ребенкѣ презрѣнія или по крайней мѣрѣ полнаго равнодушія ко всему родному, отечественному. Ребенокъ постоянно слышитъ восхваленіе всего чужеземнаго; что тѣ изъ окружающихъ его, которые говорятъ порусски, стоятъ ниже иностранокъ, исполняютъ самыя черныя работы, одѣваются хуже,

бѣднѣе, постоянно кланяются, прислуживаютъ говорящимъ на иностранныхъ языкахъ, и такимъ образомъ въ немъ совершенно безсознательно возникаетъ, развивается и, какъ мы на опытѣ видимъ, остается на всю жизнь не только равнодушіе, но и пренебреженіе ко всему русскому, къ родной землѣ.

Богатыя, яркоцвѣтныя платья, множество дорогихъ гремящихъ и блестящихъ игрушекъ, однимъ словомъ, излишнее разнообразіе, яркая пестрота, пышность и блескъ всего окружающаго дѣйствуютъ также вполнѣ гибельно на развитіе ребенка. Вся эта блистательная внѣшняя обстановка производитъ слишкомъ сильныя и слишкомъ разнообразныя впечатлѣнія на неокрѣпшее зрѣніе и слабый слухъ дитяти. Отъ этого дѣти становятся нервными, раздражительными; съ одной стороны они привыкаютъ къ яркимъ, разнообразнымъ впечатлѣніямъ, такъ что все блѣдное, не имѣющее внѣшняго блеска, не дѣйствуетъ на нихъ, не обращаетъ на себя ихъ вниманія, и потому не имѣетъ для нихъ никогда значенія и достоинства. Съ другой стороны эти дѣти не могутъ долго останавливаться на одномъ какомъ-нибудь предметѣ, не могутъ вникнуть въ него, сосредоточить на немъ свои мысли, потому что духовныя и тѣлесныя силы ихъ, раздраженныя сильными, яркими и быстро-перемѣнными впечатлѣніями, скоро утомляются.

Такимъ образомъ дѣти въ самомъ началѣ своего развитія привыкаютъ обращать вниманіе только на одну блистательную внѣшность предмета, судить по наружности; утрачиваютъ всякую возможность соединять свои духовныя силы на какомъ-нибудь занятіи, дѣлаются нетерпѣливыми, капризными, разсѣянными. Оттого и всѣ слѣдующія познанія, понятія, сужденія и проч. будутъ всегда поверхностны, неясны, нетверды, невѣрны и не достигнутъ сознательности въ душѣ дитяти, которое навсегда можетъ утратить ясность и вѣрность сознанія. Можетъ ли при всѣхъ этихъ условіяхъ существовать согласное развитіе всѣхъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ ребенка? Нѣтъ; это согласіе нарушено, разстроено, уничтожено въ самомъ его зародышѣ гибель-

нымъ вліяніемъ воспитанія, которое дѣйствовало постоянно и совершенно противъ природныхъ законовъ развитія человѣка. Прибавимъ ко всему этому, что ребенокъ, по большей части слабый тѣломъ по наслѣдству отъ нездоровыхъ родителей, питается послѣ грудного молока сначала самою слабою пищею, прописываемою докторами, потомъ вдругъ, не успѣвъ окрѣпнуть, переходитъ къ пряной, острой, малопитательной, нездоровой смѣси, приготовляемой французскою кухнею.

Всѣ сладости и пряности слишкомъ раздражаютъ вкусъ ребенка, разгорячаютъ кровь его, порождаютъ дурные соки... Не забудемъ еще, что комнатная атмосфера, воздухъ, которымъ дышетъ ребенокъ, большею частію бываетъ пропитанъ различными благовоніями, духами и т. д., дѣйствующими гибельно на дѣтское обоняніе, раздражающими и, такъ сказать, растравляющими его. Такимъ образомъ воспитаніе пожинаетъ вполнѣ то, что посѣяло: какъ духовныя, такъ и тѣлесныя силы дѣтей совершенно разстроиваются; дѣти гибнутъ, становятся хилыми, желтыми, щедушными, неспособными ни на какое серіозное занятіе, ни на какую дѣльную работу, потому что они страждутъ тѣломъ и духомъ... Вотъ они, вотъ грѣхи родителей!

Родители, родители! Тяжело, грустно, горько,—но мы должны сказать вамъ: зачѣмъ, имѣя всѣ матеріальныя средства выростить и развить дѣтей вашихъ людьми вполнѣ здравыми и тѣломъ и духомъ, благородными и полезными дѣятелями на пользу общую, на пользу отечества, вы употребляете все изобиліе этихъ средствъ на то, чтобы сдѣлать ихъ какими-то юродивыми? Зачѣмъ жертвуете вы безсмысленной модѣ правильнымъ, согласнымъ, здравымъ развитіемъ духа и тѣла дѣтей вашихъ? Неужели вамъ легче сдѣлать дѣтей своихъ совершенно неспособными ни на что дѣльное, лишить ихъ возможности сознательно и самостоятельно думать, мыслить, разсуждать, заглушить въ нихъ навсегда всякую разумную, нравственную дѣятельность, однимъ словомъ, неужели вы скорѣе согласитесь уничтожить въ дѣтяхъ вашихъ все,

что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, чѣмъ отстать отъ другихъ, нарушить требованія гибельной моды? Но кто же эти другіе и кто завелъ, установилъ такую моду? Вѣдь вы же сами. Вамъ стоитъ только уничтожить вредный обычай, и его не станетъ. Будьте же людьми здравомыслящими, и по крайней мѣрѣ ради блага дорогихъ малютокъ своихъ рѣшитесь, отважьтесь на этотъ смѣшной великій шагъ!

Оглянитесь, опомнитесь! Поймите, что ваши дѣти развиваются не по какимъ-либо для нихъ особенно составленнымъ законамъ, а по тѣмъ же самымъ, которымъ создатель подчинилъ развитіе всѣхъ человѣческихъ дѣтей. Воспитайте дѣтей вашихъ просто, безъ затѣй, естественно, помните, что у семи нянекъ дитя всегда бываетъ безъ глазу. Одѣвайте своихъ милыхъ малютокъ въ простыя удобныя платья, которыя бы не жали ихъ, не стѣсняли свободныхъ рѣзвыхъ дѣтскихъ движеній, давали бы полную свободу и просторъ тѣлесному развитію. Не дарите дѣтямъ блестящихъ, богатыхъ игрушекъ, съ которыми ребенокъ не знаетъ, что̀ ему дѣлать и которыя своимъ блескомъ и пышностью слишкомъ раздражаютъ зрѣніе, а шумомъ разстроиваютъ нѣжный слухъ его; не изощряйте, не портите дѣтскаго вкуса сластями и пряностями, а давайте дѣтямъ здоровую, простую, питательную пищу. Удаляйте, изгоняйте всю пышность, всю роскошь, все богатство, всю пестроту, всю искуственность изъ пріюта дѣтей вашихъ; уберите комнаты ихъ просто, со вкусомъ; не пропитывайте ихъ благовоніями, а заботьтесь о чистотѣ воздуха. Особенно будьте осторожны при выборѣ лицъ, которымъ вы поручаете храненіе и первоначальное развитіе нѣжныхъ, чистыхъ малютокъ. О, мать, отецъ! не удаляйте отъ себя дѣтей своихъ: пусть воспитаніе ихъ будетъ для васъ не только первою священною обязанностью, но любовною отрадою, сокровищемъ сердца вашего; пусть быть близъ дѣтей и съ ними, жить для нихъ—будетъ первою, насущною потребностью всего существа вашего. Содѣлайтесь сами разумными дѣтьми въ дѣтяхъ своихъ: и возлюбятъ они васъ, и станутъ уважать чистымъ серд-

цемъ и душою, и привяжутся къ вамъ, и будутъ откровенны съ вами, и не будетъ у нихъ завѣтной тайны отъ васъ!

Оглянитесь и посмотрите, въ какое время живете вы, и тѣмъ болѣе, въ какое время будутъ жить и дѣйствовать дѣти ваши! Поймите, что по слову Царя зачалась новая, свободно-трудовая жизнь народа русскаго: не отчуждайте же, а вводите воспитаніемъ дѣтей вашихъ въ эту новую свѣтлую, самостоятельную жизнь нашего отечества. Сбросьте съ себя прежніе предразсудки!

Говорите, внушайте дѣтямъ вашимъ, приведите въ ощутительное сознаніе ихъ, что они прежде всего люди, а не князья, графы, аристократы; не наполняйте, не затемняйте чистаго свѣтлаго разсудка дѣтей вашихъ нелѣпыми понятіями о ихъ знатности, богатствѣ, что они выше другихъ,—понятіями, мыслями, которыя и въ голову имъ не пришли бы безъ вашего посредничества, безъ вашихъ безпрестанныхъ вздорныхъ наговоровъ! Сознайте сами достоинство человѣка; оно выше всѣхъ вашихъ званій и богатствъ, потому что Самъ Творецъ довершилъ свое чудное мірозданіе человѣкомъ и поставилъ его превыше всего творенія. Сознайте, и дѣлами, жизнію своею осуществляйте это святое сознаніе, и неусыпно прежде всего старайтесь возбудить, прояснить и утвердить его въ дѣтяхъ вашихъ. Да будутъ они возвышаться, гордиться только тѣмъ, что они люди, своимъ человѣческимъ достоинствомъ, и ничѣмъ другимъ...

Вотъ тѣ существенныя указанія для воспитанія, которыя прямо вытекаютъ изъ изложенныхъ законовъ духовнаго развитія дитяти. Эти же указанія объясняютъ намъ еще и то, что подтверждаютъ дѣйствительныя явленія жизни, именно, почему дѣти, получающія свои первыя впечатлѣнія посреди свободной, безъискусственной сельской природы, развиваются обыкновенно сильными и здоровыми. Мы будемъ говорить объ этомъ подробнѣе впослѣдствіи, когда въ изложеніи законовъ дальнѣйшаго развитія человѣка найдемъ еще болѣе ясныя и обильныя указанія.

11. Постоянное чередованіе сознанія съ безсознательностью.

Всѣ представленія, всѣ образы, которые составились въ душѣ нашей по крайней мѣрѣ хоть *съ нѣкоторою опредѣленностью и ясностью* изъ соединенія одинаковыхъ или подобныхъ слѣдовъ, остаются, пребываютъ въ ней въ *сознательномъ или безсознательномъ состояніи* (возбужденномъ или невозбужденномъ). Представленія или образы, находящіеся въ безсознательномъ состояніи, могутъ быть *вновь возбуждены, приведены въ сознаніе, какъ только они понадобятся.* Пояснимъ сказанное примѣрами.

Мы читаемъ съ полнымъ вниманіемъ дѣльную книгу, тщательно усвоивая себѣ ея содержаніе. Чрезъ много лѣтъ попадается та же книга намъ на глаза, и мы тотчасъ же припоминаемъ себѣ, что́ въ ней заключается. Мы читаемъ отъ нечего дѣлать пустой, неинтересный романъ, и забываемъ его. (Очень часто впрочемъ случается и на оборотъ.)

Иное лицо мы мелькомъ видимъ, и всегда узнаемъ его при встрѣчѣ, потому что оно обратило на себя наше вниманіе, произвело на насъ *достаточное впечатлѣніе*; съ другимъ человѣкомъ мы поговоримъ въ обществѣ, и что же? При новой встрѣчѣ онъ намъ кланяется, а мы не узнаемъ его.

Мы были въ театрѣ и слушали оперу; потомъ однако жъ припоминаемъ себѣ, и если есть голосъ, то напѣваемъ только тѣ аріи, тѣ мотивы, хоры и т. д., которые *понравились* намъ, произвели особенное впечатлѣніе на слухъ нашъ, т. е. оставили по себѣ *болѣе ясные слѣды.*

Далѣе: мы много видимъ, слышимъ и усвоиваемъ себѣ много представленій, понятій, т. е. многое остается, пребываетъ въ душѣ нашей, и большею частью въ *безсознательномъ или невозбужденномъ состояніи.* Въ этомъ каждый легко можетъ убѣдиться. Только весьма немногое изъ того, что образовалось,

утвердилось въ душѣ нашей, находится въ сознаніи въ извѣстное время. Вотъ хоть въ настоящую минуту, когда вы читаете эти строки, многое ли представляется вашему сознанію изъ всего того, что вы видѣли, слышали, однимъ словомъ, изъ того, что образовалось утвердилось въ душѣ вашей, въ продолженіе вашей жизни на бѣломъ свѣтѣ? Представляете ли вы себѣ, напримѣръ, всѣхъ вашихъ знакомыхъ, или все, что вы сегодня дѣлали, говорили, видѣли, слышали? Навѣрное нѣтъ: вамъ нужно прежде *припомнить* все это, т. е. *привести въ сознаніе*.

И такъ въ каждое извѣстное время мы сознаемъ только очень ограниченное число всѣхъ тѣхъ образовъ, представленій, которые составились и пребываютъ въ душѣ нашей; иначе и быть не можетъ. Если бы всѣ мысли, понятія, образы, чувства, желанія, хранящіяся въ душѣ нашей, пришли разомъ въ сознаніе наше, всѣ вмѣстѣ заговорили въ насъ, то произошла бы такая кутерьма и путаница, хуже вавилонскаго смѣшенія языковъ...

Вообще мы по опыту можемъ сказать, что всегда въ душѣ нашей пробуждается столько представленій, сколько намъ нужно въ извѣстное время; всѣ же прочія остаются безсознательными.

То, что мы теперь сознаемъ, о томъ мы въ слѣдующую минуту быть-можетъ и не думаемъ болѣе. Во снѣ, когда насъ не тревожатъ сновидѣнія, всѣ пріобрѣтенныя нами представленія становятся *безсознательными*.

Такимъ образомъ въ душѣ постоянно исчезаютъ и снова являются представленія: сознательныя дѣлаются безсознательными, а безсознательныя вновь приходятъ въ сознаніе, т. е. въ душѣ происходитъ постоянное чередованіе сознанія различныхъ представленій съ безсознательностью ихъ.

Какъ же это происходитъ?

Въ одной изъ предъидущихъ бесѣдъ нашихъ (*) мы объяснили,

(*) См. 56—59 стр.

какимъ образомъ возникаетъ въ душѣ нашей сознаніе. Это сознаніе совершенно *противоположно* полной безсознательности. Слѣды же и представленія, образовавшіяся въ душѣ нашей, хотя въ извѣстное время также остаются безсознательными, но въ этой безсознательности заключается уже *развитое сознаніе*, которое не проявляется только вслѣдствіе *утраченнаго возбужденія*. Слѣдовательно если представленія снова приходятъ въ сознаніе, то это сознаніе будетъ противуположно не *безсознательности*, а только *невозбужденности*.

Такое проявляющееся сознаніе представленій поэтому не есть *вновь образованное*, а только *повторенное* (воспроизведенное) или *возобновленное изъ прежняго сознанія*. Условіе этого возобновленія есть *возбужденіе*, для произведенія котораго необходимы *возбудители*. Эти *возбудители* бываютъ *внѣшніе* и *внутренніе*.

Мы слышимъ пѣніе канарейки, и тотчасъ же представленіе объ ней приходитъ въ наше сознаніе. Въ это время, когда мы съ вами говоримъ, намъ никакъ не пришло бы на умъ представленіе о плотникѣ, если бы мы не слышали теперь стукъ топора. Канарейку и плотника мы видѣли прежде, и образовавшіяся въ душѣ нашей представленія о нихъ, которыя находились только въ безсознательномъ состояніи, были возбуждены, приведены снова въ сознаніе вслѣдствіе звуковыхъ впечатлѣній отъ пѣнія канарейки и отъ стука топора, которые также намъ уже знакомы. Въ этихъ обоихъ случаяхъ представленія были приведены въ новое сознаніе посредствомъ *внѣшнихъ возбудителей* или повторенныхъ прежнихъ звуковыхъ внѣшнихъ впечатлѣній.

Я сижу одинъ въ комнатѣ; вокругъ меня все тихо и темно: ничто не шевелнется, никакія впечатлѣнія извнѣ не дѣйствуютъ на мою душу. Казалось бы, никакія представленія не должны бы придти въ сознаніе мое. А между тѣмъ въ такомъ одиночествѣ каждому изъ насъ навѣрное являлось множество представленій, и одно безпрестанно смѣнялось другимъ.

Такъ нерѣдко, вовсе не желая, вспоминаемъ мы о разныхъ приключеніяхъ въ нашей жизни, о мѣстностяхъ, видѣнныхъ нами, о людяхъ, съ которыми мы давно не видались, и многое другое само собой приходитъ въ голову въ часы совершеннаго уединенія.

Но являются также и такія представленія, которыя мы сами желаемъ *возобновить*. Я, напримѣръ, хочу представить себѣ Исакіевскій соборъ, или славный кремль Московскій, который я прежде видѣлъ, и мнѣ удается это безъ особенныхъ трудностей, хотя въ эту минуту никакія внѣшнія впечатлѣнія на меня не дѣйствуютъ.

И вамъ то же самое удастся: захотите, подумайте только, и тотчасъ желаемыя представленія явятся въ вашемъ сознаніи; напр. родительскій домъ, деревенскій садъ, въ которомъ вы бѣгали ребенкомъ, и проч. и проч.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ прежнія представленія очевидно возбуждались, приводились снова въ сознаніе не внѣшними впечатлѣніями, потому что ихъ не было, но (*внутреннимъ*) *припоминаніемъ* или *воспоминаніемъ*, которое и есть *внутренній возбудитель*.

Слѣдовательно представленія, находящіяся въ душѣ нашей безсознательными, могутъ быть приведены въ сознаніе не только посредствомъ повторенныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, но и посредствомъ (внутренняго) припоминанія, воспоминанія.

Какимъ же образомъ *сознательныя* представленія снова становятся безсознательными? Это происходитъ подобнымъ же образомъ, но только на оборотъ.

Если представленія приводятся въ сознаніе вслѣдствіе того, что ихъ возбуждаютъ новыя впечатлѣнія, то для возвращенія представленій снова въ *безсознательное* состояніе, эти возбуждающія ихъ впечатлѣнія должны *исчезнуть*.

12. Живость основъ способностей и вліяніе ея на воспроизведеніе сознанія.

Я развертываю предъ дѣтьми большой листъ, на которомъ нарисованы знакомыя имъ животныя, и потомъ быстро опять свертываю его. Какія это были животныя? Нѣкоторыя изъ дѣтей успѣли замѣтить одно или нѣсколько животныхъ и назовутъ ихъ, другія же нѣтъ. Отчего это? Оттого во всякомъ случаѣ, что *одни быстрѣе усматриваютъ, чѣмъ другія.*

То же самое замѣчаемъ при чтеніи: нѣкоторые обозрѣваютъ цѣлую строку разомъ, какъ бы на лету, другіе же только постепенно.

Быстрѣе всего воспринимаемъ мы внѣшнія впечатлѣнія посредствомъ *слуха*. Какъ живо, напримѣръ, при разговорѣ слѣдуютъ одни за другими звуки, слоги и слова; а между тѣмъ ни одно слово, да, ни одинъ звукъ не упускается слухомъ нашимъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ бываетъ разница между различными людьми: одни слышатъ быстрѣе другихъ, но вообще у всѣхъ здоровыхъ людей слухъ есть, такъ сказать, *самое живое, самое быстрое чувство.*

На основаніи приведенныхъ примѣровъ мы должны приписать основамъ способностей, кромѣ различной врожденной воспріимчивости и впечатлительности, еще и бо́льшую или ме́ньшую живость, съ которою онѣ воспринимаютъ внѣшнія впечатлѣнія.

Каждому изъ насъ вѣроятно случалось нерѣдко встрѣчать людей, въ которыхъ обнаруживается *необыкновенная живость* во всемъ. Они не только быстро воспринимаютъ и усвоиваютъ себѣ все, что происходитъ предъ глазами и ушами ихъ, но и различныя представленія чрезвычайно быстро чередуются, воспроизводятся въ ихъ сознаніи. Все это замѣтно изъ ихъ рѣчей, движеній, изъ всѣхъ поступковъ, замѣтно даже по *глазамъ*.

Другіе, напротивъ, во всѣхъ своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ гораздо медленнѣе, спокойнѣе, неподвижнѣе; у нѣкоторыхъ нѣтъ вовсе живости, такъ что все скоро-преходящее почти не замѣчается ими и не усвоивается; они чрезвычайно медленно соображаютъ и припоминаютъ видѣнное и слышанное.

Бо́льшая живость основъ способностей производитъ слѣдовательно не только быстрѣйшее усвоеніе внѣшнихъ впечатлѣній, но и быстрѣйшее возбужденіе или воспроизведеніе безсознательныхъ представленій.

13. Окончаніе перваго періода духовнаго развитія.

Отъ всего, что производитъ на насъ достаточное впечатлѣніе, какъ мы уже знаемъ, остаются въ душѣ слѣды; изъ соединенія одинаковыхъ слѣдовъ, при повтореніи тѣхъ же впечатлѣній, составляются мало по малу ясныя представленія или образы тѣхъ предметовъ, которые производили такія впечатлѣнія. Вмѣстѣ съ образованіемъ представленій въ душѣ возникало постепенно *сознаніе* наше. Этимъ можно ограничить *первый періодъ духовнаго развитія человѣка*, потому что далѣе начинается *новая духовная дѣятельность* въ ребенкѣ.

Хотя духовное развитіе въ первый періодъ совершалось постоянно вслѣдствіе вліянія внѣшняго міра, но тѣмъ не менѣе душа ребенка оставалась постоянно *самостоятельнымъ дѣятелемъ*. Она сама посредствомъ чувственныхъ органовъ воспринимала впечатлѣнія отъ всего окружающаго, сама усвоивала ихъ, составляла ясныя представленія или образы внѣшнихъ предметовъ, и такимъ образомъ начала *сознавать* ихъ, получила сознаніе того, что видѣла, слышала и т. д.

Конечно это сознаніе касалось только одной *наружности* видѣннаго и слышаннаго; младенецъ можетъ сознавать только общій внѣшній видъ предметовъ, ибо въ душѣ его составились одни

представленія о наружности этихъ предметовъ. Иначе и быть не можетъ: младенецъ видитъ только то, что проникаетъ чрезъ его тѣлесный глазъ, слышитъ и произноситъ только тѣ звуки, которые вошли чрезъ его ухо. Внутренняго, чисто духовнаго зрѣнія въ немъ еще долго не будетъ.

Окончаніе перваго періода духовнаго развитія обозначается еще тѣмъ, что всѣ органы чувствъ укрѣпляются и могутъ отчетливо исполнять свои обязанности, свое дѣло, т. е. передавать впечатлѣнія внѣшняго міра основамъ душевныхъ способностей, которыя съ своей стороны также развиваются, укрѣпляются и могутъ легко проявлять первую дѣятельность свою, т. е. пріучаются быстро воспринимать и усвоивать эти впечатлѣнія и постоянно составлять новые образы, представленія и т. д.

Что же теперь станутъ дѣлать основы душевныхъ способностей? Какъ и въ чемъ проявится ихъ дальнѣйшее развитіе?

Видимый міръ представляетъ намъ только одни вещественные, матеріальные предметы и проявленія или дѣйствія ихъ. Каждый предметъ существуетъ въ природѣ *отдѣльно*, такъ сказать, *по одиночкѣ*, напр. каждый камень, каждый листокъ на деревѣ, каждое яблоко на яблонѣ. *Совокупности* изъ двухъ трехъ, десяти камней, яблокъ не существуетъ въ природѣ. Ребенокъ, воспринимающій въ себя каждый отдѣльный, внѣшній предметъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ природѣ, ничего не понимаетъ, если мы ему говоримъ: вотъ тебѣ 5, 10 яблоковъ, ибо видитъ вездѣ только по одному *яблоку*, а соединить ихъ въ одно число, сосчитать не умѣетъ. Поэтому-то научить ребенка считать очень трудно.

Каждый предметъ внѣшняго міра, производя на насъ впечатлѣніе какъ нѣчто отдѣльное, вещественное, матеріальное, составляетъ въ представленіи, въ сознаніи духа нашего всегда *сложное явленіе*. Въ самомъ дѣлѣ, каждый предметъ имѣетъ свой видъ, форму, свой цвѣтъ, свою тяжесть и т. д. Это, какъ мы

сейчасъ увидимъ, весьма важно для духовнаго развитія нашего. Получивъ сознаніе одного внѣшняго вида какого-нибудь предмета, мы пріобрѣтаемъ вмѣстѣ съ этимъ множество другихъ представленій и сознаній о томъ, что собственно не находится въ природѣ, а существуетъ только въ пониманіи нашемъ. Напримѣръ, видя и осязая резиновый мячикъ, я получаю представленіе не только объ этомъ мячикѣ, но и о круглотѣ, объ упругости, о цвѣтѣ, и каждое изъ этихъ представленій останется въ душѣ моей какъ *отдѣльное явленіе*. Конечно въ первый періодъ духовнаго развитія дитя еще не можетъ отдѣлять эти частныя представленія отъ общаго представленія о предметѣ (упругость, шарообразность, цвѣтъ мячика сливаются для ребенка въ одно общее представленіе о мячикѣ); дитя въ первый періодъ своего духовнаго развитія сознаетъ только вообще одинъ «наружный видъ» предмета. Но теперь уже дѣло другое.

Ребенокъ, гуляя по саду, познакомился со многими цвѣтками; онъ уже называетъ одинъ изъ нихъ розою, другой гвоздикою, третій колокольчикомъ и проч.

Ясный лѣтній день; трехлѣтній малютка бѣгаетъ въ полѣ; вотъ увидѣлъ онъ въ первый разъ во ржи василекъ; онъ срываетъ его, бѣжитъ къ нянѣ и спрашиваетъ: няня, няня! а это какой цвѣтокъ? Василекъ, родной мой, отвѣчаетъ добрая, простая няня.—Васіёкъ, повторяетъ малютка, и уже щиплетъ лепестки съ цвѣтка.

Какимъ образомъ ребенокъ могъ сдѣлать такой вопросъ? Ясно, что онъ узналъ въ василькѣ *новый цвѣтокъ* по сходству его съ прежде видѣнными цвѣтками, розою, колокольчикомъ, образы коихъ, уже отчетливо прежде составленные, покоились въ душѣ дитяти въ безсознательномъ состояніи и пришли въ сознаніе при видѣ василька. Замѣтивъ же и отдѣливъ новые, особые признаки василька, любознательный ребенокъ спросилъ: а это какой цвѣтокъ? Духовная дѣятельность, проявившаяся въ этомъ вопросѣ гораздо самостоятельнѣе и обширнѣе той, которую мы изслѣдо-

вали въ первый періодъ ея развитія; она сложнѣе прежней. Разберемъ ее.

Во первыхъ, въ ней повторилась *прежняя* духовная дѣятельность, но въ *новомъ, болѣе развитомъ видѣ*: съ появленіемъ василька сдѣлалось сознательнымъ уже прежде составившееся въ ребенкѣ представленіе о цвѣткѣ; но какимъ образомъ? Ребенокъ самъ съумѣлъ отдѣлить и соединить изъ василька все, что онъ имѣетъ общаго съ другими цвѣтками. Во вторыхъ, ребенокъ замѣтилъ несходныя, отличительныя части василька, и это заставило его спросить: какой это цвѣтокъ? Въ третьихъ, въ этомъ вопросѣ ясно выразилась *собственное, самодѣятельное стремленіе* ребенка обращать вниманіе на все окружающее, примѣчать и узнавать окружающіе предметы.

Слѣдовательно основы душевныхъ способностей, пріучившись въ первый періодъ своего развитія ясно усвоивать себѣ отдѣльные образы многихъ внѣшнихъ предметовъ посредствомъ органовъ чувствъ, развились и окрѣпли сами до того, что сдѣлались духовными силами, которыя, если можно такъ выразиться, начинаютъ уже сами хлопотать, проявлять свою, правда, еще совершенно слабую самодѣятельность. Это проявленіе состоитъ въ томъ, что основы способностей, продолжая воспринимать внѣшнія впечатлѣнія и усвоивать посредствомъ соединенія слѣдовъ новыя отдѣльныя представленія, начинаютъ сближать между собою эти отдѣльные образы, соединяя сходные, одинаковые, и отдѣляя различные признаки и составныя части ихъ.

Какъ въ изслѣдованномъ нами первомъ періодѣ духовнаго развитія, такъ и въ начинающемся теперь второмъ, вся духовная дѣятельность ребенка распространяется только на *наружность окружающихъ внѣшнихъ предметовъ*; она усвоиваетъ себѣ *одну наружность этихъ предметовъ и проявленій внѣшняго міра*. Ребенокъ еще не можетъ обращать вниманія *на*

самого себя; онъ не понимаетъ, не сознаетъ самого себя и говоритъ о себѣ все еще въ *третьемъ лицѣ*; онъ еще не въ состоянія понимать и усвоивать себѣ мысли, сужденія и дѣла взрослыхъ людей, онъ *силится только безсознательно подражать тому, что дѣлаютъ большіе*. Внутренней, чисто-духовной дѣятельности еще не можетъ быть въ это время въ ребенкѣ. Духовная дѣятельность въ первомъ періодѣ своего развитія (обыкновенно до трехлѣтняго возраста) возбуждается только *внѣшними впечатлѣніями*; душа младенца вызывается на дѣятельность только этими впечатлѣніями и получаетъ сознаніе о наружности окружающихъ предметовъ посредствомъ однихъ *внѣшнихъ чувствъ*. Во второй періодъ (большею частью до шести лѣтъ) впечатлѣнія внѣшняго міра все еще слишкомъ сильно дѣйствуютъ на духовныя силы дитяти. Появленіе каждаго новаго предмета занимаетъ всю духовную дѣятельность ребенка, и потому онъ весь занятъ внѣшнимъ міромъ, не можетъ ясно отдѣлить себя отъ окружающаго міра, не можетъ *заглянуть въ самого себя*. Вся духовная дѣятельность ребенка въ это время устремляется на внѣшній міръ и проявляется въ томъ, что ребенокъ усвоиваетъ себѣ постоянно новыя представленія и начинаетъ самодѣятельно *распоряжаться* какъ этими новыми представленіями, такъ и прежними, составившимися въ первый періодъ; именно онъ сближаетъ между собою отдѣльныя душевныя представленія и образы посредствомъ соединенія и отдѣленія одинаковыхъ и различныхъ признаковъ ихъ. Такимъ образомъ ребенокъ составляетъ свои первыя понятія.

14. **Образованіе понятій.**

Какъ въ природѣ, такъ и въ духѣ человѣка все *высшее или совершеннѣйшее* образуется послѣдовательно и постепенно изъ *низшаго или менѣе совершеннаго*. Если не готово низшее, то подавно не можетъ быть и высшаго. Цвѣтокъ развивается изъ

почки; плодъ изъ цвѣтка. Такъ и *сужденіе* составляется изъ *понятій, умозаключенія* изъ *сужденій. Понятіе* же образуется изъ *соединенія и сравненія отдѣльныхъ представленій или образовъ.*

Окружающій насъ міръ представляетъ намъ, какъ мы уже замѣтили, *одни отдѣльные вещественные предметы.* Ребенокъ видитъ нѣсколько разъ дубъ, березу, ель, и постоянно слышитъ, что ихъ называютъ *деревьями.* Поэтому въ душѣ его составились *три безотчетныя представленія или образа дерева,* и потому ребенокъ безотчетно называетъ и дубъ, и березу, и ель—*деревомъ.* Теперь, во второмъ періодѣ, ребенокъ начинаетъ замѣчать *сходство* и *различіе* въ представленіяхъ отъ дуба, березы и ели. Онъ соединяетъ все, что есть *одинаковаго* въ этихъ представленіяхъ, и составляетъ *общее, отвлеченное понятіе о деревѣ, котораго собственно не существуетъ въ природѣ.* (Въ природѣ существуютъ только березы, сосны, дубы, пальмы и проч.) Чѣмъ въ душѣ ребенка было *больше отдѣльныхъ представленій* о различныхъ деревьяхъ, и чѣмъ эти представленія были *яснѣе,* тѣмъ, разумѣется, составленное имъ *понятіе о деревѣ будетъ яснѣе, тверже и обширнѣе.* Слѣдовательно ясность составленнаго понятія зависитъ отъ числа и совершенства усвоенныхъ отдѣльныхъ представленій.

Такимъ же образомъ дитя видитъ красный, зеленый, желтый, синій и другіе цвѣта, и составляетъ себѣ *общее, отвлеченное понятіе о цвѣтѣ,* которое также не существуетъ въ природѣ.

Далѣе, ребенокъ слышитъ различный стукъ, пѣсни, музыку, разные удары, и составляетъ *отвлеченное понятіе о звукѣ.*

Такъ же точно возникаютъ и образуются въ душѣ дитяти понятія о длинѣ, ширинѣ, о различныхъ формахъ, о тяжести, о легкости и т. д. Однимъ словомъ, чрезъ соединеніе одинаковыхъ признаковъ въ отдѣльныхъ представленіяхъ, во второмъ періодѣ, ребенокъ составляетъ большой за-

пасъ общихъ понятій, но понятій, возникшихъ изъ соединенія только сходныхъ наружныхъ признаковъ или составныхъ частей видимыхъ, слышимыхъ, осязаемыхъ, обоняемыхъ, вкушаемыхъ, однимъ словомъ, вещественныхъ, матеріальныхъ предметовъ. (Такъ дубъ, береза, ель, сосна, ива имѣютъ стволъ, сучья, вѣтви, листья; ребенокъ соединяетъ въ душѣ своей эти *наружныя* общія и сходныя части или признаки различныхъ деревьевъ и составляетъ отвлеченное общее понятіе «дерево».) Пятилѣтній ребенокъ уже хорошо знаетъ наружную разницу между деревомъ, цвѣткомъ, травою, и съ сознаніемъ, а не безотчетливо называетъ ихъ деревомъ, цвѣткомъ, травою. Попробуйте такому ребенку сказать, указывая на цвѣтокъ: это дерево, или на оборотъ; онъ вамъ навѣрное не повѣрить и пойдетъ разсказывать, что такой-то дядя большой, да не знаетъ, что такое цвѣтокъ, и назвалъ этотъ цвѣтокъ деревомъ, а что онъ хотя и маленькой, но все-таки знаетъ ..

Что же дѣлается съ неодинаковыми, особенными признаками различныхъ отдѣльныхъ представленій (напр. различная общая форма разныхъ деревьевъ, различная форма листьевъ, разный цвѣтъ коры, различное расположеніе сучьевъ и вѣтвей у дуба, ели, березы)? Гдѣ они остаются? Можетъ-быть совершенно исчезаютъ? Нѣтъ: душевныя сознающія силы дитяти соединяютъ и эти особенные признаки, и посредствомъ ихъ различаютъ между собою отдѣльныя различныя деревья, т. е. составляютъ частныя, единичныя понятія.

Такъ ребенокъ, составивъ себѣ общее понятіе о деревѣ, соединяетъ особенные признаки въ представленіяхъ о дубѣ, ели, березѣ въ единичныя или частныя понятія о дубѣ, березѣ, ели. Вмѣстѣ съ этимъ возникаютъ и *сужденія въ самой простѣйшей формѣ изъ соединенія двухъ понятій частнаго съ общимъ*. Составивъ себѣ ясное общее понятіе о деревѣ и частное о березѣ, ребенокъ соединяетъ ихъ вмѣстѣ и произноситъ:

береза есть дерево; такъ же точно онъ говоритъ: ландышъ есть цвѣтокъ. Или усвоивъ себѣ понятія о домѣ, вообще о зданіи, о камнѣ, о золотѣ, о серебрѣ, о высотѣ, величинѣ, ширинѣ, о цвѣтѣ, о тяжести и пр., ребенокъ соединяетъ приличныя понятія вмѣстѣ по два, по три и т. д., и составляетъ новыя сужденія: этотъ домъ каменный и высокій и т. п.

Мы нашли нужнымъ только упомянуть здѣсь объ образованіи простѣйшихъ сужденій, потому что они возникаютъ почти въ одно время съ первыми понятіями; подробнѣе же мы будемъ говорить объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

15. Объемъ и содержаніе понятій. Высшія понятія и постепенность въ образованіи ихъ.

Представьте себѣ слѣдующія вещи: шинель, шубу, сюртукъ, жилетъ, брюки, сапоги, чулки, рубашки и т. п.

О чемъ вы при этомъ думаете? Объ одеждѣ. Какимъ же это образомъ? Вѣдь я вамъ не произносилъ слова *одежда*, а сказалъ только: шуба, сюртукъ и т. д. Всѣ эти вещи мы употребляемъ для покрытія нашего тѣла или для одѣванія, и потому называемъ одеждою.

Такимъ образомъ общее всѣмъ этимъ предметамъ, т. е. употребленіе ихъ для покрытія тѣла, соединяется въ одно цѣлое, и въ вашемъ сознаніи является общее понятіе *одежда*. Далѣе тарелки, чашки, блюда, чайники и т. д. О чемъ вы при этомъ думаете? Всѣ эти предметы составляютъ *посуду*. Далѣе: соха, борона, лопата, грабли, коса, серпъ и т. д. Всѣ эти предметы крестьянинъ употребляетъ для воздѣлыванія земли: — вотъ вамъ понятіе *земледѣльческія орудія*.

Подумайте теперь объ этихъ трехъ понятіяхъ вмѣстѣ (одежда, посуда, земледѣльческія орудія); какіе общіе признаки имѣютъ

они? Одежда, посуда, земледѣльческія орудія составляютъ *произведенія человѣческихъ рукъ*. Такимъ образомъ у васъ составляется понятіе: *искусственныя произведенія*, которое *содержитъ* въ себѣ все то, что имѣютъ *общаго* понятія: одежда, посуда и земледѣльческія орудія. Это общее и составляетъ содержаніе понятія.

Но что объемлетъ собою понятіе: *искусственныя произведенія*? Оно объемлетъ во 1) не только *тѣ понятія* (одежда, посуда, земледѣльческія орудія), изъ которыхъ оно непосредственно образовалось, произошло, но во 2) и всѣ *отдѣльныя представленія*, изъ которыхъ произошли эти понятія. Слѣдовательно объемомъ понятія называется совокупность всѣхъ входящихъ въ него отдѣльныхъ понятій и представленій.

Изъ приведенныхъ примѣровъ мы выводимъ слѣдующее заключеніе:

Если одинаковые признаки въ различныхъ понятіяхъ, возбужденныхъ въ одно и то же время въ душѣ, соединяются между собою, то происходитъ новое понятіе, заключающее въ себѣ, или объемлющее не только эти понятія, но и отдѣльныя представленія, изъ которыхъ они произошли. Такое понятіе мы называемъ высшимъ и въ то же время болѣе обширнымъ (съ бо́льшимъ объемомъ).

Теперь я назову понятія, вамъ хорошо извѣстныя: дерево, цвѣтокъ, камень, облако, звѣзда, птица, рыба и т. д. Что въ нихъ есть общаго? Общее въ нихъ то, что они всѣ *производятся природою*. Отсюда выходитъ понятіе: *природныя или естественныя произведенія*.

Подумайте теперь вдругъ объ обоихъ понятіяхъ: *искусственныя* и *естественныя произведенія*. Что они имѣютъ общаго? Всѣ искусственныя и естественныя произведенія занимаютъ *мѣсто* и могутъ быть *восприняты внѣшними чувствами*. Отсюда вы получаете новое понятіе: *тѣло*. Что оно объемлетъ собою, или что составляетъ объемъ его?

1) Понятія: искусственныя и естественныя произведенія.

2) Тѣ понятія, изъ которыхъ произошли понятія объ искусственныхъ и естественныхъ произведеніяхъ (зданіе, платье, — растеніе, животное).

3) Тѣ понятія и отдѣльныя представленія, изъ которыхъ составились предъидущія понятія.

Слѣдовательно понятіе *тѣло* въ отношеніи ко всѣмъ приведеннымъ здѣсь понятіямъ есть *самое высшее и обширнѣйшее понятіе.*

И такъ: 1) въ душѣ нашей вслѣдствіе того, что одинаковые признаки въ различныхъ представленіяхъ взаимно соединяются, происходятъ понятія; 2) если эти понятія имѣютъ между собою также что-нибудь общее, одинаковое, то это общее соединяется въ новое понятіе, и такимъ образомъ постепенно составляются новыя, все высшія и обширнѣйшія понятія. Этотъ процесъ образованія или составленія новыхъ понятій можетъ совершаться только въ такомъ случаѣ, когда отдѣльныя представленія и низшія понятія, имѣющія одинаковые признаки, возбуждаются или находятся въ сознаніи одновременно.

Сообразимъ теперь все, что мы сказали о происхожденіи понятій. Они происходятъ такъ же, какъ и представленія, изъ *соединенія основъ способностей съ внѣшними впечатлѣніями*, которыя, какъ мы уже знаемъ, оставляютъ въ основахъ *слѣды*. Ребенокъ видитъ нѣсколько разъ дубъ, березу, ель; послѣ каждаго раза въ душѣ его остаются *три* новыхъ слѣда: отъ дуба, березы и ели, которые соединяются съ прежними. Кромѣ того послѣ каждаго же раза въ душѣ ребенка остается *тройной* слѣдъ отъ дерева вообще, потому что дубъ, береза и ель — деревья. Поэтому каждый разъ, какъ ребенокъ видитъ дубъ, березу, ель, слѣды отъ этихъ предметовъ повторяются по *одному разу*, между тѣмъ какъ слѣдъ отъ дерева *вообще* повторяется *три раза*. Изъ этого очевидно слѣдуетъ, что этотъ слѣдъ долженъ быть каждый

разъ яснѣе вновь составленныхъ слѣдовъ отъ дуба, березы и ели. Намъ также уже извѣстно, что чѣмъ яснѣе, явственнѣе слѣды, тѣмъ яснѣе и самыя представленія. Конечно, въ первый періодъ духовнаго развитія ребенокъ еще не отдѣляетъ общаго представленія о деревѣ отъ частныхъ представленій о ели, дубѣ, березѣ, и безотчетно и безсознательно называетъ ихъ всѣхъ — деревомъ, или на оборотъ: онъ назоветъ всѣ деревья березою, дубомъ, или елью, смотря по тому, какъ обыкновенно называла ихъ няня. Если она называла и дубъ, и ель, и березу постоянно деревомъ, то и ребенокъ называетъ ихъ деревомъ; если же няня называла каждое дерево березою, — то и ребенокъ будетъ называть березою, потому что онъ привыкъ каждое дерево обозначать этимъ названіемъ Но очевидно, что, употребляетъ ли ребенокъ то или другое названіе, т. е. *береза* или *дерево*, для обозначенія всѣхъ встрѣчающихся ему деревьевъ, онъ во всякомъ случаѣ обозначаетъ этими названіями *дерево* вообще, а *не извѣстное, опредѣленное дерево* (ель, дубъ, березу). Это совершенно естественно и вполнѣ понятно по слѣдующимъ причинамъ: представленіе о *деревѣ вообще*, какъ мы замѣтили, состоитъ изъ бо́льшаго числа слѣдовъ, и потому оно яснѣе, явственнѣе образовалось въ душѣ ребенка, чѣмъ представленія объ отдѣльныхъ деревьяхъ: дубѣ, ели, березѣ Изъ этого самымъ естественнымъ образомъ слѣдуетъ, что въ ребенкѣ *прежде возникаетъ сознаніе дерева вообще, а не сознаніе отдѣльныхъ деревьевъ.* Ребенокъ въ первый періодъ своего духовнаго развитія еще не можетъ замѣтить разницы въ наружности различныхъ деревьевъ; при видѣ деревьевъ все вниманіе его бываетъ занято *общею формою* ихъ. Впрочемъ не только дѣтямъ, но и намъ взрослымъ, при появленіи предъ нами какого бы то ни было дерева, въ первое мгновеніе приходитъ въ сознаніе понятіе *дерево* вообще, а не представленіе извѣстнаго дерева, которое стоитъ передъ нами. Конечно намъ это представляется только на одно мгновеніе, но все-таки каждый можетъ самъ убѣдиться въ дѣйствительности этого явленія. Во второмъ періодѣ

духовнаго развитія ребенокъ уже начинаетъ различать отдѣльныя деревья, отдѣльные цвѣты, какъ мы уже изложили въ предъидущей главѣ. Но при каждомъ появленіи одного и того же цвѣтка или какого-нибудь новаго, повторяются слѣды, и слѣдовательно проясняется и утверждается въ душѣ дитяти понятіе о деревѣ или цвѣткѣ вообще.

Изъ всего сказаннаго ясно слѣдуетъ, что понятіе составляется также изъ соединенія слѣдовъ, образуемыхъ въ душѣ нашей одинаковыми признаками воспринимаемыхъ различныхъ однородныхъ внѣшнихъ впечатлѣній. Чѣмъ больше было такихъ впечатлѣній, тѣмъ больше образуется слѣдовъ, и слѣдовательно тѣмъ яснѣе и полнѣе будетъ самое понятіе. Такимъ путемъ образовавшіяся въ душѣ нашей понятія пребываютъ въ ней въ *сознательномъ* (возбужденномъ) или въ *безсознательномъ* (невозбужденномъ) состояніи, и до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь посторонняя причина не уничтожитъ ихъ (старость, головныя болѣзни и пр.). Да, хорошо усвоенныя понятія остаются въ душѣ нашей, если не навсегда, то все-таки гораздо дольше, чѣмъ отдѣльныя представленія, изъ соединенія общихъ признаковъ которыхъ произошли эти понятія. Такъ напр. мы хорошо обучались геометріи въ училищѣ, и сохранимъ на всю жизнь общее понятіе о томъ, чему учитъ эта наука; но положительно, если не будемъ заниматься ею, то позабудемъ всѣ отдѣльныя составныя части ея, т. е. теоремы, задачи и т. д.

Слѣдовательно и къ понятіямъ можно примѣнить то общее положеніе, которое мы высказали о представленіяхъ, именно: что все, что душа наша усвоила себѣ съ нѣкоторою полнотою и отчетливостью, остается ея достояніемъ, ея собственностью до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожено какою-нибудь особою причиною. Отсюда видно, что образованіе и храненіе представленій въ душѣ нашей совершаются по однимъ и тѣмъ же законамъ.

Какое же вліяніе имѣютъ понятія на сознаніе наше?

Понятія, какъ мы видѣли, составляютъ *самыя ясныя и сознательныя* представленія въ душѣ нашей; поэтому они *просвѣтляютъ* наше сознаніе; они составляютъ *первый плодъ* начинающейся духовной самодѣятельности нашей, и только съ пріобрѣтеніемъ понятій о какомъ-нибудь предметѣ мы начинаемъ *разумѣть*, *сознавать*, *понимать* этотъ предметъ.

Такъ какъ при составленіи или образованіи понятій духовная дѣятельность наша соединяетъ между собою общіе признаки въ различныхъ отдѣльныхъ представленіяхъ и *отвлекаетъ* сознаніе наше отъ частныхъ или отличительныхъ признаковъ ихъ, то поэтому самый ходъ или процесъ образованія понятій можетъ быть названъ *процесомъ отвлеченія* (Abstractionsprocess). .

При образованіи понятій слѣдовательно ребенокъ въ первый разъ постепенно переходитъ отъ сознаванія дѣйствительно существующихъ (конкретныхъ) предметовъ къ сознанію представленій отвлеченныхъ (абстрактныхъ) или понятій, которыя существуютъ только въ нашемъ сознаніи, въ нашемъ мышленіи, т. е. здѣсь начинается въ ребенкѣ переходъ отъ сознанія міра видимаго, слышимаго, осязаемаго и проч., однимъ словомъ, отъ міра внѣшняго, окружающаго его, къ постепенному сознанію міра духовнаго, заключающагося внутри его, въ душѣ его. Предметы и проявленія міра внѣшняго дѣйствуютъ на органы нашихъ чувствъ и доставляютъ душѣ отдѣльныя представленія; понятія же не существуютъ въ природѣ, а составляются нашими духовными силами, соединяющими общіе признаки въ этихъ представленіяхъ въ одно цѣлое. Теперь мы ясно видимъ, что въ процесѣ образованія понятій въ первый разъ проявляется зачинающаяся духовная самодѣятельность дитяти.

16. **Сужденія.**

Вы видите слѣдующіе предметы: уголь, сажу, ворона, трубо-

чиста, чернила, траурное платье. Что вмѣстѣ съ этими предметами приходитъ въ ваше сознаніе? Черный цвѣтъ.

Вы видите деготь и говорите, что онъ черенъ.

Слѣдовательно вмѣстѣ съ представленіями названныхъ предметовъ въ сознаніе ваше пришло еще понятіе *черный*.

Вы видите луга, листья на деревьяхъ, и вмѣстѣ съ представленіями объ этихъ предметахъ въ вашемъ сознаніи является тотчасъ же понятіе *зеленый*.

Вамъ показываютъ изумрудъ, и вы тотчасъ же говорите, что изумрудъ зеленъ, потому что и въ этомъ случаѣ, въ одно время съ представленіемъ изумрудъ, вы сознаете понятіе *зеленый*.

Можно привести еще множество другихъ примѣровъ, которые вполнѣ ясно доказываютъ, что при воспріятіи внѣшнихъ впечатлѣній возбуждаются въ душѣ нашей или приводятся въ сознаніе не только *безсознательныя представленія*, соотвѣтствующія этимъ впечатлѣніямъ, но еще и понятіе, заключающееся въ этихъ представленіяхъ.

Но отчего при разсмотрѣніи упомянутыхъ предметовъ вы не сказали, что деготь—желтъ, а изумрудъ красенъ? Потому что въ душѣ только одинаковые слѣды соединяются съ одинаковыми слѣдами; понятія же *желтый* и *красный* не имѣютъ ничего общаго, ничего одинаковаго съ представленіями деготь и изумрудъ, которые поэтому, производя впечатлѣніе на ваше зрѣніе, не возбуждаютъ въ васъ понятій *желтый* и *красный*, а *черный* и *зеленый*.

Далѣе: вслѣдствіе соединенія одинаковыхъ, общихъ признаковъ въ понятіяхъ: красный, черный, бѣлый, синій, желтый и пр., образуется высшее понятіе: *цвѣтъ*. Вы видите что-либо красное, черное, бѣлое и говорите: красное, черное, бѣлое суть цвѣта.

Послѣдній примѣръ показываетъ, что при *низшемъ* понятіи (красный, черный, бѣлый) въ сознаніе приходитъ и однородное съ нимъ *высшее* понятіе (цвѣтъ).

При всѣхъ такихъ случаяхъ, когда къ отдѣльнымъ

представленіямъ мы присоединяемъ однородныя понятія, или же когда къ какому-либо понятію присоединяемъ высшее однородное понятіе, мы составляемъ сужденіе, судимъ, разсуждаемъ.

Что же происходитъ, когда вы произносите сужденіе: земля кругла, круглое есть извѣстная форма и пр.? Что вы соединяете здѣсь?

Сравнивая образованіе или происхожденіе представленій и понятій съ образованіемъ сужденій, мы теперь видимъ, что основныя составныя части сужденій состоятъ изъ тѣхъ же самыхъ слѣдовъ, которые въ самомъ началѣ были ощущеніями, потомъ соединились въ представленія и въ дальнѣйшемъ соединеніи преобразовались въ понятія.

Еслу мы усвоили себѣ сознательно и отчетливо составныя части какого-нибудь сужденія и правильно соединили ихъ въ это сужденіе, то оно также безъ особой причины никогда не изгладится въ душѣ нашей, а будетъ храниться, пребывать въ безсознательномъ или невозбужденномъ состояніи каждый разъ до тѣхъ поръ, пока не понадобится.

Такимъ образомъ сужденія составляются, хранятся въ безсознательномъ состояніи и приводятся опять въ сознаніе по тѣмъ же самымъ законамъ, какъ и понятія и представленія. По этимъ законамъ ребенокъ составляетъ и собираетъ мало по малу большое количество сужденій, которыя хранятся въ душѣ его и могутъ быть всегда употреблены, какъ только понадобятся.

17. Выводъ или заключеніе—силлогизмъ.

Всѣ люди смертны (сужденіе).
Я человѣкъ (сужденіе).

Въ душѣ нашей часто нѣсколько сужденій приходятъ въ сознаніе, или возбуждаются въ одно и то же время.

Разсмотримъ оба сужденія, приведенныя нами.

Они содержатъ три понятія: *человѣкъ*, *смертный* и *я*. Въ первомъ сужденіи понятіе *смертный* приписывается *всѣмъ людямъ* (т. е. всему объему понятія «человѣкъ»); второе же сужденіе опредѣляетъ, что понятіе *я* принадлежитъ также къ этому объему.

Мы знаемъ, что если въ душѣ нашей возбуждаются въ одно и то же время два однородныя понятія, то они тотчасъ же тѣсно соединяются между собою; такъ здѣсь соединяется понятіе *я* съ возбужденнымъ въ то же время понятіемъ *человѣкъ*.

Третье неоднородное понятіе *смертный*, присоединенное въ первомъ сужденіи къ понятію *люди*, присоединится теперь и къ понятію *я*, которое вошло въ понятіе «*люди*».—Такимъ образомъ изъ сравненія этихъ двухъ сужденій и соединенія въ нихъ однородныхъ частей или понятій между собою мы выводимъ третье сужденіе:

Слѣдовательно и я смертенъ.

И такъ если въ душѣ нашей разомъ приходятъ въ сознаніе два сужденія, въ которыхъ содержатся однородныя понятія, то изъ сравненія этихъ сужденій выводится заключеніе или третье сужденіе.

Такое дѣйствіе называется *выводомъ* или *заключеніемъ*, а три подобныя предложенія составляютъ *силлогизмъ* или *умозаключеніе*. (Мы дѣлаемъ выводъ, заключеніе умомъ нашимъ.) Первыя два сужденія называются обыкновенно *посылками* (первое—большою, второе—малою), а послѣднее составляетъ *собственно заключеніе*.

Разсмотримъ еще слѣдующіе примѣры. Всѣ несвѣдущіе люди должны учиться; маленькія дѣти несвѣдущи; слѣдовательно маленькія дѣти должны учиться.

Нѣкоторыя животныя суть птицы; всѣ птицы несутъ яица; слѣдовательно нѣкоторыя животныя несутъ яица.

Изъ этихъ двухъ примѣровъ ясно видно, что умозаключеніе или силлогизмъ есть не что иное, какъ *сложное сужденіе*, которое, подобно понятіямъ и сужденіямъ вообще, образуется, такъ

сказать, безъ нашей помощи, только вслѣдствіе того, что различныя сужденія, содержащія въ себѣ однородныя понятія или составныя части (элементы), приходятъ въ наше сознаніе или сознаются нами въ одно время, и въ такомъ случаѣ взаимное соединеніе однородныхъ понятій производитъ новое сужденіе.

Всѣ умозаключенія, такъ же какъ и понятія и сужденія, хранятся, пребываютъ въ душѣ нашей въ сознательномъ или безсознательномъ состояніи, и до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожены какими-нибудь особенными причинами.

18. Обзоръ предъидущаго и выводы.

Что мы до сихъ поръ узнали изъ духовнаго развитія человѣка? Мы изложили *развитіе познавательной способности* ребенка вродолженіе первыхъ шести лѣтъ его жизни. Какіе главные дѣятели совершали это развитіе и по какимъ законамъ они дѣйствовали?

Первый дѣятель—само дитя; оно не принесло съ собою на землю никакихъ *готовыхъ* понятій, желаній, чувствъ, а родилось только съ *способностями видѣть, слышать, осязать, вкушать и обонять*. Эти способности мы назвали *врожденными основами душевныхъ способностей*, потому что изъ нихъ развиваются *всѣ прочія способности и силы духа нашего*, проявляющіяся въ извѣстной степени, сильнѣе или слабѣе, въ жизни каждаго, хотя нѣсколько развитаго человѣка (см. стран. 40). Другой дѣятель — внѣшній міръ, окружающій ребенка и доставляющій *питаніе* душѣ и тѣлу его. Еслибы не было внѣшняго міра, то дитя не могло бы жить, существовать и слѣдовательно не могло бы развиваться.

Внѣшніе предметы, окружающіе ребенка, производятъ на него *впечатлѣнія*. Основы способностей *стремятся* усвоить себѣ впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ посредствомъ органовъ зрѣнія, слуха и другихъ чувствъ, а *не воспринимаютъ ихъ невольно*,

страдательно (см. стран. 43 и 44). Эти основы способностей у различныхъ дѣтей бываютъ въ различной степени *воспріимчивы*, *впечатлительны* и *живы*; одни дѣти усвоиваютъ себѣ даже *слабыя* впечатлѣнія, другія — только болѣе *сильныя*; одни сохраняютъ усвоенныя впечатлѣнія *болѣе долгое время*, чѣмъ другія; наконецъ одни дѣти усвоиваютъ даже *быстро смѣняющіяся впечатлѣнія*, тогда какъ другія не имѣютъ этой способности. Поэтому мы и говоримъ, что основы способностей у разныхъ дѣтей бываютъ уже отъ природы одарены въ различной степени *воспріимчивостью*, *впечатлительностью и живостью* (см. стран. 45, 51 и 83). Эти *природныя свойства* основъ способностей имѣютъ сильное вліяніе на все духовное развитіе дитяти; отъ нихъ зависитъ скорое или медленное, отчетливое или слабое усвоеніе внѣшнихъ впечатлѣній и болѣе или менѣе продолжительное сохраненіе ихъ (*память*). Отъ каждаго дѣйствія или впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ на основы душевныхъ способностей, если только это дѣйствіе было достаточно сильно, обратило на себя вниманіе ихъ, остается въ душѣ нашей *слѣдъ* (см. стран. 46). Первый слѣдъ отъ какого-нибудь впечатлѣнія бываетъ неясенъ, слабъ, но потомъ, при повтореніи того же впечатлѣнія, онъ становится яснѣе и яснѣе, потому что одинаковые и подобные слѣды соединяются или сливаются въ душѣ въ одно цѣлое (см. стран. 58). Изъ прояснившихся слѣдовъ составляются *представленія* или *образы* предметовъ, производившихъ впечатлѣніе, т. е. видѣнныхъ, слышанныхъ и пр. Изъ этого слѣдуетъ, что ясность представленій или образовъ зависитъ отъ *числа и ясности слѣдовъ*, которые составляютъ *самыя первыя основныя части* (элементы) всѣхъ нашихъ знаній и свѣдѣній, всего нашего *сознанія*, которое возникаетъ въ душѣ дитяти вмѣстѣ съ образованіемъ первыхъ представленій (см. стран. 59—64).

Въ продолженіе перваго періода духовнаго развитія дитяти (отъ рожденія до трехъ лѣтъ) всѣ органы чувствъ его

укрѣпляются и могутъ отчетливо исполнять свои обязанности, свое дѣло, т. е. передавать впечатлѣнія внѣшняго міра основамъ душевныхъ способностей, которыя, постоянно воспринимая эти впечатлѣнія, также развиваются, укрѣпляются и могутъ легко проявлять первую дѣятельность свою, т. е. пріучаются быстро воспринимать и усвоивать внѣшнія впечатлѣнія и постоянно составлять новые образы или представленія (см. стр. 85).

Всѣ составленные такимъ путемъ представленія и образы внѣшнихъ предметовъ пребываютъ, сохраняются въ человѣкѣ *въ сознательномъ или безсознательномъ состояніи*, и оттого въ душѣ нашей происходитъ *постоянное чередованіе сознанія различныхъ представленій съ безсознательностью ихъ* (см. стр. 79—83).

Представленія становятся сознательными, какъ только они понадобятся, т. е. какъ только они будутъ вызваны, возбуждены *новыми впечатлѣніями* или въ разговорѣ, или при появленіи самыхъ предметовъ, или въ воспоминаніи. (Мы, положимъ, теперь вовсе не думаемъ о какомъ-нибудь прежде видѣнномъ предметѣ; вдругъ онъ самъ появляется, или о немъ упоминаютъ въ разговорѣ, т. е. этотъ предметъ вновь производитъ на насъ *впечатлѣніе* тѣмъ или другимъ образомъ, представленіе о немъ возбуждается въ душѣ нашей, становится *сознательнымъ*).

Въ безсознательное, невозбужденное состояніе тѣ же представленія возвращаются, какъ только *исчезаютъ возбуждающія ихъ впечатлѣнія*.

По какимъ же законамъ совершается вся здѣсь разсмотрѣнная возникающая духовная дѣятельность наша? Три *основные* закона управляютъ ею:

1) Основы способностей, или душа наша сама постоянно воспринимаетъ и усвоиваетъ себѣ внѣшнія впечатлѣнія и получаетъ такимъ образомъ свои первыя чув-

ственныя воспріятія и ощущенія (см. стр. 44) — *законъ усвоенія впечатлѣній.*

2) Все одинаковое или однородное и подобное соединяется, сливается въ душѣ нашей въ одно цѣлое (см. стр. 56—59)—*законъ соединенія однороднаго съ однороднымъ.*

3) Впечатлѣнія, возбуждающія, приводящія въ сознаніе образовавшіяся и хранимыя въ душѣ представленія, исчезаютъ, и возбужденныя ими представленія возвращаются вновь въ безсознательное состояніе — *законъ изчезанія впечатлѣній* (стр. 79—82).

По этимъ же основнымъ законамъ душа наша составляетъ свои понятія, сужденія, и выводитъ заключенія; однимъ словомъ, *по этимъ законамъ совершается все наше духовное развитіе.*

Второй періодъ духовнаго развитія продолжается большею частію до шестилѣтняго возраста. Въ этотъ періодъ вся духовная дѣятельность ребенка устремляется все еще на *одинъ внѣшній міръ* и проявляется въ томъ, что ребенокъ, усвоивая себѣ постоянно новыя представленія, *начинаетъ самодѣятельно распоряжаться* какъ этими новыми представленіями, такъ и прежними, составившимися въ первый періодъ, именно онъ сближаетъ между собою отдѣльныя душевныя представленія и образы посредствомъ соединенія и отдѣленія одинаковыхъ и различныхъ признаковъ ихъ. Такимъ образомъ ребенокъ составляетъ свои первыя понятія стр. 88).

Что составляетъ *содержаніе* понятія? Что называется объемомъ его? (стр. 91—96).

Если одинаковые признаки въ различныхъ понятіяхъ, возбужденныхъ въ одно и то же время въ душѣ, соединяются между собою, то происходитъ новое понятіе, заключающее въ себѣ или объемлющее не только эти понятія, но

и отдѣльныя представленія, изъ коихъ они произошли. Такое понятіе называется высшимъ и въ то же время болѣе обширнымъ (съ бо́льшимъ объемомъ).

Изъ соединенія отдѣльныхъ представленій съ однородными понятіями, или изъ присоединенія высшаго однороднаго понятія къ какому-либо отдѣльному понятію, составляется сужденіе (стр. 96).

Изъ сравненія двухъ сужденій, заключающихъ въ себѣ однородныя понятія, выводится третье сужденіе, которое называется умозаключеніемъ или силлогизмомъ (стр. 98).

Всѣ понятія, сужденія и умозаключенія, вмѣстѣ съ исчезаніемъ впечатлѣній, ихъ возбуждающихъ, возвращаются въ безсознательное состояніе и хранятся въ душѣ нашей.

Очевидно, что при составленія понятій, сужденій и умозаключеній духовною дѣятельностью нашею управляютъ тѣ же три основные законы духовнаго развитія человѣка: 1) законъ усвоенія впечатлѣній, 2) законъ соединенія одинаковаго и однороднаго съ одинаковымъ и однороднымъ, и 3) законъ исчезанія впечатлѣній.

Вѣрность и ясность понятій зависитъ отъ *отчетливости* составленныхъ уже или составляемыхъ однородныхъ представленій. Если такія отдѣльныя представленія съ полною отчетливостью запечатлѣлись въ душѣ дитяти, то оно само уже съумѣетъ правильно соединить одинаковые и сходные признаки ихъ, т. е. составить вѣрное *понятіе*. Отъ ясности и правильности понятій зависитъ въ свою очередь *составленіе правильныхъ, здравыхъ сужденій* и *умозаключеній*, т. е. *правильность и здравость всего нашего умственнаго развитія*. Мы судимъ и заключаемъ единственно по *понятіямъ нашимъ*. Мы судимъ, разсуждаемъ, мыслимъ, думаемъ здраво или *ложно*, смотря по понятіямъ нашимъ. Чѣмъ бы мы ни занимались, наши занятія только тогда

пойдутъ хорошо, и мы только въ томъ случаѣ можемъ правильно и успѣшно совершать какое-нибудь дѣло, когда мы имѣемъ *вѣрное, отчетливое понятіе* какъ о самомъ дѣлѣ, такъ и о совершеніи его.

При составленіи первыхъ понятій ребенокъ въ первый разъ начинаетъ переходить отъ сознаванія дѣйствительно существующихъ предметовъ къ сознанію представленій отвлеченныхъ или понятій, которыя существуютъ только въ нашемъ сознаніи, въ нашемъ мышленіи, т. е. здѣсь начинается въ ребенкѣ переходъ отъ сознанія міра внѣшняго, окружающаго его, къ постоянному сознанію міра духовнаго, заключающагося внутри его самого, въ душѣ его. Предметы и проявленія міра внѣшняго дѣйствуютъ на органы нашихъ чувствъ и доставляютъ душѣ отдѣльныя представленія; понятія же не существуютъ въ природѣ, а составляются нашими духовными силами, соединяющими общіе, одинаковые признаки въ этихъ представленіяхъ въ одно цѣлое. Такъ мы ясно видимъ, что *въ процесѣ образованія понятій въ первый разъ проявляется зачинающаяся духовная самодѣятельность дитяти* (стр. 96).

Въ 10-ой главѣ мы ясно выставили, какое громадное значеніе имѣетъ вся внѣшняя обстановка на возникающее тѣлесное и духовное развитіе дитяти. Вѣдь все, что окружаетъ ребенка, служитъ первою пищею для его слабаго тѣла и духа; подъ постояннымъ вліяніемъ этого окружающаго растетъ и развивается ребенокъ, составляетъ свои первыя ощущенія и представленія, вмѣстѣ съ которыми возникаетъ его *сознаніе* и первое выраженіе этого сознанія въ нѣжномъ, слабомъ лепетѣ. Теперь вся важность первыхъ внѣшнихъ впечатлѣній и доставленныхъ ими представленій для духовнаго развитія дитяти выступаетъ предъ нами еще съ большею очевидною ясностью: каковы могутъ быть первыя понятія ребенка, какова можетъ быть зачинающаяся духовная самодѣятельность его, если представленія и образы, составившіеся въ

душѣ его, неясны, спутаны, невѣрны? Естественно, что въ такомъ случаѣ самыя первыя понятія ребенка будутъ также ложны, неясны, сбивчивы, перепутаны, и самодѣятельность души его при самомъ возниканіи своемъ получитъ ложное, болѣзненное направленіе.

Человѣкъ, рождаясь, не приноситъ съ собою на землю никакихъ готовыхъ представленій, понятій, желаній, чувствъ; поэтому всѣ понятія, чувства, желанія пріобрѣтаются человѣкомъ въ продолженіе всей его жизни, преимущественно же въ дѣтствѣ отъ всей окружающей его среды и особенно отъ людей, которые ходятъ за нимъ и воспитываютъ его. Слѣдовательно и всѣ ложныя и извращенныя понятія доставляютъ человѣку та же среда и тѣ же люди; и потому нечего сваливать всю вину въ нихъ на слабость и несовершенство природы человѣческой. Волкъ не жалуется на свою кровожадную природу; а человѣкъ, одаренный способностью безконечнаго самоусовершенствованія, одаренный умомъ, который уничтожаетъ пространство и подчиняетъ себѣ стихіи, человѣкъ вздыхаетъ и жалуется на несовершенства и слабости своей природы, и обвиняетъ ее въ томъ злѣ, которое онъ самъ дѣлаетъ? Нѣтъ, добрые родители! здоровѣе будетъ для васъ самихъ, да и для дѣтей вашихъ, если вы постараетесь сознать и сбросить съ себя всѣ подобныя ложныя понятія и взгляды, и поближе и поглубже узнаете свою человѣческую природу; тогда вы научитесь и сами побольше уважать ее, и научите дѣтей своихъ понимать и цѣнить свое человѣческое достоинство, имѣть благородное довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ, а не охать и не вздыхать о своей слабости и немощи. Какимъ образомъ хотите вы, чтобы дѣти ваши были здравы и тѣломъ, и духомъ, пріобрѣли силу бороться съ разными невзгодами въ жизни и удерживать себя отъ зла, если вы, или люди, къ нимъ вами же приставленныя, съ самаго нѣжнаго дѣтства твердятъ, что человѣкъ слабъ и немощенъ? Въ этомъ случаѣ вы пожнете то, что посѣяли, и вините самихъ себя, а никого другого!...

Вмѣстѣ съ составленіемъ понятій, простыхъ сужденій и умозаключеній, во второй періодъ духовнаго развитія дитяти развивается, расширяется и усиливается начинающаяся самодѣятельность души его; но какимъ образомъ и по какимъ причинамъ? Такимъ же точно образомъ и по тѣмъ же причинамъ, какъ въ первый періодъ духовнаго развитія усиливалась воспринимающая и усвоивающая дѣятельность основъ способностей; какъ въ первый періодъ отъ каждаго впечатлѣнія, производимаго внѣшними предметами на основы способностей дитяти, оставался въ душѣ слѣдъ предмета, и вмѣстѣ съ этимъ крѣпли и развивались основы способностей: такъ, во второй періодъ, отъ каждаго составленія понятія, сужденія и умозаключенія остается также слѣдъ, и изъ повторенія тѣхъ же слѣдовъ это понятіе, сужденіе становится полнѣе и яснѣе, и вмѣстѣ съ этимъ расширяется, пополняется и развивается самодѣятельность духа нашего.

Чѣмъ мы прилежнѣе и больше занимаемся какимъ-нибудь дѣломъ, тѣмъ легче и скорѣе мы можемъ совершать его, потому что мы ближе и ближе узнаемъ его, привыкаемъ къ нему, получаемъ бо̀льшую ловкость и сноровку, бо̀льшее умѣніе.

То же самое совершается и при частомъ составленіи понятій, сужденій и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, постоянно наблюдая за ребенкомъ, мы ясно замѣтимъ, что онъ *быстрѣе и быстрѣе* схватываетъ и соединяетъ общіе одинаковые признаки въ отдѣльныхъ представленіяхъ, и составляетъ понятія общія и одинаковыя (частныя), которыя соединяетъ въ простыя сужденія и пр.; и такимъ образомъ духовная дѣятельность наша высвобождается мало по малу отъ полной зависимости своей отъ внѣшнихъ предметовъ.

Ребенокъ безпрестанно составляетъ новыя понятія, уясняетъ и пополняетъ прежнія, вовсе не замѣчая этого. Онъ чувствуетъ и понимаетъ, что онъ видитъ глазами, слышитъ ушами, обоняетъ носомъ и т. д., и такимъ образомъ начинаетъ отличать себя отъ окружающаго міра.

Прежде бывало, разсматривая съ малюткою дѣтскую книжку съ

раскрашенными картинками, вы говорили ему: вотъ папа, мама, братецъ Коля, сестрица Лиза,—они идутъ гулять; а вотъ въ углу сидитъ Егорушка; онъ сегодня капризничалъ; оттого его и не берутъ съ собою, а посадили въ уголъ, такъ онъ и плачетъ. — Нѣтъ, Егорушка папка, онъ не будетъ капризничать, не будетъ пакать, прерываетъ васъ ребенокъ.... Ну, когда Егорушка будетъ умникомъ, продолжаете вы, такъ и онъ пойдетъ гулять и т. п. Малютка слушалъ васъ, и вполнѣ вѣрилъ всему, что вы ему разсказывали про эти картинки. Теперь, спустя два-три года, дѣло другое: тотъ же ребенокъ засмѣется, если вы начнете такимъ образомъ истолковывать ему картинки; да и вамъ самимъ въ голову не придетъ повторять прежнія исторіи. Ребенокъ въ концѣ второго періода своего духовнаго развитія становится отрокомъ и понимаетъ, что *онъ и книжка съ картинками не одно и то же, т. е. онъ отличаетъ себя отъ видимаго окружающаго міра* и говоритъ о себѣ уже не въ третьемъ лицѣ, а произноситъ всегда—я.

Теперь пока мы остановимся на этой степени развитія познавательной способности ребенка, и прослѣдимъ, какъ возникаютъ и развиваются наши желанія и чувства.

ОБЛАСТЬ СТРЕМЛЕНІЙ.

19. Различныя отношенія внѣшнихъ впечатлѣній къ основамъ способностей.

Основы способностей нашихъ, какъ мы уже знаемъ, по природѣ своей *сами стремятся* воспринимать впечатлѣнія отъ окружающихъ предметовъ, а не получаютъ ихъ страдательно, совершенно бездѣятельно, какъ напр. доска, или листъ бумаги, на которомъ мы можемъ написать или нарисовать все, что намъ вздумается.

Врожденныя стремленія основъ способностей въ началѣ не имѣютъ *опредѣленнаго направленія къ извѣстнымъ предме-*

тамъ. Зрѣніе новорожденнаго стремится вообще къ свѣтовымъ впечатлѣніямъ; слухъ его стремится также къ звуковымъ впечатлѣніямъ вообще, а не къ извѣстнымъ звукамъ и т. д. Это совершенно естественно и понятно: новорожденный вступаетъ въ совершенно незнакомый ему міръ, въ которомъ онъ никого и ничего не знаетъ, поэтому и не можетъ имѣть никакихъ опредѣленныхъ стремленій къ извѣстнымъ предметамъ, а стремится только воспринимать посредствомъ органовъ чувствъ соотвѣтствующія каждому изъ нихъ впечатлѣнія (т. е. глазами стремится воспринимать свѣтъ, ушами звуки, и т. п.). Опредѣленное направленіе къ извѣстнымъ предметамъ врожденныя стремленія ребенка получаютъ только вмѣстѣ съ его развитіемъ.

Все духовное развитіе человѣка совершается двумя дѣятелями: одинъ изъ нихъ есть *внутренній, духовный дѣятель* или *основы душевныхъ способностей*, а другой—*внѣшнія впечатлѣнія*.

Эти впечатлѣнія, производимыя окружающими предметами или вообще внѣшнимъ міромъ на духъ нашъ, могутъ находиться въ различныхъ отношеніяхъ къ воспринимающимъ ихъ основамъ способностей:

Окружающіе предметы во 1) могутъ производить на насъ болѣе или менѣе слабыя впечатлѣнія, которыя слабо возбуждаютъ дѣятельность основъ способностей и не вполнѣ удовлетворяютъ воспріимчивымъ стремленіямъ ихъ. Въ этомъ случаѣ естественно, что остающіеся въ душѣ слѣды всегда будутъ слабы, неясны; потому и представленія или образы, составляемыя изъ соединенія такихъ слѣдовъ также не достигнутъ отчетливости, ясности и твердости.

Неизбѣжными слѣдствіями такихъ слабыхъ впечатлѣній должны быть вообще неясность сознанія и непріятность ощущенія. Слѣдовательно въ этомъ случаѣ природныя тѣлесныя и духовныя силы дитяти не только не могутъ окрѣпнуть, прояснпться, но необходимо должны постоянно ослабѣвать и затемняться.

Такъ, напримѣръ, при постоянномъ слабомъ свѣтѣ сила зрѣнія слабѣетъ; слабая пища разслабляетъ здороваго человѣка; слабохарактерное воспитаніе только портитъ питомцевъ.

Во 2) впечатлѣнія отъ окружающихъ предметовъ могутъ вполнѣ соотвѣтствовать воспринимающимъ ихъ силамъ дитяти, вполнѣ удовлетворять стремленіямъ ихъ. Воспринимающія силы ребенка, такъ сказать, вполнѣ насыщаются, наполняются этими впечатлѣніями и чувствуютъ полное довольство. Онѣ усвоиваютъ себѣ *все* впечатлѣніе, и потому въ нихъ остаются твердые, ясные слѣды, которыя, повторяясь, образуютъ вполнѣ свѣтлыя, отчетливыя представленія. Слѣдовательно въ этомъ случаѣ основы способностей пріобрѣтаютъ вполнѣ ясное, твердое сознаніе, ощущаютъ удовлетвореніе, и потому крѣпнутъ, проясняются, т. е. развиваются здраво. Такъ при обыкновенномъ дневномъ свѣтѣ мы *ясно* видимъ окружающіе насъ предметы и усвоиваемъ себѣ отчетливые образы ихъ: чистый воздухъ и здоровая пища укрѣпляютъ наши жизненныя силы; ясное и послѣдовательное преподаваніе какой-нибудь науки доставляетъ ученику ясное пониманіе и знаніе ея.

Въ 3) впечатлѣнія отъ окружающихъ предметовъ могутъ не только вполнѣ удовлетворить и наполнить стремленіе нашихъ силъ, но еще возбудить въ нихъ новое стремленіе. Свѣжій воздухъ въ ясный зимній день придаетъ здоровому человѣку особенную бодрость и свѣжесть, особенно крѣпитъ его тѣло; звучная музыка, гармоническое пѣніе, истинно поэтическое произведеніе, прекрасная картина, статуя, прелестное мѣстоположеніе какъ-то особенно воодушевляютъ насъ.

Веселый шумный балъ, блистательное освѣщеніе, пышные наряды, свѣтлыя веселыя лица, простая дружеская пирушка производятъ особенную живость, порывистую веселость въ человѣкѣ. Съ увлеченіемъ, ясно и краснорѣчиво изложенная лекція доставляетъ профессору восторженныя рукоплесканія увлеченныхъ слушателей.

Рождественская елка приводитъ малютокъ въ полный восторгъ, который сіяетъ на ихъ дѣтскихъ лицахъ.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ основы способностей нашихъ, вслѣдствіе особенной полноты впечатлѣнія, получаютъ *живое*, такъ сказать, *порывистое возбужденіе*, которое производитъ въ насъ *радостное*, *пріятное*, *животрепещущее ощущеніе*.

Конечно основы способностей въ этомъ случаѣ, приведенные въ трепетное непокойное состояніе, не могутъ удержать всего впечатлѣнія, потому что оно превышаетъ ихъ воспринимающія стремленія, переполняетъ ихъ. Часть впечатлѣнія поэтому необходимо должна исчезнуть, но такъ какъ основы способностей были особенно возбуждены, получили бо́льшее, усиленное напряженіе, то естественно, что въ нихъ образуется *сильнѣйшее*, *новое стремленіе* возвратить утраченное удовольствіе. Удержанная часть впечатлѣнія составляетъ въ насъ хотя *не совсѣмъ полный*, но *живой* слѣдъ, который напоминаетъ намъ о пріятности, объ увлекательности полнаго прежняго впечатлѣнія, и потому мы стремимся къ нему. Если подобныя *пріятныя впечатлѣнія* повторяются, то конечно эти стремленія постоянно усиливаются и принимаютъ опредѣленное направленіе, т. е. мы стремимся къ кому-нибудь или къ чему-нибудь извѣстному.

Въ 4) впечатлѣніе, долго продолжаясь, можетъ мало по малу пересилить стремленіе основъ способностей, такъ сказать, надоѣсть имъ.

Въ этомъ случаѣ происходитъ утомленіе, какъ бы излишнее пресыщеніе, которое выражается скукою, усталостью, бездѣйствіемъ.

При обозрѣніи большой картинной галлеріи или музеума зрѣніе наше утомляется; сильное употребленіе крѣпкихъ напитковъ туманитъ голову; послѣ слишкомъ плотнаго обѣда человѣкъ чувствуетъ отягощеніе, лѣнь, становится неспособнымъ ни къ какой дѣятельности; безсонная ночь разстроиваетъ насъ на весь слѣдующій день; постоянныя неудачи уничтожаютъ всякую охоту дѣйствовать, и т. д.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какъ мы видимъ, внѣшнія впечатлѣнія производятъ въ насъ непріятныя, томительныя ощущенія, и не только не укрѣпляютъ наши духовныя и тѣлесныя силы, но разслабляютъ и истощаютъ ихъ.

Въ 5) внѣшній окружающій міръ можетъ производить разомъ слишкомъ сильныя впечатлѣнія на основы способностей нашихъ. Такія впечатлѣнія часто совершенно разрушаютъ какъ тѣлесныя, такъ и духовныя силы человѣка. Спертый, тяжелый воздухъ, сильный испугъ разрушаютъ организмъ нашъ; сильное несчастіе потрясаетъ всю душу, убиваетъ нерѣдко всѣ духовныя способности человѣка, и т. д. Отъ такихъ впечатлѣній остаются только одни болѣзненныя ощущенія, которыя разрушаютъ наши силы.

Эти различныя отношенія, въ которыхъ находятся впечатлѣнія, сообщаемыя предметами внѣшними, всею окружающею природою, къ воспринимающимъ ихъ духовнымъ и тѣлеснымъ силамъ нашимъ, имѣютъ необыкновенно важное значеніе для воспитанія. Онѣ освѣщаютъ новымъ яркимъ свѣтомъ путь, по которому долженъ идти настоящій воспитатель.

Всѣ различныя ощущенія, образы или представленія, возникающія въ душѣ нашей отъ восприниманія ею такихъ различныхъ впечатлѣній, могутъ возобновляться, повторяться, распространяться, какъ только появится новое возбужденіе ихъ извнѣ или внутри духа нашего.

Если въ человѣкѣ чаще повторяются и потому преобладаютъ ощущенія и образы, возникшіе во второмъ случаѣ, когда духовныя стремленія вполнѣ проникнулись внѣшними впечатлѣніями, вполнѣ усвоили ихъ, то онъ окрѣпнетъ духомъ и тѣломъ, будетъ выражать спокойное, ясное и довольное расположеніе духа. Если въ человѣкѣ преобладаютъ ощущенія и образы, составившіеся въ третьемъ случаѣ, отъ восприниманія радостныхъ, живительныхъ, здоровыхъ впечатлѣній, то онъ будетъ выражать большею частью радостное, веселое, живое расположеніе духа.

Если наконецъ въ продолженіе всего развитія своего человѣкъ большею частію получалъ и питался впечатлѣніями слабыми, утомляющими, раздражающими или слишкомъ сильными, сокрушительными, т. е. если внѣшнія впечатлѣнія дѣйствовали на него преимущественно въ 1-мъ, 4-мъ и 5-мъ отношеніяхъ: то конечно такой человѣкъ большею частію будетъ находиться въ дурномъ расположеніи духа, и можетъ выражать только вялость, усталость, бездѣятельность, слабость, трусливость, скуку, грусть, горе и даже отчаяніе.

Чѣмъ больше, чѣмъ глубже вникаемъ мы въ различныя отношенія впечатлѣній къ основамъ способностей нашихъ, тѣмъ яснѣе и поразительнѣе выступаетъ предъ нами важность ихъ для воспитанія. Различныя расположенія духа, возникающія совершенно безсознательно въ ребенкѣ еще въ первый періодъ его развитія, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ внѣшнихъ впечатлѣній, составляютъ основу его желаній, его нравственности, всего его будущаго характера. Хотя, правда, ихъ и можно измѣнить, искоренить, если они еще не успѣли твердо окрѣпнуть, сдѣлаться *второю природою дитяти,* но во всякомъ случаѣ только съ большими усиліями и умѣніемъ, съ потерею дорогого, невозвратимаго времени и часто съ ущербомъ для здоровья и для твердости характера воспитанника. Поэтому-то необходимо уже въ самомъ началѣ наблюдать со всѣмъ тщаніемъ за всѣми проявленіями, поступками, дѣйствіями ребенка, ясно свидѣтельствующими о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя утвердились въ душѣ его. Главное дѣло здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы удалить, отстранять отъ дитяти все ослабляющее, разстроивающее его, и доставлять ему здравыя впечатлѣнія, которыя бы укрѣпляли и оживляли и духъ, и тѣло его.

—

20. Дальнѣйшее изслѣдованіе отношеній внѣшнихъ впечатлѣній къ основамъ способностей. — Основныя причины нравственности и безнравственности.

Изъ всѣхъ пяти отношеній, въ которыхъ могутъ находиться внѣшнія впечатлѣнія къ основамъ способностей, послѣднія развиваются и проясняются только во 2-мъ и 3-хъ случаяхъ, т. е. когда впечатлѣнія вполнѣ удовлетворяютъ духовнымъ и тѣлеснымъ силамъ нашимъ, могутъ быть вполнѣ усвоены ими, или когда впечатлѣнія отрадно, живительно дѣйствуютъ на нихъ. Ясно, что лица, предметы, вещи, или дѣйствія и проявленія ихъ, производящія на насъ слабыя, непріятныя, тяжелыя, суровыя впечатлѣнія, или вообще такія, которыя изложены въ 1, 4 и 5 случаяхъ, не могутъ намъ нравиться, удаляютъ насъ отъ себя; мы стараемся избѣгать ихъ, питаемъ къ нимъ иногда отвращеніе; они составляютъ лично для насъ *зло* (*). Напротивъ того лица и предметы и проч., дѣйствующія на насъ въ 3-мъ случаѣ, всегда будутъ намъ отрадны, пріятны; они влекутъ насъ за собою, составляютъ лично для насъ *желаемыя блага, желаемое добро* (**). Первыя не могутъ имѣть для насъ никакой цѣнности, ни малѣйшаго достоинства; послѣднія имѣютъ въ глазахъ нашихъ высокое достоинство, будутъ безцѣнны для насъ.

(*) Сами по себѣ всѣ эти предметы, лица и пр. могутъ быть вполнѣ полезны, составлять истинное *добро*. Даже для насъ самихъ онѣ могутъ быть *вполнѣ благодѣтельны; но впечатлѣнія отъ нихъ были для насъ невыносимы, непріятны,* и потому мы ихъ считаемъ *зломъ* и избѣгаемъ видѣть, слышать ихъ и т. д. Вспомнимъ только пословицу: правда глаза колетъ.

(**) Сами по себѣ они могутъ быть весьма вредны; напр.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но все не впрокъ.
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ!

Къ лицамъ, предметамъ и т. д., производящимъ на насъ впечатлѣнія, изложенныя во 2-мъ случаѣ, мы, такъ сказать, пребываемъ равнодушны. Такія впечатлѣнія доставляютъ намъ самыя ясныя представленія или образы, укрѣпляютъ, проясняютъ и расширяютъ нашу *познавательную способность*.

Духовныя стремленія наши въ этомъ случаѣ, такъ сказать, вполнѣ удовлетворяются, насыщаются, усвоиваютъ себѣ и удерживаютъ полный образъ предмета, производившаго впечатлѣніе; онъ дѣлается ихъ неотъемлемою собственностью, и потому мы пребываемъ въ покоѣ, не имѣемъ побужденія къ новымъ стремленіямъ. Развитіе познавательной способности состоитъ именно въ усвоиваніи новыхъ ясныхъ представленій и образовъ, которые доставляются *ученіемъ*. Слѣдовательно ученіе представляетъ главное и почти единственное средство для развитія познавательной способности духа нашего, и потому занимаетъ важное мѣсто въ воспитаніи. Но одно сухое, точное ученіе не можетъ возбудить въ насъ никакого дальнѣйшаго стремленія, никакого желанія; слѣдовательно посредствомъ одного такого ученія нельзя образовать нравственности, характера, воли.

Причины, побужденія, заставляющія человѣка дѣйствовать, или находиться, пребывать въ бездѣйствіи, заключаются въ тѣхъ отрадныхъ или печальныхъ душевныхъ образахъ, которые представляютъ возвышеніе или пониженіе духовныхъ стремленій нашихъ и пораждаютъ въ нихъ влеченія, желанія, или удаленія, отвращенія. Иначе говоря: эти причины и побужденія нашей дѣятельности или бездѣйствія лежатъ *въ добрѣ и злѣ*, т. е. въ положительномъ или въ отрицательномъ достоинствѣ различныхъ духовныхъ и вещественныхъ предметовъ, которое они пріобрѣли себѣ въ нашемъ сознаніи вслѣдствіе произведенныхъ на насъ впечатлѣній.

Въ самомъ дѣлѣ, получая пріятныя или непріятныя впечатлѣнія, мы въ то же самое время чувствуемъ свое усиленіе или ослабленіе, и вмѣстѣ съ этимъ естественно возникаютъ и хра-

нятся въ насъ ощущенія *достоинства* (добра) или *недостоинства* (зла) предметовъ, производившихъ впечатлѣнія. Эти духовныя ощущенія, вслѣдствіе повтореній ихъ, становятся ясными образами и проявляются въ обратныхъ, такъ сказать, отвѣтныхъ дѣйствіяхъ нашихъ на слѣдующія, дальнѣйшія вліянія предметовъ духовныхъ и вещественныхъ. Онѣ-то и составляютъ нравственное достоинство или цѣнность предметовъ для насъ и побуждаютъ насъ стремиться къ чему-нибудь, или удаляться отъ него. Слѣдовательно причины, побуждающія насъ на дѣйствіе, лежатъ въ духовномъ сознаніи или вообще въ душѣ нашей, внутри насъ самихъ, а не во внѣшнемъ мірѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, настоящее впечатлѣніе, производимое на человѣка какимъ-нибудь предметомъ внѣшняго міра, можетъ возбудить въ немъ только однородныя стремленія, которыя составились въ немъ вслѣдствіе прежнихъ тѣхъ же впечатлѣній. Но духъ нашъ обладаетъ многими стремленіями, которыя могутъ быть совершенно противоположны возбужденному въ настоящее время при появленіи внѣшняго предмета. Теперь, если это вновь возбужденное, и потому усиленное стремленіе пересилитъ всѣ другія противоположныя стремленія духа, то человѣкъ конечно, такъ сказать, поддастся внѣшнему впечатлѣнію, послѣдуетъ за нимъ и начнетъ дѣйствовать. Если же противуположныя стремленія, находящіяся въ душѣ его, пересилятъ, одержатъ побѣду, то настоящее впечатлѣніе не склонитъ человѣка на свою сторону.

Пояснимъ это примѣромъ: отъ васъ зависитъ рѣшеніе какого нибудь значительнаго тяжебнаго дѣла. Неправая сторона, желая выиграть это дѣло, предлагаетъ вамъ значительное вознагражденіе. Вы бѣдный человѣкъ, у васъ жена, дѣти; при томъ содержаніи, которое доставляетъ вамъ ваше мѣсто, вы едва-едва можете прокормить себя и семью свою. Предложенныя вамъ деньги не только могутъ перемѣнить ваше безотрадное, тяжелое положеніе, снять съ нравственно-страждущей души вашей тяжкое бремя неусыпной скорби, безсоннаго труда, доставляющаго вамъ и семьѣ

только сырую, тѣсную, холодную квартиру, скудный кусокъ хлѣба, нищенское одѣяніе. Принявъ эти деньги, вы можете не только наконецъ вздохнуть легко, доставить на время семьѣ теплое, удобное помѣщеніе, здоровый обѣдъ, приличное платье, но обезпечите себя и всѣхъ своихъ на всю жизнь. Прибавимъ ко всему этому, что вы знаете, что все будетъ шито и крыто, что никто никогда не услышитъ о вашемъ поступкѣ, и вы не будете отвѣчать за него предъ судомъ людей. Примете ли вы деньги? Предложеніе ихъ возбуждаетъ съ одной стороны въ душѣ вашей сознаніе будущаго довольства, будущей обезпеченной жизни, слѣдовательно невольно привлекаетъ къ себѣ. Съ другой стороны, вмѣстѣ съ этимъ отраднымъ сознаніемъ, начинаетъ говорить въ васъ голосъ человѣческаго достоинства, голосъ чести, справедливости, любви къ правому дѣлу, и въ васъ возбуждается стремленіе дѣйствовать согласно этому голосу. Если этотъ голосъ, если такія высокія стремленія утвердились въ душѣ вашей, если въ ней нѣтъ ничего, кромѣ этихъ высокихъ человѣческихъ чувствъ, то вы безъ всякой борьбы тотчасъ же, не мигнувъ глазомъ, съ негодованіемъ отвергнете гнусное предложеніе и не помыслите облегчить безчестнымъ пріобрѣтеніемъ скорбное положеніе свое. Или въ васъ можетъ произойти внутренняя нравственная борьба, если въ душѣ вашей, вмѣстѣ съ благородными стремленіями исполнять долгъ свой, возъимѣетъ мѣсто сильное стремленіе выйти изъ своего тяжкаго положенія. Въ этомъ случаѣ побѣда будетъ на той сторонѣ, которая глубже пустила корни въ душѣ вашей. Если наконецъ благородныя, высокія чувства человѣческія слабо утвердились въ васъ, или сознаніе ихъ никогда не возвышало васъ, то положительно, также безъ всякой борьбы, вы возьмете деньги и не задумаетесь совершить преступленіе, даже если бы у васъ всего было достаточно, въ изобиліи, вдоволь...

И такъ, правильно говоря, въ нашихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ мы зависимъ отъ насъ самихъ, а не отъ внѣшняго міра. Такъ называемая свободная разумная воля въ человѣкѣ есть не что

иное, какъ побѣдоносная воля, управляющая всѣми его стремленіями, желаніями, какъ чувственными, такъ и духовными, и направляющая ихъ и всего внутренняго человѣка къ познанію и совершенію истины, добра и всего прекраснаго. Конечно, въ дѣйствительной жизни трудно найти хоть одного человѣка, обладающаго такою побѣдоносною единою волею, потому что эта воля есть идеалъ гармоническаго, совершеннаго развитія человѣка.

Въ началѣ нашего развитія мы конечно не можемъ быть свободны въ нравственномъ отношеніи отъ внѣшняго вліянія или отъ внѣшняго міра, но мы можемъ и мы должны освободиться отъ этой зависимости. Не матерія должна повелѣвать духомъ, а духъ матеріею. Внѣшній міръ есть матеріальный міръ; человѣкъ же есть существо духовное: поэтому человѣкъ долженъ подчинять себѣ внѣшнюю природу, а не подчиняться ей.

Въ приведенномъ выше примѣрѣ мы представили три главные вида нравственнаго состоянія человѣка.

1) Онъ отказывается съ полнымъ негодованіемъ и презрѣніемъ, нимало не колеблясь, отъ всякаго постыднаго, безнравственнаго дѣла, потому что душа его вполнѣ нравственна, т. е. въ ней пребываютъ только одни высокіе, свѣтлые, нравственные образы, чувства, желанія. Такое состояніе есть совершенство нравственности.

2) Человѣкъ такъ же точно, безъ всякаго колебанія, тотчасъ соглашается на преступленіе, изъ личныхъ выгодъ, разсчетовъ, потому что душа его, такъ сказать, наполнена безнравственными образами, чувствами, желаніями. Такое нравственное состояніе есть отсутствіе всякой нравственности; оно есть полная безнравственность.

3) Въ человѣкѣ происходитъ внутренняя борьба: онъ колеблется, не рѣшается ни отвергнуть, ни совершить злого дѣла. Отчего это? Ясно, оттого, что въ немъ вмѣстѣ съ нравственными стремленіями находятся также и безнравственныя; которыя изъ этихъ двоякихъ стремленій сильнѣе, тѣ и одержутъ побѣду, и

человѣкъ останется нравственнымъ, или совершитъ преступленіе. Ясно, что во всѣхъ трехъ случаяхъ человѣкъ изъ внутри себя побуждается и рѣшается на какое-нибудь дѣло, а появленіе внѣшняго предмета только возбуждаетъ прежніе образы, желанія, чувства. Слѣдовательно внутренняя борьба въ человѣкѣ неизбѣжно свидѣтельствуетъ о присутствіи въ душѣ его нравственныхъ и безнравственныхъ (*) образовъ, или что духъ человѣка развился вмѣстѣ и правильно, и неправильно. Внѣшніе предметы сами по себѣ ни нравственны, ни безнравственны; они только просто существуютъ и производятъ на насъ впечатлѣнія, которыя могутъ возвышать или понижать духовныя стремленія наши. Нравственность же или безнравственность заключается именно и единственно только въ томъ, *какъ мы сами представляемъ себѣ эти предметы*. Мы можемъ ихъ представлять себѣ, ощущать и цѣнить правильно или неправильно, и вслѣдствіе этого можемъ поступать нравственно или безнравственно. Напримѣръ: одинъ человѣкъ въ самомъ безнравственномъ, развратномъ домѣ найдетъ только новое усиленіе своей нравственности, потому что почувствуетъ съ новою силою всю мерзость и гнусность животнаго разврата; другой въ томъ же домѣ будетъ истощать свои послѣднія жизненныя силы, удовлетворяя только низкимъ чувственнымъ стремленіямъ плоти. Слѣдовательно одни и тѣ же внѣшніе предметы могутъ дѣйствовать совершенно противоположно на различныхъ людей. Вѣдь мы же обыкновенно говоримъ, что различные люди могутъ различно смотрѣть на одинъ и тотъ же предметъ, или на одно и то же дѣло. Отчего это? Оттого, ясно, что этотъ предметъ, или это дѣло различно усвоено сознаніемъ или пониманіемъ ихъ.

И такъ основаніе нашихъ безнравственныхъ дѣйствій находится не во внѣшнихъ предметахъ, а лежитъ въ нашихъ собственныхъ

(*) Оба прилагательныя мы употребляемъ въ обширномъ значеніи ихъ.

дурныхъ стремленіяхъ и наклонностяхъ. Эти безнравственныя наклонности возникаютъ и укрѣпляются въ насъ или отъ насъ самихъ же, когда мы, такъ сказать, не наблюдаемъ за собою, и безъ всякой осторожности позволяемъ всему и какъ-нибудь входить въ нашу душу, и утвердиться въ ней. Или причиною нашихъ дурныхъ стремленій были другіе люди, наши воспитатели, или иные товарищи, пріятели, которые позволяли безнравственнымъ впечатлѣніямъ проникнуть и укрѣпиться въ душѣ нашей тогда, когда мы еще не могли отличить нравственнаго отъ безнравственнаго. Въ послѣднемъ случаѣ, который чаще всего встрѣчается, вся вина должна падать на этихъ другихъ. Во всякомъ случаѣ очевидно, *что не внѣшній міръ распоряжается нами, а мы* усвоиваемъ себѣ внѣшнія впечатлѣнія; и какъ мы ихъ усвоили, такъ и откликаемся. Слѣдовательно добродѣтель никогда не борется съ внѣшнимъ міромъ, а только съ внутреннимъ человѣкомъ. Человѣкъ вполнѣ добродѣтеленъ только тогда, когда въ душѣ его нѣтъ никакого слѣда дурныхъ наклонностей, а все нравственно. Такой только человѣкъ обладаетъ полною нравственною свободою, которая состоитъ именно въ томъ, что онъ вполнѣ управляетъ всѣмъ своимъ существомъ. Отсюда слѣдуетъ, что полная нравственная свобода наша не есть какое-нибудь своеволіе, природное право человѣка совершать все безнаказанно, а полная непоколебимая власть человѣка надъ самимъ собою.

Кажется, что изъ всего того, что мы сказали о нравственности или безнравственности человѣка, ясно и неопровержимо слѣдуетъ, что основанія ихъ заключаются не во внѣшнемъ мірѣ, а въ томъ, какъ мы усвоиваемъ себѣ внѣшніе предметы вслѣдствіе впечатлѣній отъ нихъ. Слѣдовательно воспитатели должны неусыпно наблюдать, чтобы внѣшній міръ производилъ на ребенка настоящія правильныя впечатлѣнія, и чтобы воспитанникъ посредствомъ такихъ впечатлѣній получалъ настоящее правильное со-

знаніе объ истинномъ достоинствѣ внѣшнихъ предметовъ, а не привыкъ бы измѣрять это достоинство на свой личный аршинъ.

21. Изъ образовъ, происшедшихъ отъ пріятныхъ впечатлѣній, развиваются желанія.

Изъ разсмотрѣнныхъ отношеній внѣшнихъ впечатлѣній къ основамъ способностей мы знаемъ, что если впечатлѣнія вполнѣ соотвѣтствуютъ основамъ способностей, то и послѣднія усвоиваютъ ихъ вполнѣ, и отъ этого происходятъ отчетливыя, ясныя представленія. Если же впечатлѣнія отъ окружающихъ предметовъ, не будучи чрезмѣрными, съ особенною полнотою дѣйствуютъ на воспринимающія ихъ основы способностей, то въ этомъ случаѣ послѣднія сильно возбуждаются, получаютъ особенное напряженіе (см. стр. 108 и слѣд.). Но какое бываетъ послѣдствіе, если *пріятныя, отрадныя* впечатлѣнія съ *особенною силою* дѣйствуютъ на основы способностей?

Въ подобныхъ случаяхъ мы обыкновенно говоримъ: мы были ослѣплены такою роскошью, красотою, величіемъ; мы были очарованы волшебными звуками и т. д., т. е. мы чувствуемъ и знаемъ, что видѣнное, слышанное нами было необыкновенно пріятно, прекрасно, великолѣпно, но мы не въ состояніи *отчетливо и подробно описать* это видѣнное и слышанное.

Стало-быть, если впечатлѣніе пересиливаетъ основы способностей, то мы не получаемъ *столь ясныхъ* представленій, какъ при вполнѣ соотвѣтствующемъ или соразмѣрномъ впечатлѣніи. Иначе и быть не можетъ: способности наши, получившія сильное, порывистое возбужденіе, не могутъ вполнѣ совладать съ впечатлѣніемъ, и усвоиваютъ его *не твердо, не ясно*; а такое усвоеніе не можетъ доставить отчетливыхъ представленій.

И такъ, если на основы способностей дѣйствуетъ бо-

лѣе впечатлѣній, чѣмъ онѣ могутъ переработать, то эти впечатлѣнія слабо удерживаются основами, хотя бы они и были пріятны.

Мы знаемъ, что и при *полномъ* усвоеніи *вполнѣ соразмѣрнаго* впечатлѣнія, часть его все-таки исчезаетъ, потому что возбужденное имъ представленіе становится снова *безсознательнымъ*; слѣдовательно при слабомъ, неполномъ усвоеніи должна исчезнуть еще бо̀льшая часть впечатлѣнія. Что же изъ этого выходитъ?

Я съѣлъ яблоко; оно было очень вкусно, и я желалъ бы съѣсть еще одно.

Я слышалъ въ оперѣ прекрасную арію и кричалъ *bis* до тѣхъ поръ, пока ее еще разъ не пропѣли.

Тамъ, на стѣнѣ висѣла картина, на которую я не могъ достаточно насмотрѣться.

Часто случается видѣть человѣка съ табакеркою въ рукѣ; онъ ее безпрестанно открываетъ и нюхаетъ табакъ.

Чѣмъ и какъ объяснить себѣ всѣ эти и безчисленное множество подобныхъ, самыхъ обыкновенныхъ явленій?

Основы способностей имѣютъ уже отъ природы *стремленіе* къ воспринимaнію впечатлѣній, и это стремленіе остается въ нихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не воспримутъ достаточнаго количества впечатлѣній, пока не восполнятся ими. Слѣдовательно, по мѣрѣ того какъ наполненныя впечатлѣніями основы утрачиваютъ ихъ, въ нихъ снова пробуждается стремленіе.

Когда я ѣлъ яблоко, то чувствовалъ *пріятное впечатлѣніе*, потому что оно пріятно дѣйствовало на вкусовые нервы. Часть этого впечатлѣнія потомъ исчезла, и во мнѣ возбудилось новое стремленіе съѣсть еще одно яблоко.

Такъ же точно и въ прочихъ примѣрахъ: слухъ мой стремился къ тѣмъ же звукамъ, зрѣніе къ той же картинѣ и т. д., потому что часть воспринятаго пріятнаго впечатлѣнія исчезла, а оставшаяся удержанная часть его напоминала о немъ.

Изъ всего этого мы заключаемъ, что основы способностей, утративъ часть воспринятаго впечатлѣнія, снова становятся стремящимися, съ тою только разницею, что онѣ стремятся не къ впечатлѣніямъ вообще, а именно къ тѣмъ, которыя уже дѣйствовали на нихъ, или которыхъ онѣ, такъ сказать, уже отвѣдали. Такія опредѣленныя стремленія къ извѣстнымъ предметамъ называются *желаніями*.

22. Въ какой степени возникаютъ желанія при другихъ отношеніяхъ впечатлѣній къ основамъ способностей?

Покажите ребенку какой-нибудь предметъ издали, или только въ половину: онъ тотчасъ же захочетъ увидѣть весь этотъ предметъ вблизи. Что мы невнятно слышимъ, къ тому напрягаемъ нашъ слухъ и стараемся уловить. То же самое происходитъ, при недостаточныхъ впечатлѣніяхъ, и во всѣхъ другихъ чувствахъ нашихъ.

Такъ какъ при слабыхъ впечатлѣніяхъ стремленія основъ способностей не удовлетворяются, то онѣ естественно продолжаютъ стремиться къ тѣмъ же впечатлѣніямъ, и такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи въ насъ возникаетъ *влеченіе къ извѣстному* предмету, возбужденное неудовлетворительностью воспринятаго отъ него впечатлѣнія. Но если постоянно продолжать возбужденіе основъ способностей дитяти такимъ неудовлетворительнымъ образомъ, не доставляя имъ никогда полныхъ впечатлѣній, то мало по малу онѣ утомятся, ослабнутъ, и ребенокъ неизбѣжно сдѣлается вялымъ, равнодушнымъ ко всему и слабоумнымъ, не смотря на свои природныя дарованія.

Если впечатлѣніе достаточно и вполнѣ усвоивается основами способностей, то при такомъ усвоеніи возникаютъ ясныя, отчетливыя впечатлѣнія. Но мы знаемъ, что и въ этомъ случаѣ извѣст-

ная часть впечатлѣнія все-таки исчезаетъ изъ основъ, вслѣдствіе чего возбужденное въ душѣ представленіе успокоивается или дѣлается снова *безсознательнымъ*.

Утрата впечатлѣнія влечетъ всегда за собою новое стремленіе основъ къ тому же впечатлѣнію. Изъ этого слѣдуетъ, что и вполнѣ усвоенное впечатлѣніе должно производить желаніе, хотя и въ *меньшей степени*. Такъ, напримѣръ, мы часто желаемъ снова пробѣжать книгу, которую мы прочли со вниманіемъ и содержаніе которой хорошо помнимъ, или слышать прежніе звуки, и т. д.

Но въ большой части случаевъ вполнѣ усвоенное впечатлѣніе удовлетворяетъ наши основы способностей до того, что стремленія ихъ совершенно успокоиваются, и онѣ сохраняютъ только *побужденіе* къ *возобновленію сознанія*, или къ приведенію составившагося въ этомъ случаѣ яснаго представленія въ *сознательное состояніе*.

И при пресыщеніи впечатлѣніями въ основахъ возникаетъ иногда *стремленіе къ новому воспринятію тѣхъ же впечатлѣній*. Это можно видѣть на пьяницахъ, на игрокахъ и на другихъ развратныхъ людяхъ, которые, не смотря на пресыщеніе, снова постоянно прибѣгаютъ къ тѣмъ же губительнымъ наслажденіямъ.

Если мы наконецъ разсмотримъ болѣзненныя впечатлѣнія, разомъ слишкомъ сильно дѣйствующія на основы способностей, то увидимъ, что эти впечатлѣнія не вызываютъ никакихъ стремленій.

Никто еще не видалъ человѣка, который, будучи ошеломленъ ударомъ грома или другимъ сильнымъ шумомъ, или ослѣпленъ яркимъ свѣтомъ, или обозженъ, потребовалъ бы повторенія того же впечатлѣнія. И это весьма естественно: основы въ подобныхъ случаяхъ до того ослабѣваютъ вслѣдствіе слишкомъ сильныхъ и внезапныхъ потрясающихъ впечатлѣній, что теряютъ на долгое время всю стремительную способность свою.

Изъ всего этого мы ясно видимъ, что для образованія желаній свойственнѣе всѣхъ другихъ пріятныя впечатлѣнія, которыя, хотя и не порождаютъ вполнѣ ясныхъ, отчетли-

выхъ представленій, но за то сильно возбуждаютъ основы способностей и сообщаютъ имъ новое усиленное стремленіе. Притомъ же при пріятномъ впечатлѣніи значительная часть его скоро исчезаетъ, и такимъ образомъ являются два условія, необходимыя для возбужденія опредѣленнаго стремленія, т. е. желанія.

23. Желанія заключаютъ въ себѣ представленія. Двѣ различныя формы воспроизведенія пріятныхъ образовъ.

Мы видѣли, что для образованія въ душѣ нашей желанія, на основы способностей прежде всего долженъ дѣйствовать какой-либо предметъ, производящій преимущественно *пріятное* впечатлѣніе.

Но мы знаемъ уже, что при соединеніи основъ съ внѣшними впечатлѣніями происходятъ *чувственныя воспріятія* и *ощущенія*, которыя, повторяясь слѣдами, образуютъ *представленія* (см. стр. 43 и 44).

Слѣдовательно, если яблоко производитъ на меня пріятное впечатлѣніе, то во мнѣ произойдетъ не только желаніе съѣсть его, но и *представленіе* о немъ.

Поэтому, желая какіе-нибудь предметы, мы въ то же время и представляемъ ихъ себѣ.

И такъ одинъ и тотъ же образъ, составившійся въ душѣ нашей, можетъ быть или желаніемъ, или представленіемъ. Онъ будетъ *представленіемъ* по мѣрѣ того, какъ впечатлѣніе, его произведшее, сохраняется въ основахъ; онъ становится *желаніемъ* по мѣрѣ того, какъ это впечатлѣніе исчезаетъ, и въ основахъ является новое стремленіе отъискать, вновь пріобрѣсти его.

Представленіе и желаніе поэтому въ подобныхъ слу-

чаяхъ представляютъ только двѣ различныя формы (формы развитія) одного и того же образа (дѣйствія, процеса), а отнюдь не два различныхъ образа.

При возобновленномъ возбужденіи такого образа (происшедшаго отъ пріятнаго впечатлѣнія), онъ можетъ являться *то въ той, то въ другой формѣ*. Если пріятное впечатлѣніе *совершенно удержано*, и утраченная часть его *снова замѣняется*, то возбужденный образъ проявляется какъ *пріятное представленіе*; если же оно исчезло, то образъ является *желаніемъ*.

Изъ этого выводится слѣдующее важное правило: пріятные образы могутъ быть воспроизведены въ двухъ формахъ: какъ пріятное воспоминаніе и какъ желаніе.

Можетъ ли при нѣкоторыхъ образахъ одна изъ этихъ двухъ формъ сдѣлаться *постоянною*? Разумѣется, можетъ; бываютъ люди, которые постоянно стремятся и должны стремиться къ достиженію того, чего они прежде *часто желали*, потому что воспринимающія основы ихъ относительно извѣстнаго образа у нихъ сдѣлались *неспособными* усвоить себѣ исчезающее впечатлѣніе.

Способности низшихъ чувствъ уже отъ природы имѣютъ мало силы для удерживанія всего впечатлѣнія, и потому пріятные образы, составившіеся вслѣдствіе впечатлѣній на эти низшія чувства, являются почти исключительно въ *видѣ* или въ *формѣ желаній*. Въ высшихъ же чувствахъ (зрѣніе, слухъ) пріятные образы, напротивъ того, проявляются чаще какъ *пріятныя воспоминанія*, потому что эти чувства вполнѣ могутъ усвоивать впечатлѣнія.

Кромѣ того есть еще образы, сохраняющіеся въ душѣ въ *обѣихъ формахъ*, частію навсегда, частію же въ началѣ только, пока одна изъ этихъ формъ не разовьется преимущественно.

24. Однородныя желанія также соединяются, сливаются между собою. Склонность. Страсть.

Мы уже знаемъ, что одинаковыя и однородныя представленія соединяются между собою. Не подлежатъ ли одинаковыя и однородныя желанія тому же закону?

Когда мнѣ случалось ѣсть молодой картофель, то каждый разъ мнѣ совѣтовали выпивать рюмку водки, чтобы картофель не дѣйствовалъ вредно на желудокъ. Я никогда не былъ охотникъ до водки; разъ-таки попробовалъ. Первая рюмка пришлась по вкусу, потому что водка была отличная. При второмъ разѣ я выпилъ еще охотнѣе; и такъ каждый разъ, когда я ѣлъ не только картофель, но и что-нибудь другое, мнѣ послѣ всего хотѣлось выпить рюмку водки. Но я превозмогъ себя, и отказался отъ нея, боясь слишкомъ пристраститься къ ней и сдѣлаться пьяницею.

Человѣкъ, постоянно нюхающій табакъ, въ началѣ нюхалъ очень рѣдко, когда ему кто-нибудь предлагалъ понюхать. Но скоро въ его обонятельныхъ нервахъ развился такой постоянный позывъ къ табаку, что онъ долженъ былъ завести табакерку.

Богатый англичанинъ любилъ цвѣты и имѣлъ прекрасный садъ. Ему кто-то предложилъ рѣдкихъ красивыхъ птицъ — онъ ихъ купилъ; затѣмъ онъ завелъ себѣ большое собраніе минераловъ, стоившихъ ему очень дорого. Чѣмъ болѣе хвалили его естественныя собранія и вообще его любовь къ природѣ, тѣмъ сильнѣе развивалось въ немъ желаніе пріобрѣтать все новые предметы, и онъ не могъ удержаться отъ своей страсти даже тогда, когда началъ раззоряться.

Этихъ примѣровъ достаточно для доказательства того, что и однородныя желанія сливаются, при повтореніи ихъ, въ одинъ образъ, хотя бы предметы, отъ которыхъ они происходятъ, были весьма различны. Вмѣстѣ съ этимъ, приведенные примѣры

доказываютъ, какой ужасной силы могутъ достигнуть всякаго рода желанія, вслѣдствіе часто повторяемаго соединенія ихъ.

Такимъ образомъ въ человѣкѣ образуются мало по малу сначала расположенія къ кому или чему-нибудь, потомъ склонности, и наконецъ страсти, которыя въ высшей степени своего развитія становятся порокомъ.

Каждое *отдѣльное* желаніе въ началѣ бываетъ *слабое* и *простое*. Но такъ какъ въ человѣкѣ мало по малу развиваются постоянно *новыя отдѣльныя желанія*, вслѣдствіе новыхъ пріятныхъ впечатлѣній, и такъ какъ всѣ отдѣльныя однородныя желанія, при повтореніи тѣхъ же пріятныхъ впечатлѣній, постоянно сливаются *въ одинъ образъ*: то понятно, отчего они превращаются въ склонности, въ страсти, которыя получаютъ страшную силу, влекущую немилосердно человѣка къ воспринятію извѣстныхъ впечатлѣній, не смотря на то, вредны ли, или полезны они.

Совокупность всѣхъ образовавшихся и постоянно образующихся въ душѣ желаній составляетъ желательную способность человѣка.

25. Вліяніе природныхъ свойствъ основъ способностей на образованіе желаній.

Природныя свойства основъ способностей состоятъ въ различной степени *воспріимчивости*, *впечатлительности* и *живости*. Мы знаемъ уже вліяніе этихъ природныхъ, врожденныхъ свойствъ на *умственное* развитіе человѣка; теперь разсмотримъ какое вліяніе они имѣютъ на образованіе желаній.

а) Образованіе желаній при болѣе или менѣе сильной воспріимчивости основъ способностей.

Для образованія въ душѣ нашей какого-нибудь желанія необхо-

димо, чтобы воспринимающія основы душевныхъ способностей были *пріятно возбуждаемы* тѣми или другими впечатлѣніями. (см. стр. 121—123). Понятно, что чѣмъ *чувствительнѣе* основы способностей, чѣмъ онѣ *воспріимчивѣе* даже къ слабѣйшимъ пріятнымъ впечатлѣніямъ, тѣмъ *скорѣе* въ нихъ должны произойти пріятныя ощущенія. Такъ имѣющій тонкій вкусъ, ощущаетъ уже пріятность, если въ пищѣ находится весьма незначительное количество пряности; у кого же вкусъ не развитъ, или притупленъ, тому необходимо положить въ пищу много соли и перцу. Если человѣку съ тонкимъ слухомъ уже тихая простая пѣсня доставляетъ удовольствіе, то для доставленія удовольствія другому, не обладающему музыкальнымъ слухомъ, необходимъ шумъ трубъ, литавровъ, барабановъ (напр. турецкая музыка); однимъ словомъ: при сильнѣйшей воспріимчивости основъ пріятныя ощущенія происходятъ гораздо скорѣе и чаще.

Изъ этого слѣдуетъ, что воспріимчивость основъ способностей значительно содѣйствуетъ образованію желаній.

II. Вліяніе большей или меньшей впечатлительности основъ на образованіе желаній.

Впечатлительность есть природное свойство основъ способностей удерживать и сохранять воспринимаемыя впечатлѣнія (см. стр. 51). Чѣмъ сильнѣе природная впечатлительность основъ, тѣмъ *полнѣе* и *дольше* онѣ удерживаютъ внѣшнее впечатлѣніе, которое поэтому *не такъ скоро и не такъ легко исчезаетъ*. Но для образованія желанія необходимо, чтобы по крайней мѣрѣ *извѣстная часть* пріятнаго впечатлѣнія *исчезла* (см. стр. 121 и 125). Изъ этого слѣдуетъ, что сильная впечатлительность основъ не содѣйствуетъ развитію желаній.

При разсматриваніи постепенности основъ относительно ихъ природной врожденной впечатлительности, мы видѣли, что основ-

ныя чувства наши раздѣляются на *сильнѣйшія и слабѣйшія*, или на *высшія и низшія* (см. стр. 51, — 56.) Низшія чувства (обоняніе вкусъ) у насъ гораздо менѣе впечатлительны, т. е. они одарены уже отъ природы гораздо меньшею силою отчетливо удерживать и сохранять впечатлѣнія, чѣмъ высшія чувства (зрѣніе, слухъ). Поэтому-то мы и находимъ чаще всего образованіе и проявленіе сильныхъ желаній, склонностей, страстей въ низшихъ чувствахъ, чему служатъ доказательствомъ пьяницы, игроки, скряги, курящіе, нюхающіе и. т. п.

Но съ другой стороны для образованія сильныхъ желаній и страстей необходима все-таки *извѣстная степень впечатлительности* основъ способностей. Сильныя желанія и страсти, какъ мы уже знаемъ, происходятъ именно вслѣдствіе того, что отдѣльныя однородныя желанія сливаются между собою въ одинъ образъ (см. стр. 123 — 25). Слѣдовательно для образованія страстей необходимо, чтобы прежде явились *отдѣльныя желанія*, которыя сохранились бы въ душѣ *слѣдами*. Если же основы способностей до того слабы, до того мало впечатлительны, что отъ происшедшихъ желаній не остается въ нихъ *никакихъ слѣдовъ* или только *самыя недостаточные*, то очевидно, что въ этомъ случаѣ страсти развиться не могутъ.

Этимъ легко объясняется, отчего люди *слабоумные* и животныя не могутъ имѣть *сильныхъ страстей*, хотя въ нихъ и развиваются *склонности*. Природное слабоуміе или тупоуміе состоитъ собственно въ *чрезмѣрной слабости* основъ способностей, въ слабости, которая составляетъ *самое естественное* явленіе у животныхъ и только *несчастное, болѣзненное исключеніе* въ человѣкѣ. Слабыя отъ природы основы способностей утрачиваютъ совершенно бо́льшую часть пріятнаго впечатлѣнія, и въ нихъ остаются только *слабые* слѣды. Вслѣдствіе этого *страсти* въ нихъ могутъ развиться *также мало, какъ* и *ясныя представленія и понятія*, но *склонности* въ нихъ образовываются. Наши домашнія животныя, напримѣръ, *очень склонны*

къ повторенію того, чему ихъ выучили; попугай безпрестанно повторяетъ затверженное слово; пудель съ особенною охотою носитъ поноску, и т. д. Кромѣ того они сильно привыкаютъ, привязываются къ извѣстнымъ лицамъ, мѣстамъ, къ пищѣ и пр.

И такъ: сильная впечатлительность основъ способностей не содѣйствуетъ развитію желаній; но для образованія сильныхъ желаній и страстей необходима извѣстная степень впечатлительности.

Но желанія, склонности и страсти, усиливаясь постоянно при повтореніи тѣхъ же впечатлѣній новыми желаніями, никогда не могутъ сдѣлаться такъ *ясносознательными* какъ *представленія*, *понятія сужденія*. Это происходитъ оттого, что при образованіи желаній, страстей, всегда *часть впечатлѣнія исчезаетъ*, слѣдовательно впечатлѣніе никогда не усвоивается вполнѣ основами способностей; мы же знаемъ, что только при *полномъ усвоеніи впечатлѣнія возможно вполнѣ ясное сознаніе*. Этимъ объясняется, почему большая часть людей *не сознаютъ* своихъ склонностей и страстей. Страсти помрачаютъ, затемняютъ разумъ человѣка.

III. Вліяніе бо́льшей или меньшей живости основъ способностей на образованіе желаній.

Чѣмъ *живѣе* душевныя способности наши, тѣмъ *быстрѣе* онѣ воспринимаютъ впечатлѣнія, но за то тѣмъ *скорѣе* послѣднія снова *исчезаютъ*.

Такъ какъ мы можемъ желать только того, чего у насъ недостаетъ или вовсе нѣтъ, и такъ какъ насыщенныя, вполнѣ удовлетворенныя основы способностей прекращаютъ свои стремленія, не чувствуютъ недостатка, то въ нихъ въ это время и не образуется желанія, пока не исчезнетъ хоть нѣкоторая часть впечатлѣнія. Но чѣмъ быстрѣе впечатлѣніе исчезаетъ, тѣмъ скорѣе возникаетъ и желаніе, слѣдовательно и живость

основъ способностей содѣйствуетъ образованію желаній.

Человѣкъ флегматическій, основы способностей котораго *мало* и *медленно воспріимчивы*, рѣдко имѣетъ страсти. Въ немъ возникаютъ обыкновенно только слабыя стремленія и желанія, и рѣдко что можетъ вывести его изъ обычнаго спокойствія.

26. Сильные и слабые душевные образы.

Если на воспринимающія основы дѣйствуетъ *недостаточное* впечатлѣніе, то дѣятельность въ нихъ хотя и возбуждается, но стремленія ихъ не вполнѣ удовлетворяются, и потому основы развиваются только *слабо*. Слѣдовательно въ этомъ случаѣ въ нихъ не остается достаточныхъ слѣдовъ и не можетъ произойти яснаго представленія или образа, а только одно неопредѣленное ощущеніе и слабое желаніе восполнить неудовлетворенное стремленіе (см. стр. 108—123).

Положимъ теперь, что какой-нибудь человѣкъ получаетъ все только такія *недостаточныя* впечатлѣнія,—можетъ ли духовное развитіе его идти правильно и здраво? Будетъ ли онъ твердъ и силенъ духомъ? Никогда. И если бы даже тысячи однородныхъ, но недостаточныхъ слѣдовъ, оставшихся въ душѣ отъ однородныхъ же впечатлѣній, по закону взаимнаго притяженія соединились между собою, то изъ всѣхъ ихъ никогда не составился бы *сильный*, отчетливый образъ. Новая слабость впечатлѣнія увеличиваетъ только прежнюю, и какъ тысяча бѣдняковъ въ мѣстѣ не составляютъ одного богача, такъ и тысяча слабыхъ слѣдовъ не образуютъ сильнаго твердаго слѣда.

Слѣдовательно слабыя впечатлѣнія никогда не могутъ здраво и сильно развить человѣка и оставить въ душѣ его ясныхъ, отчетливыхъ образовъ: напротивъ того духовное развитіе при такомъ условіи всегда будетъ слабо и несовершенно, и способности будутъ постепенно осла-

бѣвать и затемняться при каждомъ новомъ недостаточномъ впечатлѣніи.

Такія слабыя впечатлѣнія производятъ въ насъ непріятное ощущеніе, порождаютъ неудовольствіе, и потому *слабые, неясные образы*, происходящіе отъ подобныхъ впечатлѣній, мы можемъ назвать *непріятными образами*.

Далѣе: если слишкомъ полное и продолжительное впечатлѣніе дѣйствуетъ на основы способностей, то онѣ утомляются, притупляются; это выражается также непріятнымъ чувствомъ, которое мы называемъ *пресыщеніемъ, скукою* и т. д. Если же наконецъ чрезмѣрное впечатлѣніе разомъ, внезапно подѣйствовало на основы способностей, то происходитъ и внезапное раздраженіе, потрясеніе ихъ, боль. Стало-быть въ обоихъ случаяхъ въ насъ происходитъ совершенно противоположное тому, что мы можемъ назвать *сильнымъ, здравымъ развитіемъ духа*.

Разумѣется, что и въ этихъ случаяхъ способности человѣка развиваются: не только измѣняется ихъ природная сила, но онѣ усвоиваютъ себѣ и впечатлѣнія въ извѣстной степени. Развитіе человѣка какъ духовное, такъ и тѣлесное, пока онъ живетъ, ни въ какомъ случаѣ не останавливается; дѣло все въ томъ, какъ оно совершается: здраво, или болѣзненно,—усовершенствуются ли наши способности въ своемъ развитіи, проясняются и укрѣпляются, или на оборотъ ослабѣваютъ и тупѣютъ. Такъ въ разсмотрѣнныхъ выше случаяхъ способности наши также развиваются, но *не усовершенствуются*, онѣ слабѣютъ, а не сильнѣютъ, затемняются, а не проясняются, потому что душевные образы составляющіеся въ насъ въ этихъ случаяхъ, всегда *слабы* и *неясны*. При такихъ условіяхъ дитя можетъ развиться только слабымъ, боязливымъ, нервнымъ, раздражительнымъ человѣкомъ, страждущимъ и *тѣлесно и духовно*.

И такъ слабыя; утомляющія и болѣзненныя впечатлѣнія не укрѣпляютъ и не проясняютъ душевныхъ способностей нашихъ, но положительно разслабляютъ и притупляютъ

ихъ, ибо порождаютъ въ душѣ только одни слабые и неясные образы.

Теперь разсмотримъ *полныя* впечатлѣнія, *вполнѣ соразмѣрныя* съ воспринимающими душевными силами. Уже непосредственно за ними слѣдующее ощущеніе ясно говоритъ намъ, что такія впечатлѣнія усиливаютъ наши духовныя силы, удовлетворяютъ стремленіямъ ихъ, и чѣмъ болѣе мы воспринимаемъ подобныхъ впечатлѣній, тѣмъ бодрѣе, сильнѣе и свѣтлѣе становится духъ нашъ

Что касается до *пріятныхъ впечатлѣній*, то они хотя *пересиливаютъ* основы способностей, но *не ослабляютъ* ихъ, а напротивъ того возбуждаютъ въ нихъ еще *сильнѣйшее* стремленіе къ воспринятію впечатлѣній. Изъ этого очевидно, что пріятныя впечатлѣнія живительно, отрадно возбуждаютъ душевныя силы наши, и должны оставлять въ душѣ сильные образы. Но такъ какъ пріятное впечатлѣніе въ этомъ случаѣ *не вполнѣ* удерживается основами способностей, то и душевный образъ, возникающій вслѣдствіе такого впечатлѣнія, никогда не можетъ быть въ той степени сильнымъ и яснымъ, какъ при полномъ, вполнѣ соразмѣрномъ впечатлѣніи. Поэтому-то отъ пріятныхъ впечатлѣній большею частію происходятъ *образы желанія*, а не *представленія*.

Изъ всего этого мы можемъ сдѣлать слѣдующее заключеніе: духъ нашъ при развитіи своемъ или усиливается, или ослабляется, смотря по впечатлѣніямъ Онъ усиливается и свѣтлѣетъ, если внѣшнее впечатлѣніе вполнѣ усвоивается нами, или возбуждаетъ въ насъ новое отрадное, живительное стремленіе; онъ стается слабымъ, или еще болѣе слабѣетъ и омрачается, если внѣшнія впечатлѣнія мало удовлетворяютъ стремленіямъ нашимъ или пресыщаютъ, утомляютъ, или наконецъ разомъ потрясаютъ насъ.

27. **Отвращенія.**

Я гулялъ въ саду; вдругъ около меня начала летать пчела; невольно поднялъ я руку и сталъ отмахиваться, пока не прогналъ ея.

Ребенку хотятъ дать горькое лѣкарство; уже при одномъ разговорѣ объ этомъ ребенокъ начинаетъ противиться.

Нѣкто считалъ себя отличнымъ пѣвцомъ; другой артистъ говоритъ ему, что онъ поетъ очень плохо; между ними завязывается жаркій споръ, первый до того разгорячается, что наноситъ оскорбленіе второму.

Какъ объяснить эти и подобныя явленія?

Гуляя по саду, я чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и довольнымъ. Ощущеніе полнаго довольства и спокойствія составляетъ *сильный отрадный душевный образъ*, который слѣдовательно во время прогулки находился въ моемъ *сознаніи*. (см. стр. 132—134). Но какъ только начала летать около меня пчела, во мнѣ тотчасъ же возобновилось представленіе о боли, которую я чувствовалъ, будучи когда-то ужаленъ пчелою — это уже былъ *слабый непріятный образъ* (см. тамъ же), который вывелъ меня изъ моего прежняго, вполнѣ довольнаго состоянія, ослабилъ, такъ сказать, прежній сильный душевный образъ, вслѣдствіе чего часть отраднаго ощущенія утратилась и во мнѣ необходимо должно было тотчасъ же возникнуть стремленіе и желаніе *возстановить* первый образъ, и *отвращеніе* ко второму.

Почему ребенокъ противился принять лѣкарство? Потому что въ этомъ случаѣ въ душѣ ребенка возбуждены были въ одно время также два представленія о *пріятномъ* и *непріятномъ вкусѣ*. Представленіе о непріятномъ вкусѣ, возбужденное названіемъ лѣкарства конечно составляетъ слабый непріятный образъ, припоминаетъ ребенку о непріятномъ ощущеніи, производимомъ принятіемъ противнаго лѣкарства, и въ ребенкѣ естественно должно возникнуть тотчасъ же стремленіе и желаніе предотвратить это ощу-

щеніе *вкуса*, и онъ начинаетъ уже заранѣе противиться принятію лѣкарства.

Въ третьемъ, приведенномъ нами примѣрѣ, мы встрѣчаемъ также столкновеніе двухъ душевныхъ образовъ, вмѣстѣ возбужденныхъ: человѣкъ признаетъ себя *отличнымъ пѣвцомъ* (сильный, отрадный образъ), и въ то же время другой ему говоритъ, что *онъ поетъ очень плохо* (возбуждаетъ слабый непріятный образъ).

Какъ же происходятъ отвращенія?

Отвращенія происходятъ вслѣдствіе одновременнаго возбужденія въ душѣ нашей двухъ образовъ, одного сильнаго и дріятнаго, и другого слабаго, непріятнаго. Слабый, непріятный душевный образъ уменьшаетъ пріятное ощущеніе и довольство, доставляемое одновременнымъ сознаніемъ сильнаго душевнаго образа. Вслѣдствіе этого возникаютъ въ человѣкѣ досада, неудовольствіе и естественное стремленіе освободиться, удалиться отъ предмета, возбуждающаго въ душѣ слабый, непріятный образъ. Изъ такихъ стремленій составляются отвращенія.

Чѣмъ же *отвращенія* отличаются отъ желаній, и въ чемъ они сходны между собою?

Однородныя отвращенія такъ же точно соединяются въ душѣ нашей между собою въ одинъ образъ, какъ и однородныя понятія, сужденія и желанія; вмѣстѣ съ этимъ они постоянно усиливаются и порождаютъ *ненависть*.

Природныя свойства основъ способностей имѣютъ большое значеніе при образованіи отвращеній. Чѣмъ *чувствительнѣе* и *воспріимчивѣе* наши основы способностей, тѣмъ *легче* въ насъ можетъ образоваться отвращеніе къ какому-нибудь предмету и отъ *самой незначительной причины*, потому что въ этомъ случаѣ мы ощущаемъ самое слабое непріятное впечатлѣніе, и оно можетъ сильно дѣйствовать на насъ. Отъ сильнѣйшей или слабѣйшей *впечатлительности* основъ зависитъ природная бо̀льшая или меньшая продолжительность отвращеній. *Живость* основъ

способностей содѣйствуетъ *быстрѣйшему* образованію отвращеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скорѣйшему исчезанію ихъ.

28. Группы и ряды образовъ. Причина и слѣдствіе.—Цѣль и средство.

Предъ нами произносятъ слово «дерево»; вмѣстѣ съ этимъ въ насъ возбуждается представленіе не только о *деревѣ вообще*, но и о листьяхъ, вѣтвяхъ, сучьяхъ, о стволѣ и т. д.

При произнесеніи слова «домъ» мы тотчасъ же, какъ бы невольно, представляемъ себѣ и окна, и двери и крышу и т. д.

Отчего это?

Оттого очевидно, что каждый разъ, какъ мы видѣли какое-нибудь дерево, мы въ то же время видѣли и листья, и сучья, и стволъ и т. д. Поэтому-то въ душѣ нашей, вмѣстѣ съ представленіемъ о деревѣ вообще, *тѣсно соединились* и представленія о названныхъ различныхъ предметахъ, составляющихъ части его.

Такія соединенія различныхъ образовъ въ одномъ представленіи составляютъ группы образовъ.

Въ душѣ каждаго человѣка составляется *множество* различныхъ группъ образовъ, потому что *каждая* вещь представляется намъ какъ *предметъ болѣе или менѣе сложный*, даже химически-простыя тѣла не представляютъ въ этомъ случаѣ исключенія; такъ золото, напримѣръ, мы разсматриваемъ какъ нѣчто желтое, твердое, тяжелое и пр.

Каждое изрѣченіе, каждый стихъ, кажды разсказъ, составляютъ не *группу образовъ, а рядъ различныхъ образовъ* —Кто нѣсколько разъ приводитъ ихъ себѣ въ сознаніе въ одномъ и томъ же послѣдовательномъ порядкѣ, тотъ наконецъ будетъ знать ихъ наизусть, т е. цѣлый рядъ представленій или образовъ, содержащихся въ изрѣченіи, въ стихѣ, въ разсказѣ, запечатлѣется въ памяти его.

Если затопить печь, то она нагрѣется; во время дождя бываетъ мокро.

Если я внимательно осмотрю или изучу какой нибудь предметъ, то получу о немъ ясное представленіе.

Все это каждый изъ насъ хорошо знаетъ. Сколько разъ ни затопляли печь, она всегда нагрѣвалась (болѣе или менѣе); такъ же точно во время дождя всегда бывало мокро, и т. д. Изъ этого видно, что здѣсь являются ряды, состоящіе изъ двухъ членовъ (топить—теплота, дождь — сырость, и т. д), которые такъ тѣсно *соединены* между собою, что при названіи одного изъ нихъ (напр. дождя), тотчасъ же приходитъ въ наше сознаніе и другой (сырость, мокрота). — Первый членъ составляетъ *причину*, а второй—*слѣдствіе*.

Перевернемъ теперь эти ряды, т. е. назовемъ сперва *дѣйствіе*, а потомъ *причину*. Вслѣдствіе этого вышеприведенные примѣры выразятся такъ: кто хочетъ нагрѣть печь, тотъ долженъ затопить ее; чтобы на улицѣ сдѣлалось мокро, необходимъ дождь; кто хочетъ имѣть ясное, полное представленіе о какомъ-нибудь предметѣ, тотъ долженъ хорошенько разсмотрѣть и изучить его. Въ этихъ новыхъ перевернутыхъ рядахъ прежнее *слѣдствіе* становится *цѣлью*, а прежняя *причина* — *средствомъ*.

Изъ этого слѣдуетъ, что ряды душевныхъ образовъ, которые относятся другъ къ другу, какъ цѣль къ средству, составляютъ такіе же ряды образовъ, какъ причина и слѣдствіе, только въ обратномъ порядкѣ.

29. Желаніе и хотѣніе.

Я *хочу* нагрѣть мою комнату, потому что мнѣ холодно въ ней; въ этомъ случаѣ я стремлюсь къ пріобрѣтенію теплоты, которая слѣдовательно становится для меня *цѣлью*.

Что же нужно мнѣ для достиженія этой цѣли?

Нужно затопить печь, т. е. необходимо, чтобы въ комнатѣ была печь, въ которую надо положить дрова и потомъ достать огня и зажечь ихъ. — Всѣ эти предметы составляютъ необходи-

мыя *средства* для достиженія желаемой *цѣли*; поэтому съ стремленіемъ, желаніемъ достигнуть *цѣли*, во мнѣ непремѣнно должно возникнуть и стремленіе, желаніе доставить себѣ эти *средства*.— Но достаточно ли для этого одного желанія? — Человѣкъ бѣдный также желаетъ имѣть теплую комнату, но исполнить своего желанія онъ не можетъ, если у него нѣтъ дровъ и если онъ болѣнъ и не можетъ встать съ постели, чтобы скласть дрова въ печь и затопить ее. У меня же есть всѣ необходимыя средства; я могу исполнить мое желаніе, и потому прямо говорю: я *хочу* затопить печь. Бѣднякъ же, неимѣющій дровъ, не можетъ этого, *хотѣть*, а только *желать*.

Изъ этого слѣдуетъ, что для хотѣнія необходимы:

1) Чтобы въ душѣ возбуждено было какое-нибудь стремленіе или желаніе.

2) Чтобы къ этому желанію присоединилось сознаніе рядовъ необходимыхъ средствъ.

3) Чтобы мы могли представить себѣ осуществленіе того, къ чему стремимся, т. е. чтобы имѣли всѣ необходимыя средства для исполненія того, чего хотимъ.

При недостаткѣ третьяго условія мы можемъ только *желать* а не *хотѣть*; въ этомъ и состоитъ вся разница между *желаніями* и *хотѣніями*.

30. **Воля.**

Какъ только къ какому-либо желанію присоединяется соотвѣтствующій рядъ средствъ, и если эти средства дѣйствительно находятся въ нашемъ распоряженіи, такъ что мы въ состояніи исполнить наше желаніе, то мы можемъ сказать: *хотимъ*. Если такой процесъ повторяется въ душѣ нашей нѣсколько разъ, то вслѣдствіе остающихся и соединяющихся въ этомъ случаѣ однородныхъ слѣдовъ происходитъ въ насъ опредѣленное *готовое хотѣніе*. Въ каждомъ изъ насъ образуется впродолженіе жизни

множество *готовыхъ дѣйствій хотѣнія*. Всѣ такія различныя дѣйствія хотѣнія, вмѣстѣ взятыя, составляютъ *волю* человѣка.

Человѣческая воля поэтому не есть *простое* душевное явленіе, а *весьма сложное*. Какъ умъ есть совокупность всѣхъ въ душѣ образовавшихся понятій, разсудокъ — совокупность всѣхъ составившихся сужденій, такъ и воля человѣческая есть ничто иное, какъ совокупность всѣхъ развитыхъ и вновь образующихся въ душѣ дѣйствій хотѣнія.

31. Общій обзоръ развитія желательной способности.

I. Основы душевныхъ способностей уже по природѣ своей *стремятся* къ воспринятію впечатлѣній, но стремленія ихъ въ началѣ не имѣютъ *опредѣленнаго* направленія къ извѣстнымъ отдѣльнымъ впечатлѣніямъ. — *Опредѣленное стремленіе* возникаетъ въ основахъ тогда, когда онѣ, такъ сказать, *отвѣдали* уже *пріятныхъ впечатлѣній*. Такимъ образомъ изъ врожденнаго неопредѣленнаго стремленія основъ къ воспріятію впечатлѣній вообще происходитъ *желаніе*, т. е. стремленіе къ опредѣленнымъ отдѣльнымъ впечатлѣніямъ.

Для образованія желаній весьма важны два природныя свойства основъ—*воспріимчивость* и *живость*.—*Сильная впечатлительность* не содѣйствуетъ развитію желаній, но для образованія склонностей и страстей необходима извѣстная степень впечатлительности. Эти же природныя свойства способностей имѣютъ и важное значеніе при образованіи, отвращеній.

II. Впечатлѣнія внѣшняго міра. Отношенія ихъ къ основамъ способностей представляются намъ въ пяти видахъ: 1) впечатлѣнія слабыя; 2) впечатлѣнія полныя, вполнѣ удовлетворяющія нашимъ стремленіямъ; 3) впечатлѣнія пріятныя; 4) впечатлѣнія утомляющія и 5) болѣзненныя.

Духовныя и тѣлесныя силы наши укрѣпляются и совершенствуются только при усвоеніи *полныхъ и пріятныхъ, отрадныхъ* впечатлѣній; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ онѣ слабѣютъ.

Мы судимъ о предметахъ, считаемъ ихъ за *добро*, или *зло*, смотря потому пріятныя или непріятныя впечатлѣнія они производятъ на насъ.

III. Основные законы, по которымъ совершается образованіе желаній.

Эти законы тѣ же самые, какъ и въ развитіи познавательной способности:

1) Внѣшнія впечатлѣнія воспринимаются основами способностей и остаются въ душѣ нашей въ видѣ слѣдовъ.

2) Всѣ однородные элементы соединяются въ одно, цѣлое, въ одинъ образъ: вслѣдствіе этого закона составляются наклонности, страсти, воля.

3) Цѣлое впечатлѣніе никогда не остается вполнѣ въ душѣ нашей, но часть его всегда исчезаетъ, вслѣдствіе чего и образуется желаніе.

ОБЛАСТЬ ЧУВСТВОВАНІЙ.

—

32. **Во время бодрствованія мы всегда или сознаемъ разомъ нѣсколько душевныхъ образовъ, или они непосредственно одинъ за другимъ возбуждаются въ нашемъ сознаніи.**

Каждый можетъ собственнымъ опытомъ ежеминутно убѣждаться въ этомъ. Прочтите, или выслушайте предложеніе: *дерево при-*

носитъ плоды; въ душѣ нашей тотчасъ же приходятъ въ сознаніе три представленія, дерево — приноситъ — плоды. Эти три представленія вы должны сознавать *послѣдовательно*, какъ они произносятся, иначе вы не поймете прочитаннаго или выслушаннаго вами предложенія.

И тогда, когда мы бываемъ одни, когда никакія внѣшнія впечатлѣнія на насъ не дѣйствуютъ, не возбуждаютъ въ насъ сознанія видѣннаго и слышаннаго, въ темную ночь напримѣръ, и тогда являются предъ нами образы за образами; да, очень часто въ подобные уединенные часы и минуты цѣлое множество разнородныхъ представленій и мыслей толпятся въ нашемъ сознаніи, быстро смѣняя другъ друга.

Едва ли возможно съ точностью опредѣлить сколько именно душевныхъ образовъ въ каждомъ случаѣ разомъ становятся сознательными; такъ же точно мы не имѣемъ еще мѣрила для быстроты, съ которою одни образы слѣдуютъ за другими. Мысли могутъ появляться, исчезать, смѣняться другими съ быстротою молніи, или еще быстрѣе, но всѣ подобныя сравненія только приблизительны.

Впрочемъ даже и въ то обыкновенное время, когда мысли наши чередуются спокойно, когда мы тихо занимаемся скромными ручными работами, вязаньемъ, шитьемъ и т. п., мы легко можемъ убѣдиться, что въ сознаніи нашемъ постоянно находятся *нѣсколько* душевныхъ образовъ (самая работа, то, изъ чего она дѣлается, и проч.).

Однимъ словомъ, если мы сколько-нибудь внимательны къ самимъ себѣ, то легко убѣдимся, что въ душѣ нашей въ одно и то же время всегда сознается не одинъ какой-либо образъ, а нѣсколько, или что нѣсколько душевныхъ образовъ непосредственно одинъ за другимъ приходятъ въ наше сознаніе.

33. Всѣ душевные образы болѣе или менѣе различны между собою.

Если въ душѣ нашей соединилось столько однородныхъ слѣдовъ въ одинъ образъ, что мы можемъ ясно представить предметъ, производящій на насъ впечатлѣніе, то мы говоримъ, что имѣемъ *представленіе* объ этомъ предметѣ. (см. стр 63). Такое соединеніе однородныхъ слѣдовъ въ одинъ образъ необходимо для составленія *каждаго* представленія. Но представленіе о красномъ цвѣтѣ происходитъ и составляется изъ *другихъ* впечатлѣній, нежели представленіе о зеленомъ цвѣтѣ. Когда мы видимъ *красный цвѣтъ* и слышимъ слово «*красный*», то на зрѣніе и на слухъ нашъ дѣйствуютъ другія свѣтовыя и звуковыя впечатлѣнія: нежели при смотрѣніи на *зеленый* цвѣтъ, и при слышаніи слова «*зеленый*». Представленіе «твердый» мы оставляемъ себѣ посредствомъ осязанія и т. д. Въ этомъ отношеніи слѣдовательно всѣ наши представленія или душевные образы болѣе или менѣе различны между собою.

Далѣе: одно представленіе состоитъ обыкновенно изъ бо́льшаго числа слѣдовъ, другое изъ ме́ньшаго, потому что число слѣдовъ зависитъ отъ того, сколько разъ одно и то же впечатлѣніе дѣйствовало на основы способностей. Сами эти воспринимающія основы въ одномъ томъ же человѣкѣ бываютъ уже отъ природы различны, а потому и развиваются различно, завися въ своемъ развитіи еще отъ дѣйствующихъ на нихъ внѣшнихъ впечатлѣній. У меня отъ природы можетъ быть ясное, зоркое зрѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень слабый слухъ, или тупое осязаніе и т. д. Во время развитія моего на восполненіе этихъ природныхъ недостатковъ въ чуствахъ слуха и осязанія не было обращено надлежащаго вниманія; поэтому естественно, что представленія о предметахъ, полученныя мною вслѣдствіе впечатлѣній, воспринятыхъ чувствомъ зрѣнія, будутъ конечно яснѣе, свѣтлѣе, отчетливѣе всѣхъ другихъ

представленій, полученныхъ посредствомъ слуха, осязанія и пр. Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ представленія, составившіяся въ душѣ нашей, всегда болѣе или менѣе различны и не только по *содержанію* своему, но и по *качеству*.

Основаніемъ для образованія понятій сужденій и умозаключеній служатъ отдѣльныя представленія (см. стр. 88 — 100). Слѣдовательно, если между отдѣльными представленіями, которыя составляютъ основные простѣйшіе душевные образы, существуетъ большее или меньшее различіе, то и между понятіями, сужденіями и умозаключеніями, составляющими болѣе сложные душевные образы, необходимо должно быть также еще большее *различіе*.

Сходны между собою понятія бываютъ только въ томъ, что всѣ они происходятъ отъ соединенія или сліянія въ одинъ образъ общихъ или однородныхъ элементовъ, встрѣчаемыхъ въ различныхъ отдѣльныхъ представленіяхъ; *различны* же понятія потому, что одни изъ нихъ образовались изъ соединенія однихъ однородныхъ частей, другіе изъ другихъ; въ составъ одного понятія могло войти больше и болѣе ясныхъ однородныхъ элементовъ, въ составъ другаго меньшее количество и менѣе ясныхъ, потому что количество и отчетливость, полнота входящихъ въ извѣстное понятіе однородныхъ элементовъ зависятъ отъ количества и отчетливости и полноты отдѣльныхъ представленій, изъ которыхъ, такъ сказать, извлечены эти однородные элементы, и которыя бываютъ, какъ мы выше видѣли, весьма различны. То же самое относится и къ сужденіямъ и къ умозаключеніямъ.

Если мы сравнимъ теперь отдѣльныя желанія между собою, то найдемъ, что всѣ они *сходны* между собою въ томъ, что происходятъ вслѣдствіе исчезанія по крайней мѣрѣ части извѣстнаго нетвердо усвоеннаго основами способностей впечатлѣнія (см. стр. 121 — 123). Но уже самый поверхностный взглядъ на такое образованіе желаній ясно доказываетъ, что въ одномъ случаѣ большая часть впечатлѣній можетъ изчезнуть, въ другомъ

меньшая, что самое исчезаніе совершается медленнѣе или быстрѣе и что уже однѣми этими причинами необходимо обусловливается различнѣйшее развитіе отдѣльныхъ желаній. Кромѣ того два желанія всегда различаются между собою еще тѣмъ, что одно стремится къ одному опредѣленному впечатлѣнію, другое къ другому, и что каждое изъ нихъ можетъ стремиться съ *различною силою*, т. е. быть слабѣе или сильнѣе.

Въ отвращеніяхъ мы находимъ такое же различіе. Отдѣльныя склонности, страсти, какъ гораздо сложнѣйшіе душевные образы, должны быть поэтому еще различнѣе.

Для выраженія хотѣнія и воли необходимо каждый разъ *желаніе* (служащее имъ основаніемъ). Если же мы убѣдились, что отдѣльныя желанія между собой весьма различны, то тѣмъ болѣе должны быть различны дѣйствія воли.

Изъ всего предъидущаго ясно слѣдуетъ, что между всѣми душевными образами (представленіями, понятіями, желаніями, и т. д.) существуетъ бо́льшее или меньшее различіе, и нѣтъ двухъ отдѣльныхъ образовъ, которые были бы совершенно одинаковы, тождественны, иначе они необходимо слились бы въ одинъ образъ.

Такъ же точно и во внѣшней природѣ, между милліонами произведеній ея, мы никогда не встрѣтимъ и не найдемъ и двухъ совершенно одинаковыхъ предметовъ.

34. Рядомъ съ сознаваемыми въ одно время душевными образами непосредственно тотчасъ же чувствуется и различіе между ними. Чувствованія.

Выходя изъ душной комнаты на свѣжій воздухъ, мы тотчасъ же получаемъ пріятное, освѣжительное ощущеніе.

Выходя же изъ душной комнаты въ такую же душную комнату,

или изъ свѣжаго воздуха на свѣжій воздухъ, мы не чувствуемъ никакой перемѣны, въ насъ не проявляется никакого новаго ощущенія или чувства.

Чѣмъ объяснить это?

Разобравъ приведенные случаи, мы находимъ: 1) что въ обоихъ случаяхъ приходятъ вмѣстѣ въ сознаніе *два душевные образа*, въ первомъ случаѣ ощущенія душнаго и свѣжаго воздуха, во второмъ—душнаго и душнаго, свѣжаго и свѣжаго воздуха; 2) въ первомъ случаѣ оба сознаваемые образа весьма *различны* между собою, а второмъ они весьма *сходны*, или почти равны. Въ первомъ случаѣ различныя внѣшнія впечатлѣнія дѣйствуютъ естественно *различно* на воспринимающія ихъ основы, во второмъ внѣшнія впечатлѣнія дѣйствуютъ почти одинаково.

Вслѣдствіе этой разницы во внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, мы въ первомъ случаѣ и имѣли ощущеніе освѣжающее.

Какимъ же образомъ оно произошло?

Ясно, что никакое другое обстоятельство не могло здѣсь имѣть вліянія на возбужденіе въ насъ пріятнаго, освѣжительнаго ощущенія, какъ только одновременное сознаніе двухъ различныхъ воспріятій: *душный и свѣжій воздухъ*. Различіе ихъ тотчасъ же появилось въ нашемъ сознаніи или, иначе говоря, при встрѣчѣ этихъ двухъ различныхъ воспріятій въ насъ тотчасъ же возбудилось третье ощущеніе, именно чувствованіе или сознаніе ихъ различія. Чувство это должно было быть *пріятнымъ, освѣжающимъ*, потому что присоединяющееся воспріятіе «свѣжій воздухъ» обнаруживаетъ свое освѣжающее свойство въ отношеніи къ воспріятію «душный воздухъ», но *только въ отношеніи къ нему*; ибо во второмъ приведенномъ случаѣ мы также сознавали два образа, но особеннаго замѣтнаго ощущенія въ насъ не произошло. Причина понятная и естественная, и состоитъ въ томъ, что между обоими воспріятіями «душный и душный воздухъ» нѣтъ *никакой разницы*, слѣдовательно мы и не могли сознавать или чувствовать ея. Какъ *одинаковые* образы, они, по закону

взаимнаго притяженія однородныхъ элементовъ, должны были слиться въ одно цѣлое; поэтому не могло произойти никакого замѣтнаго, особаго чувствованія.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ душѣ нашей можетъ произойти чувствованіе только тогда, когда во 1-хъ) въ сознаніе приводятся нѣсколько образовъ, или по крайней мѣрѣ два образа въ одно время, или непосредственно одинъ за другимъ; во 2 хъ) когда эти образы различны между собою Различіе между душевными образами сообщается нашему сознанію непосредственно, само собой; и именно это непосредственное сознаніе различія между отдѣльными душевными образами, мы и называемъ чувствомъ

Равные образы не производятъ чувствованій; даже одинаковыя и непосредственно другъ за другомъ слѣдующія *ощущенія* также не возбуждаютъ ихъ, а остаются только простыми ощущеніями.

35. Продолженіе. — Составные элементы чувства.

Для того чтобы возникло какое-нибудь чувство въ душѣ, необходимо одновременное сознаніе нѣсколькихъ или по крайней мѣрѣ двухъ различныхъ душевныхъ образовъ.

Если кто-либо сознаетъ только тѣ обстоятельства, въ которыхъ онъ живетъ, и не испыталъ никакихъ другихъ, то, хотя бы эти обстоятельства были до того, скудны, что онъ едва можетъ прокормить себя, сознаваемыя представленія объ нихъ не возбудятъ въ душѣ его никакого непріятнаго чувства. Это мы видимъ на многихъ людяхъ, которые живутъ въ очень бѣдныхъ обстоятельствахъ и нисколько не жалуются на свое положеніе. О такихъ людяхъ обыкновенно говорятъ, что они «не знаютъ лучшей жизни», и въ этомъ очень много правды. Если бы тотъ же самый

человѣкъ прежде жилъ въ лучшихъ обстоятельствахъ, испыталъ лучшую жизнь, то въ немъ мгновенно къ сознаваемому имъ представленію о теперешнемъ бѣдномъ положеніи его тотчасъ бы присоединилось представленіе о прежнемъ лучшемъ положеніи, и онъ уже не былъ бы спокоенъ и такъ доволенъ, какъ прежде; ему было бы больно видѣть себя въ такомъ жалкомъ состояніи. Тяжелое горькое чувство, которое возникло бы въ его душѣ въ этомъ случаѣ, происходило бы очевидно оттого, что представленіе о теперешнемъ его состояніи сравнивалось съ представленіемъ о прежнемъ, болѣе лучшемъ положеніи, или *измѣрялось* имъ, и вмѣстѣ съ этимъ различіе обоихъ положеній находилось бы въ его сознаніи.

Душевные образы (въ приведенномъ примѣрѣ *представленіе* о прежнемъ лучшемъ положеніи), съ которыми сравниваются или посредствомъ которыхъ *измѣряются* другіе, мы можемъ назвать, для большой ясности, основаніемъ чувства (потому что по причинѣ или на основаніи ихъ возникло чувство), или мѣриломъ, которымъ измѣряются теперешнее состояніе или теперешнія обстоятельства. И то, и другое представленіе вмѣстѣ, т. е. мѣрило и настоящее положеніе, представляютъ составныя части возникнувшаго чувства; они вмѣстѣ возбудили, произвели это чувство, и потому ихъ можно также назвать производителями или возбудителями чувства.

Положимъ теперь, что обѣднѣвшій человѣкъ снова поправилъ свои дѣла; какъ должна подѣйствовать на него такая отрадная перемѣна? Здѣсь возможны три случая:

1) Прежнее лучшее состояніе его остается мѣриломъ, которымъ онъ измѣряетъ теперешнее *поправленное* положеніе свое. При этомъ конечно въ немъ возбудится чувство довольства, спокойствія, потому что между обоими положеніями нѣтъ большой разницы.

2) Если онъ будетъ измѣрять свое теперешнее положеніе прежнимъ бѣднымъ положеніемъ своимъ, то въ такомъ случаѣ воз-

бужденное въ немъ чувство довольства будетъ гораздо сильнѣе, отраднѣе, потому что происшедшая благопріятная для него перемѣна между обоими состояніями будетъ велика.

3) Этотъ человѣкъ еще не успѣлъ опомниться отъ прежняго несчастнаго положенія, не успѣлъ освободиться отъ того тяжелаго горькаго чувства, которое возникло въ немъ вслѣдствіе сознанія разницы между первоначальнымъ хорошимъ положеніемъ его и тѣмъ бѣдственнымъ, изъ котораго онъ только что вышелъ. Въ такомъ случаѣ онъ еще не чувствуетъ, не сознаетъ отрадной перемѣны своего вновь улучшеннаго состоянія, и въ немъ продолжается сознаніе прежней горькой разницы, которое и производитъ въ немъ чувство недовольства.

Послѣдній случай можетъ довольно часто повторяться въ началѣ вновь улучшеннаго положенія человѣка, потому что, находясь въ бѣдныхъ обстоятельствахъ, онъ постоянно соединялъ ихъ въ сознаніи своемъ съ первоначальными счастливыми обстоятельствами, и вслѣдствіе этого тѣ и другія необходимо должны были тѣсно соединиться въ душѣ его въ группы или въ ряды образовъ, такъ что при воспоминаніи объ однихъ обстоятельствахъ въ то же время припоминаются и другія и возбуждаютъ прежнее тяжелое чувство, которое не позволяетъ человѣку тотчасъ же почувствовать свое новое улучшенное положеніе. Такое безотрадное чувство можетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока составныя части или возбудители его, воспоминанія о первоначальныхъ хорошихъ обстоятельствахъ и слѣдовавшихъ за ними бѣдственныхъ, остаются тѣсно соединенными между собою и приходятъ всегда въ одно время въ сознаніе.

Но нерѣдко встрѣчаются люди, которые быстро и до того забываютъ свое недавнее бѣдственное положеніе, что не могутъ представить себѣ того, что они чувствовали тогда, и вообще не понимаютъ положенія бѣднаго человѣка. Какъ объяснить себѣ такія явленія?

Слѣдующимъ образомъ: настоящее счастливое положеніе до того

занимаетъ всю душу ихъ, до того наполняетъ всѣ ихъ помыслы, желанія и чувства, что ни для какихъ другихъ ощущеній въ нихъ нѣтъ мѣста. Вслѣдствіе этого представленіе о прежнемъ бѣдственномъ состояніи мало по малу совершенно исчезаетъ въ нихъ и уже не возбуждаетъ никакого чувствованія.

Слѣдовательно каждое чувство можетъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока составныя части его, приходящія въ одно время въ сознаніе, остаются въ тѣсной связи между собою; но коль скоро связь эта нарушается, т. е. составныя части чувства не приходятъ въ сознаніе одновременно, то и не можетъ произойти прежняго чувства.

Въ этомъ и состоитъ все различіе между чувствами, представленіями и желаніями: послѣднія, т. е. представленія и желанія продолжаются и хранятся самостоятельными слѣдами; чувства же продолжаются до тѣхъ только поръ, пока составныя части ихъ, тѣсно соединяясь между собою, составляютъ группы и ряды душевныхъ образовъ, ибо чувство есть ничто иное, какъ сознаніе различія между отдѣльными душевными образами, одновременно приходящими въ наше сознаніе.

И такъ чувства не представляютъ новыхъ особенныхъ душевныхъ образовъ, а только новое особеннаго рода *сознательное* состояніе прежнихъ образовъ; точно такъ же бѣлый предметъ, находясь возлѣ менѣе бѣлаго, кажется бѣлѣе.

36. **Объемъ и сила чувства.**

Во время бодрствованія мы сознаемъ всегда нѣсколько душевныхъ образовъ вдругъ, или одинъ за другимъ, и всѣ эти образы бываютъ болѣе или менѣе различны между собою.

Если же, что доказываетъ изложенное въ предъидущихъ параграфахъ, при одновременномъ сознаніи нѣсколькихъ различныхъ

образовъ, *каждый разъ* мы сознаемъ, чувствуемъ различіе между ними, то изъ этого слѣдуетъ, что ни на одно мгновеніе въ жизни мы не бываемъ безъ чувствованій. Подтверждаютъ ли это наблюденія надъ постоянными явленіями въ жизни? По видимому нѣтъ. Какое чувство имѣете вы теперь, когда въ душѣ вашей сознаются довольно много образовъ? При *поверхностномъ* вниманіи вы не ощутите въ себѣ особеннаго чувства. И въ самомъ дѣлѣ при обыкновенныхъ представленіяхъ, не возбуждающихъ въ душѣ ни радости, ни печали, въ насъ не проявляется почти никакого чувства Это впрочемъ весьма естественно, ибо если отдѣльные, въ одно время сознаваемые душевные образы *не рѣзко* отличаются между собою, то не можетъ произойти и *особенно замѣтнаго* чувства.

Но и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, все-таки мы не остаемся совершенно *безъ* чувствованій, что опять вполнѣ естественно и необходимо, потому что между всѣми одновременно сознаваемыми представленіями существуетъ всегда какое-нибудь, хоть едва ощутительное различіе, которое и порождаетъ извѣстное чувство. При болѣе внимательномъ наблюденіи мы можемъ тотчасъ же убѣдиться въ этомъ. Я чувствую, напримѣръ, что понятіе, составленное мною о какомъ-нибудь предметѣ со словъ другихъ, или изъ чтенія, становится *яснѣе* при появленіи самаго предмета. Точно такъ же никто не смѣшаетъ представленіе съ желаніемъ. Различіе всѣхъ этихъ образовъ всегда сознается нами, и это сознаніе есть уже чувство.

Но конечно въ общежитіи мы называемъ чувствами только проявленія рѣзкихъ различій.

Стало-быть и чувства различаются между собою: одни бываютъ *сильнѣе*, другіе—*слабѣе*, а иныя до того слабы, что мы, при невниманіи, вовсе не замѣчаемъ и не считаемъ ихъ чувствами.

Кто всегда здоровъ, тотъ не чувствуетъ отъ этого состоянія особеннаго удовольствія; но пусть только онъ заболѣетъ, и снова выздоровѣетъ, то будетъ чрезвычайно радоваться своему здоровью.

Богачъ также не особенно радуется своему богатству; онъ совершенно равнодушно выигрываетъ за картами тысячу рублей, тогда какъ бѣднякъ приходитъ въ восторгъ отъ полученныхъ нѣсколькихъ копѣекъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что чѣмъ больше различіе между одновременно сознаваемыми душевными образами, тѣмъ сильнѣе и живѣе происходящее отъ этого чувство, и на оборотъ: чѣмъ различіе между этими образами менѣе, незамѣтнѣе, тѣмъ слабѣе возбуждаемое имъ чувство.

37. Одна и та же душевная дѣятельность можетъ быть въ одно и то же время представленіемъ, желаніемъ и чувствомъ.

Посмотри-ти на эту картину. Видѣли ли вы ее? Теперь я ее возьму прочь. Опишите мнѣ, что вы видѣли.

Изъ вашего описанія я вижу, что вы получили о картинѣ представленіе. Но не одно только представленіе.

Какъ вамъ понравилась эта картина?

Вы съ наслажденіемъ смотрѣли на нее, слѣдовательно она вамъ нравится. Къ душевнымъ образамъ, которые находились въ сознаніи вашемъ при видѣ картины, присоединился новый образъ, и различіе между нимъ и прежними образами возбудило въ васъ пріятное чувство, слѣдовательно рядомъ съ *представленіемъ* въ васъ проявилось и *чувство*.

Отчего же вы все посматриваете на свернутую картину? Вамъ, видно, хочется еще разъ видѣть ее? Что этимъ доказывается?

Зрительная способность ваша, воспринявшая пріятное впечатлѣніе отъ картины, утратила извѣстную часть этого впечатлѣнія, поэтому она стремится пополнить исчезнувшую часть впечатлѣнія, и вы желаете снова видѣть картину.

И такъ видъ картины имѣлъ на васъ троякое дѣйствіе:

1, На сколько впечатлѣніе отъ картины соединилось съ зрительною способностью вашею, на столько образовалось въ душѣ вашей *представленіе*.

2) На сколько это представленіе различается отъ другихъ сознаваемыхъ вами въ то же время образовъ, на столько въ душѣ вашей образовалось *чувство*.

3) На сколько зрительная способность ваша утратила воспринятаго отъ картины впечатлѣнія, на столько же явилось въ душѣ вашей *желанія* воспринять то же впечатлѣніе.

Слѣдовательно одна и та же дѣятельность души (воспринятіе впечаслѣній отъ картины) сдѣлалась и представленіемъ, чувствомъ, и желаніемъ. Это часто бываетъ.

Представленіе, желаніе и чувство представляютъ только три различныя формы или три вида проявленія одной и той же духовной дѣятельности; при этомъ одна изъ трехъ формъ обыкновенно преобладаетъ.

38. Пріятныя и непріятныя чувства.

Внѣшнія впечатлѣнія находятся въ различныхъ отношеніяхъ къ воспринимающимъ ихъ основамъ способностей (см. стр. 108—113).

Если на душевныя способности дѣйствуетъ болѣе впечатлѣній, чѣмъ нужно для ихъ удовлетворенія, и при этомъ душевныя способности не только не утомляются, а напротивъ того, получаютъ еще новое, живое, порывистое возбужденіе, то въ такомъ случаѣ всегда возникаетъ въ насъ пріятное чувство, потому что мы тотчасъ же *сознаемъ отрадную перемѣну*, происшедшую въ душевномъ состояніи нашемъ. Пріятныя чувства, возникающія въ душѣ нашей такимъ образомъ, могутъ быть по силѣ своей весьма различны, по той причинѣ, что внѣшнія впечатлѣнія въ *различной степени* возбуждаютъ ихъ; мы выражаемъ это раз-

личіе словами: удовольствіе, радость, наслажденіе, восхищеніе, восторгъ, блаженство и пр.

Если внѣшнія впечатлѣнія дѣйствуютъ слабо на душевныя способности, такъ сказать, не насыщаютъ ихъ, не удовлетворяютъ ихъ стремленіямъ, тогда происходитъ *чувство неудовлетворенія* или *неудовольствія*.

Если впечатлѣнія мало по малу усиливаются и наконецъ пересиливаютъ душевныя способности, такъ сказать, надоѣдаютъ имъ, пресыщаютъ ихъ, то въ такомъ случаѣ возникаетъ въ насъ *чувство пресыщенія*, *утомленія*, *отвращенія* и пр.

Если впечатлѣнія разомъ и внезапно слишкомъ сильно дѣйствуютъ на душевныя силы наши, то вслѣдствіе этого происходятъ въ насъ *чувства боли*.

Во всѣхъ трехъ случаяхъ слѣдовательно въ насъ возбуждаются *непріятныя чувства*, которыя *по силѣ* своей бываютъ также различны, какъ и пріятныя чувства.

39. Одно и то же впечатлѣніе не всегда производитъ одинаковое чувство.

Многіе больные не могутъ переносить даже обыкновеннаго дневнаго свѣта, малѣйшій шорохъ приводитъ ихъ въ содраганіе. Какъ это объяснить? Внѣшнія впечатлѣнія въ этомъ случаѣ не виноваты, иначе бы и здоровый человѣкъ чувствовалъ то же самое; причину слѣдовательно надо искать въ *состояніи основъ способностей* больного. И дѣйствительно: болѣзнь до того ослабила ихъ, до того разстроила нервы больного, что самое обыкновенное, вовсе не сильное внѣшнее впечатлѣніе слишкомъ сильно дѣйствуетъ на душевныя силы и производитъ чувство боли. Стоитъ больному только выздоровѣть, и раздражительность, нервность его тотчасъ же исчезнетъ, и основы способностей станутъ по прежнему совершенно спокойно воспринимать обыкновенныя впечатлѣнія.

Слѣдовательно: отъ состоянія основъ способностей зависитъ, какое именно чувство можетъ быть возбуждено однимъ и тѣмъ же впечатлѣніемъ.

Далѣе. Голодный бѣднякъ благословляетъ небо, если находитъ случай насытиться самою простою пищею, между тѣмъ какъ богачъ, привыкшій къ изысканнымъ гастрономическимъ блюдамъ, едва ли рѣшится отвѣдать ея. Человѣкъ, живущій въ столицѣ, равнодушно проходитъ по улицамъ, не обращая вниманія ни на пестрыя окна роскошныхъ магазиновъ, ни на великолѣпныя зданія, памятники и пр. Поселянинъ же, въ первый разъ пріѣхавшій въ городъ, останавливается почти на каждомъ шагу и съ удивленіемъ смотритъ даже на самыя обыкновенныя вещи: все его поражаетъ. Стало-быть и здѣсь одно и то же впечатлѣніе производитъ различное чувство. Причиною этому не можетъ быть само впечатлѣніе, потому что оно во всѣхъ случаяхъ остается однимъ и тѣмъ же. Здѣсь нельзя искать причины и въ состояніи основъ способностей, ибо мы предполагаемъ, что онѣ совершенно здоровы. Слѣдовательно должна быть еще третья причина.

Бѣднякъ, насыщаясь простою пищею, сравниваетъ насыщеніе это съ прежнимъ голоднымъ состояніемъ и чувствуетъ *удовольствіе* Богачъ же, принимая простую пищу, сравниваетъ ее съ своими пряными явствами, которыя онъ ежедневно употребляетъ; они служатъ ему *мѣриломъ*, и потому чувство, возбуждаемое простою пищею, для него естественно должно быть *непріятное*.

Если городской блескъ доставляетъ крестьянину большое удовольствіе, тогда какъ горожанинъ совершенно равнодушенъ къ нему, то это происходитъ очевидно оттого, что крестьянинъ невольно сравниваетъ новыя городскія впечатлѣнія съ своими деревенскими, а горожанинъ не имѣетъ *мѣрила*, столь рѣзко отличающагося, и слѣдовательно городскіе предметы не производятъ въ немъ никакого особеннаго чувства.

То же самое бываетъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Все зависитъ отъ того, съ какими душевными образами од-

новременно сознается настоящее впечатлѣніе, или что служитъ мѣриломъ для извѣстной дѣятельности.

Поэтому во 1-хъ, не только состояніе, расположеніе и свойство основъ способностей, но во 2-хъ) и сознаваемые рядомъ съ ними душевные образы бываютъ причиною тому, что одно и то же впечатлѣніе не всегда возбуждаетъ одинаковое чувство.—Другое мѣрило,—другое сравненіе, а слѣдовательно и другое чувство.

Этимъ объясняется также, почему одинъ и тотъ же предметъ иногда доставляетъ намъ удовольствіе, а иногда неудовольствіе.

40. Чувства пріятнаго, высокаго и прекраснаго.

Чувства эти конечно представляютъ только различныя степени одного и того же чувства. Они происходятъ только въ томъ случаѣ, когда внѣшнія впечатлѣнія съ особенною полнотою дѣйствуютъ на душевныя способности, производятъ въ нихъ отрадныя, оживляющія ощущенія,—и обусловливаются не только *различными свойствами такихъ впечатлѣній*, но и *различнымъ состояніемъ основъ способностей*.

Когда въ знойный лѣтній день подуетъ прохладный вѣтерокъ когда мы веселимся и пляшемъ, или бесѣдуемъ съ друзьями; когда послѣ долгой зимы начинаетъ оживать природа, и нѣжное благоуханіе первыхъ цвѣтовъ наполняетъ весенній воздухъ: то намъ бываетъ *пріятно*, въ насъ возбуждается *пріятное чувство*.

Когда въ вечерней тишинѣ раздается благовѣстъ, или мы слышимъ согласное церковное пѣніе; когда мы видимъ закатъ или восходъ солнца на морѣ, въ горахъ или въ степи; когда въ тихую ночь мы засмотримся на звѣздное небо: тогда въ душѣ нашей пробуждается также *пріятное чувство*.

Но между обоими пріятными чувствами существуетъ большое

различіе, и мы тотчасъ же при первомъ возбужденіи того или другаго чувства сознаніемъ это различіе, называемъ первое — просто *пріятнымъ*, а второе—*высокимъ*, *возвышеннымъ*.

Въ чемъ же состоитъ сущность обоихъ чувствъ?

Въ примѣрахъ перваго рода получаемое нами впечатлѣніе довольно просто и обыкновенно; поэтому оно возбуждаетъ основы способностей легко и живо, и онѣ легко и быстро могутъ усвоить это впечатлѣніе, если обладаютъ только *достаточною воспріимчивостью и живостью*.

Въ примѣрахъ же послѣдняго рода впечатлѣніе, воспринимаемое нами, гораздо обширнѣе, величественнѣе и дѣйствуетъ на насъ съ бо́льшею, постепенно возрастающею силою. Основы способностей поэтому должны быть одарены *бо́льшею силою*, обладать *сильнѣйшею впечатлительностью*, чтобы удержать и усвоить такія впечатлѣнія

Далѣе: когда свѣжая, молодая зелень украшаетъ луга и поля, когда мы слышимъ простую народную пѣсню, когда представляется нашимъ взорамъ красивая мѣстность,—то все это доставляетъ намъ удовольствіе, производитъ въ насъ также *пріятное чувство*; но мы не называемъ его ни пріятнымъ, ни высокимъ, а *прекраснымъ*. Въ этомъ случаѣ на насъ дѣйствуютъ тихія отрадныя впечатлѣнія, которыя успокоиваютъ, услаждаютъ насъ, и для усвоенія ихъ основамъ способностей достаточно обладать только *нѣкоторою живостью и впечатлительностью*.

Мы знаемъ, что низшія чувства наши (вкусъ, обоняніе) слишкомъ слабо удерживаютъ впечатлѣнія, т. е. они почти вовсе не обладаютъ *впечатлительностью* (см. стр. 51 — 56); поэтому то въ этихъ чувствахъ никогда не могутъ произойти ощущенія прекраснаго и высокаго.

Чувства прекраснаго и высокаго называются *эстетическими* или *изящными*, и только одинъ человѣкъ способенъ развить ихъ въ себѣ посредствомъ прекрасныхъ и высокихъ впечатлѣній, дѣй-

ствующихъ на *высшія* чувства: зрѣніе и слухъ, которыя одарены отъ природы высшею *впечатлительностью*.

41. Продолженіе.

Предъидущее недостаточно объясняетъ эстетическія чувства; для этого намъ должно рѣшить еще слѣдующіе вопросы: въ чемъ собственно состоитъ сущность ихъ? Отчего иные люди при прекрасныхъ, высокихъ явленіяхъ остаются совершенно равнодушными? Отчего одни и тѣ же эстетическія чувства возбуждаются различными предметами? Отчего, наконецъ, въ нѣкоторыхъ людяхъ скорѣе возникаетъ чувство высокаго, чѣмъ прекраснаго? Постараемся объяснить эти вопросы по порядку.

Я вижу фіалку и невольно приписываю ей качества скромности, потому что она растетъ уединенно, какъ бы скрываясь отъ любопытныхъ взоровъ. Такимъ образомъ я придаю цвѣтку качество, которое при видѣ его возбудилось въ моемъ сознаніи. Свойственно ли это качество природѣ фіалки, не знаю, но только я убѣжденъ, что крапиву, напримѣръ я, никакъ не могу представить себѣ скромною; она должна казаться мнѣ скорѣе сердитою, злою, потому что, при прикосновеніи, непріятно дѣйствуетъ на мое осязаніе. Далѣе: одушевлена ли роза любовію, лилія невинностію, тюльпанъ гордостью, этого я также не знаю; но впечатлѣніе, производимое на меня этими цвѣтами, невольно возбуждаютъ во мнѣ представленія и ощущенія упомянутыхъ качествъ. Эти качества я имъ приписываю и, вслѣдствіе этого, смотрю на нихъ, *иначе*, *глубже*, и влагаю въ нихъ *мое собственное чувство*, возбудившееся во мнѣ при видѣ ихъ. То же самое дѣлаю я, когда представляю себѣ дубъ символомъ силы, морскую скалу изображеніемъ непоколебимости и постоянства; когда быстротекущая рѣка кажется мнѣ символомъ человѣческой жизни, а развалены символомъ превратности всего земного и т. д. Пока всѣ эти предметы представляются мнѣ только съ *одной наружной*

стороны своей, до тѣхъ поръ они производятъ на меня только одно *чувственное* впечатлѣніе и возбуждаютъ въ моемъ сознаніи соотвѣтствующія имъ *представленія*; но коль скоро я стану смотрѣть на нихъ, какъ изложено выше, то они возбудятъ во мнѣ и *эстетическое чувство*. При этомъ я какъ бы стараюсь проникнуть въ ихъ внутреннее бытіе и разгадать его.

Все то, что посредствомъ такого соединенія внѣшнихъ и внутреннихъ свойствъ производитъ въ насъ тихую радость, такъ напр. лилія, роза и т. д., мы называемъ прекраснымъ; а все то, что воодушевляетъ насъ, приводитъ въ возвышенный восторгъ, какъ напр. скалы, звѣздное небо, закатъ и восходъ солнца, мы называемъ высокимъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы чувствуемъ какое-то особенное напряженіе и возвышеніе нашихъ душевныхъ силъ. Въ этомъ состоитъ *сущность* эстетическихъ чувствъ.

Отчего же многіе люди остаются совершенно равнодушными при видѣ прекрасныхъ и высокихъ явленій?—Оттого, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ способности уже по природѣ своей не имѣютъ свойствъ, необходимыхъ для воспріятія и усвоенія прекрасныхъ и высокихъ впечатлѣній, а другіе, хотя и получили отъ природы всѣ необходимыя для этого данныя, но эти данныя остались въ нихъ нетолько совершенно неразвитыми, но и были заглушены, подавлены постоянно дѣйствовавшими на нихъ слабыми, тяжелыми, болѣзненными и вообще неблагопріятными впечатлѣніями. Первые составляютъ ненормальныя явленія; послѣдніе встрѣчаются чаще, и ясно доказываютъ, что безъ эстетически-образованныхъ руководителей все прекрасное и высокое для многихъ остается сокрытымъ, какъ будто оно и не существуетъ.

Для чувствованія необходимо, какъ мы видѣли, *извѣстное мѣрило*. Какъ только это мѣрило *измѣняется*, вмѣстѣ съ нимъ измѣняются и *самыя чувства* (См. стр. 147 — 150). При продолжающемся развитіи человѣка, прежнее мѣрило не можетъ оставатся неизмѣннымъ.

Картинки, дѣтскіе стишки въ нашихъ книжкахъ, легкія музы-

кальныя піесы и т. д., которые казались намъ прекрасными, когда мы были дѣтьми, не соотвѣтствуютъ уже болѣе тѣмъ образцамъ, которые мы, взрослые, усвоили себѣ, и съ которыми мы ихъ сравниваемъ. Эти новые, болѣе совершенные образцы, слѣдовательно, не позволяютъ намъ по прежнему наслаждаться упомянутыми предметами, которые не увлекаютъ насъ и не возбуждаютъ въ насъ прежнихъ пріятныхъ чувствъ. Такимъ образомъ объясняется, что чувства прекраснаго и высокаго не только въ различныхъ людяхъ, но и въ одномъ и томъ же человѣкѣ, въ различный возрастъ и при различномъ расположеніи и настроеніи духа, могутъ быть возбуждаемы разнообразными предметами. Вы встрѣтите множество людей, которые украшаютъ свои столы и туалеты и убираютъ комнаты разными бюстиками, статуетками, флаконами, этажерками, альбомами и другими галантерейными вещицами, и восхищаются ими гораздо болѣе, чѣмъ истинно художественными статуями, картинами и пр. Все это доказываетъ конечно, что эстетическое образованіе ихъ весьма несовершенно.

Наконецъ, что иные люди способнѣе сознавать и чувствовать высокое, чѣмъ прекрасное, объясняется также весьма просто. Явленія этого вы никогда не встрѣтите въ людяхъ, имѣющихъ *слабыя, тупыя способности*, но только въ тѣхъ, душевныя силы которыхъ обладаютъ *значительною впечатлительностью и воспріимчивостью*. Вслѣдствіе богатаго, сильнаго развитія душевныхъ силъ, все то, что легко дѣйствуетъ на нихъ, такъ сказать, пріятно щекочетъ только внѣшнія чувства, должно казаться мелочнымъ и приторнымъ, и не можетъ доставить удовольствія. Напротивъ же, гдѣ на людей, обладающихъ такими богатыми способностями, дѣйствуютъ предметы возвышенные, истинно художественные, однимъ словомъ, сродные съ высокимъ настроеніемъ этихъ способностей, тамъ не будетъ недостатка въ эстетическомъ чувствѣ, но оно будетъ *чувство высокаго, а не просто прекраснаго*.

Если извѣстное внѣшнее явленіе для кого нибудь слишкомъ

поразительно, какъ напр. для многихъ гроза, то въ такомъ случаѣ эстетическаго воспринятія и усвоенія этого явленія не можетъ произойти, а потому и соотвѣтствующее чувство *высокаго* также не возбудится.

Всѣ явленія, которыя могуществомъ и величіемъ своимъ возбуждаютъ сознаніе и чувство силы и величія, требуютъ сильной и энергической души; въ слабыхъ же душахъ они порождаютъ только мучительное чувство боязни, страха, потому что пробуждаютъ въ нихъ слишкомъ живое сознаніе собственной слабости.

Въ общежитіи мы многое называемъ *прекраснымъ*, что собственно должно было бы называть только *пріятнымъ*.

42. Сила чувствованія отдѣльныхъ душевныхъ образовъ.

Отъ всего, что производитъ на душу достаточное впечатлѣніе, остается въ ней *слѣдъ*.

Всѣ слѣды, смотря по степени однородности ихъ, соединяются въ одно цѣлое.

Слѣдовательно при каждомъ новомъ возбужденіи или приведеніи въ сознаніе какого-либо душевнаго образа, этотъ образъ обогащается *новымъ слѣдомъ*. Поэтому представленіе мое, напр. объ Исакіевскомъ соборѣ, который я видѣлъ можетъ-быть разъ двадцать, состоитъ изъ *столькихъ* же, т. е. изъ двадцати слѣдовъ; а представленіе о моей комнатѣ изъ нѣсколькихъ сотень слѣдовъ.

Если я желаю чего-нибудь въ *первый разъ*, то и возбужденное во мнѣ желаніе будетъ *однослѣдное* или состоящее изъ *одного* слѣда: желаніе же, повторившееся тысячу разъ, состоитъ изъ тысячи слѣдовъ.

Если какой-нибудь пріятный образъ возникъ въ душѣ моей въ первый разъ, то отъ него и останется только одинъ слѣдъ; если

же этотъ образъ былъ возбуждаемъ во мнѣ уже нѣсколько сотень разъ, то онъ и состоитъ изъ соединенія такого же числа слѣдовъ.

Кто считалъ, изъ сколькихъ слѣдовъ состоятъ его душевные образы? Конечно никто; но между тѣмъ сознаніе наше если и не опредѣляетъ намъ всего числа слѣдовъ, то говоритъ намъ довольно ясно, въ которомъ изъ душевныхъ образовъ заключается бо́льшее число ихъ. Что вы, напримѣръ, лучше знаете, свой домъ, или какое нибудь общественное зданіе? При сравненіи того и другого легко убѣдиться, что представленіе о своемъ домѣ несравненно полнѣе и яснѣе, т. е. гораздо богаче слѣдами.

Однимъ словомъ: душевный образъ, который состоитъ изъ бо́льшаго числа слѣдовъ, при одновременномъ сознаніи его съ другими образами, состоящими изъ меньшаго числа слѣдовъ, *чувствуется* нами съ бо́льшею силою; или *сила чувствованія* нами отдѣльныхъ душевныхъ образовъ зависитъ отъ числа слѣдовъ, изъ которыхъ они составлены.

43. Оцѣнка.—Добро и зло.

Все, что производитъ на насъ пріятное впечатлѣніе, становится для насъ *добромъ*. (См. стр. 114—117.)

Вкусная пища, напримѣръ, намъ нравится, потому что производитъ пріятное впечатлѣніе на нервы вкуса, или возбуждаетъ въ нихъ пріятное ощущеніе. Вслѣдствіе этого она дѣлается для насъ *добромъ*, т. е. мы оцѣниваемъ достоинство такой пищи по пріятному ощущенію, которое она въ насъ возбуждаетъ.

На оборотъ: все, что производитъ на насъ непріятное впечатлѣніе, мы разсматриваемъ какъ *зло*.

Такъ *голодъ* мы считаемъ *зломъ*, потому что онъ возбуждаетъ въ насъ непріятное ощущеніе.

Слѣдовательно, что же значитъ оцѣнивать предметы? и что такое оцѣнка наша вообще?

Оцѣнка эта есть совокупность всѣхъ пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній, возбужденныхъ рзличными впечатлѣніями предметовъ и взаимнымъ сравненіемъ ихъ.

И такъ то, что мы называемъ *добромъ* и *зломъ*, есть ничто иное какъ пріятное или непріятное чувство, измѣряющее положительное или отрицательное для насъ достоинство предметовъ.

Это чувство обнаруживается въ нашемъ сознаніи троякимъ образомъ: 1) при первоначальномъ возбужденіи его—какъ только-что *возникающее ощущеніе*; 2) при воспроизведеніи его—какъ *пріятное и непріятное воспоминаніе*, или 3) какъ *желаніе и отвращеніе*. Въ первомъ случаѣ мы только что начинаемъ *знакомиться* съ предметами, получаемъ *первыя ощущенія* положительнаго или отрицательнаго достоинства ихъ для насъ; во второмъ—пріятныя или непріятныя воспоминанія объ этихъ предметахъ укрѣпляютъ и проясняютъ наши первоначальныя ощущенія и доставляютъ намъ то, что обыкновенно называются *практическимъ взглядомъ на міръ*; мы уже чувствуемъ, сознаемъ положительное или отрицательное достоинство предметовъ, но оно не имѣетъ *вліянія* на нашу *дѣятельность* въ отношеніи къ этимъ предметамъ. Въ третьемъ случаѣ, когда чувство положительнаго или отрицательнаго достоинства предметовъ воспроизводится въ насъ какъ *желаніе* или *отвращеніе*, мы начинаемъ дѣйствовать, стремиться къ этимъ предметамъ, или удаляемся отъ нихъ, т. е. это чувство дѣлается уже *основою* нашихъ намѣреній и дѣйствій относительно предметовъ, возбудившихъ его. Во всѣхъ трехъ случаяхъ мы измѣряемъ достоинство предметовъ *непосредственно*, т. е. для этого ничего не нужно болѣе, какъ только *одновременное* появленіе въ нашемъ сознаніи *представленій различныхъ предметовъ*.

—

44. Постепенность добра и зла.

Чтобы могло образоваться чувство, необходимо одновременное сознаніе по крайней мѣрѣ двухъ душевныхъ образовъ (см. стр. 147); одинъ изъ этихъ образовъ въ такомъ случаѣ служитъ *мѣриломъ* другому. При каждомъ новомъ, повторенномъ сознаніи тѣхъ же образовъ, повторится или возобновится и *то же чувство*, но въ немъ все-таки будетъ *нѣкоторая разница*. Мы знаемъ, что каждый душевный образъ, вновь возбужденный, становится полнѣе, отчетливѣе. То же самое бываетъ и съ пріятными или непріятными чувствами: чѣмъ они, вслѣдствіе повтореннаго возбужденія ихъ, *богаче слѣдами*, тѣмъ *рѣзче* они отличаются отъ *мѣрилъ* своихъ.

Такъ напримѣръ, если какой-нибудь предметъ произвелъ на меня *сто* разъ пріятное впечатлѣніе, а другой только 10 разъ, то первое пріятное чувство будетъ *гораздо сильнѣе въ моемъ сознаніи*, нежели второе, или другими словами: первый предметъ будетъ для меня пріятнѣе, дороже второго.

Слѣдовательно, смотримъ ли мы на предметъ какъ на большее или меньшее добро и зло,—это зависитъ отъ силы пріятнаго или непріятнаго чувства, которое этотъ предметъ въ насъ возбуждаетъ. Сила же чувства зависитъ, какъ мы только что видѣли, отъ числа соединившихся одинаковыхъ слѣдовъ, поэтому-то, что дѣйствуетъ на насъ чаще, то и составляетъ для насъ *большее* добро или зло; а что дѣйствуетъ *рѣже — меньшее*. Такимъ образомъ совершенно естественно возникаетъ для каждаго изъ насъ постепенность добра и зла (полезностей и вредностей). Послѣ этого неудивительно, что иные люди дорожатъ извѣстными предметами, которые для насъ не имѣютъ особеннаго достоинства. Ребенокъ плачетъ, потерявъ свою старую, совершенно уже испорченную игрушку; одинъ человѣкъ любитъ заниматься, другой только гулять и т. д.

И такъ относительно постепенности въ оцѣнкѣ нами различ-

ныхъ предметовъ, мы можемъ вывести слѣдующее правило: предметъ становится для насъ благомъ или зломъ въ той степени, въ какой онъ возбуждаетъ въ насъ пріятное или непріятное чувство.

45. Истинная оцѣнка предметовъ.

Изъ предъидущаго ясно слѣдуетъ, что достоинство предметовъ *для насъ* обусловливается силою пріятнаго или непріятнаго ощущенія, производимаго въ насъ этими предметами. Мы также знаемъ уже, что болѣе ясныя слѣды отъ внѣшнихъ впечатлѣній сохраняются въ тѣхъ основахъ способностей, которыя по природѣ своей совершеннѣе другихъ. — Слѣдовательно самые отчетливые слѣды должны оставаться въ *высшихъ чувствахъ*, т. е. въ зрительныхъ и слуховыхъ основахъ способностей. (См. стр. 51).

Далѣе: чѣмъ совершеннѣе отдѣльные слѣды, тѣмъ совершеннѣе и сильнѣе должны становиться и душевные образы, происходящіе изъ соединенія такихъ отдѣльныхъ слѣдовъ.

Положимъ теперь, что у развитаго человѣка во всѣхъ пяти чувствахъ каждый душевный образъ состоитъ изъ *одинаковаго числа* слѣдовъ. Но и при этомъ условіи образы, составившіеся въ высшихъ чувствахъ, будутъ гораздо сильнѣе образовъ низшихъ чувствъ; ибо въ низшихъ чувствахъ впечатлѣнія сохраняются гораздо слабѣе, чѣмъ въ высшихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что пріятное и непріятное ощущеніе, при одинаковомъ числѣ слѣдовъ, въ высшихъ чувствахъ развивается гораздо сильнѣе, нежели въ низшихъ. Такъ какъ отъ большей или меньшей силы пріятнаго ощущенія, возбуждаемаго въ насъ какимъ-нибудь предметомъ, зависитъ степень достоинства его для насъ, то поэтому для всѣхъ людей должна существовать одинаковая постепенность въ оцѣнкѣ добра и зла, сообразно которой всѣ люди должны считать предметы, дѣйствующіе на высшія чувства, *бо́льшимъ добромъ* или *зломъ*, а предметы, дѣйствующіе на низ-

шія чувства, *меньшимъ*. Эту постепенность мы и называемъ истинною оцѣнкою предмета; она есть единственное вѣрное мѣрило, которымъ должно быть измѣряемо все, что человѣкъ уважаетъ и любитъ, чего онъ желаетъ и пр., и составляетъ то, что обыкновенно называется высшимъ нравственнымъ закономъ. Этотъ высшій нравственный законъ, врожденный человѣку, требуетъ отъ насъ, чтобы мы каждый предметъ цѣнили и обходились съ нимъ согласно съ его собственнымъ истиннымъ достоинствомъ.

46. Объясненіе противорѣчія. Ложная оцѣнка.

Отчего же, если уже сама природа человѣческая заключаетъ въ себѣ основаніе этого закона, въ жизни мы обыкновенно встрѣчаемъ поступки, совершенно противорѣчащіе ему? Большинство людей ставитъ *чувственныя*, т. е. *возбуждающія низшія чувства* наслажденія выше *духовныхъ*, *воспринимаемыхъ высшими чувствами*. Такія явленія составляютъ прямое противорѣчіе природному нравственному закону, которое впрочемъ объясняется совершенно просто. Вслѣдствіе чего усиливается пріятное, или непріятное, чувство? Только вслѣдствіе скопленія слѣдовъ отъ одного и того же дѣятеля, т. е. одного и того же внѣшняго впечатлѣнія. Есть множество родителей, мамокъ, нянекъ, которыя, желая выразить свою неразумную любовь къ дѣтямъ или утѣшить ихъ въ капризахъ, пичкаютъ дѣтей различными лакомствами, т. е. возбуждаютъ постоянно пріятныя ощущенія въ *чувствѣ вкуса*, а на развитіе высшихъ чувствъ не обращаютъ никакого вниманія. Какое же бываетъ послѣдствіе этого? Хотя высшія чувства въ каждомъ здоровомъ человѣкѣ уже по природѣ своей обладаютъ сильнѣйшей впечатлительностью, чѣмъ низшія, и потому въ нихъ остаются и хранятся болѣе живые слѣды отъ воспринятыхъ впечат-

лѣній, но тѣмъ не менѣе если возбужденные въ высшихъ чувствахъ пріятные образы *бѣдны* слѣдами, то они необходимо должны уступить пріятнымъ образамъ, возбужденнымъ въ низшихъ чувствахъ и *изобилующимъ* слѣдами. Поэтому насъ не должно нисколько удивлять, что такія дѣти и многіе взрослые гораздо выше цѣнятъ хорошій столъ, чѣмъ хорошую книгу, или другое подобное высшее удовольствіе.

Слѣдовательно, несмотря на первобытную слабость и неясностсть низшихъ чувствъ составившіеся въ нихъ образы, въ слѣуствіе большаго накопленія слѣдовъ отъ часто повторяемыхъ одинаковыхъ внѣшнихъ впечатлѣній, могутъ развиться гораздо сильнѣе, чѣмъ образы въ высшихъ чувствахъ

Конечно такое исключительное развитіе низшихъ чувствъ вполнѣ *превратно*, и неизбѣжнымъ прямымъ слѣдствіемъ его является совершенное *ложное пониманіе* добра и зла. Человѣкъ, получившій такое извращенное развитіе, можетъ считать добромъ только то, что *пріятно* возбуждаетъ его низшія чувства; все же, что напрягаетъ и возвышаетъ его высшія чувства, не будетъ имѣть для него никакого достоинства. Такимъ образомъ возникаетъ въ дѣтяхъ совершенно ложная оцѣнка достоинства предметовъ. Разумѣется, оно развивается такъ же *медленно*, какъ и истинная: внезапная испорченность человѣка такъ же невозможна, какъ и внезапное облагороженіе его.

47. Сила чувства при желаніяхъ и отвращеніяхъ.

Мы только-что разсмотрѣли, вслѣдствіе какихъ причинъ и какимъ образомъ наравнѣ съ *истинною* оцѣнкою предметовъ часто развивается и ложная оцѣнка ихъ. Но мы ничего не сказали еще о томъ, какимъ образомъ онѣ обѣ проявляются въ нашихъ

дѣйствіяхъ. Пока ложная оцѣнка остается только оцѣнкою, до тѣхъ поръ она проявляется внутренно въ нашихъ чувствахъ, и если мы выразимъ эти чувства словами, то обнаружимъ этимъ только наше ложное пониманіе предметовъ или нашъ ложный взглядъ на вещи. Но когда истинная или ложная оцѣнка проявляется *съ различною силою* какъ желаніе или отвращеніе, то въ этой формѣ она обусловливаетъ всѣ наши поступки и дѣйствія.

Все однородное сливается въ душѣ въ одно цѣлое; точно такъ же и однородныя желанія и отвращенія; чѣмъ чаще они возбуждаются, т. е. чѣмъ больше обогащаются слѣдами, тѣмъ сильнѣе мы чувствуемъ ихъ и тѣмъ съ большею силою они должны проявляться въ дѣйствіяхъ нашихъ. Примѣрами этому могутъ служить всѣ душевные образы, которые мы называемъ *склонностями*, *страстями*, *пороками*. Они развиваются въ человѣкѣ иногда до такой степени, что заглушаютъ собою всѣ другія представленія, желанія и чувства, и управляютъ всѣми дѣйствіями его.

48. **Безнравственность, отсутствіе нравственной воли.**

Ко всему, что возбуждаетъ въ насъ пріятное чувство, мы стремимся, какъ къ добру, и избѣгаемъ, какъ, зла всего того, что производитъ на насъ непріятное впечатлѣніе. Если же, какъ выше было доказано, для всѣхъ людей существуетъ природная одинаковая постепенность добра и зла, то изъ этого слѣдуетъ, что и всѣ должны будутъ соображаться съ этою постепенностью, и сильнѣе желать высшаго добра и избѣгать бо̀льшаго зла, чѣмъ низшаго или ме́ньшаго.

Но подтверждаетъ ли это жизнь наша? Вотъ человѣкъ, который считаетъ здоровье высшимъ добромъ, нежели какое-нибудь чувственное скоро-преходящее наслажденіе. Но когда наслажденіе это представляется, то онъ предается ему, потому что не въ силахъ

противиться возбуждаемому имъ влеченію. Другой съ полнымъ убѣжденіемъ сознаетъ обязанность помогать неимущему, но жертвовать своими даже малѣйшими удобствами жизни для этого ему кажется слишкомъ труднымъ. Третій вполнѣ признаетъ пользу хорошихъ воспитательныхъ учрежденій; попросите его замолвить о нихъ слово, и онъ будетъ горячо говорить, сдѣлается первымъ поборникомъ такого добраго дѣла. Но не просите у него денежныхъ пособій, или другихъ какихъ-либо матеріальныхъ пожертвованій на эти заведенія:— онъ ровно ничего не дастъ. Какимъ образомъ объясняются такія, съ перваго взгляда, совершенно противоположныя явленія въ одномъ и томъ же человѣкѣ?

Какъ пріятныя и непріятныя ощущенія усиливаются вслѣдствіе соединенія бо́льшаго числа однородныхъ слѣдовъ, такъ точно и и желанія и отвращенія. Чѣмъ чаще они воспроизводятся или возбуждаются, тѣмъ сильнѣе становятся.

Если въ первомъ примѣрѣ человѣкъ и считаетъ здоровье высшимъ благомъ, чѣмъ мгновенное чувственное наслажденіе, но все-таки не можетъ сдержать своего желанія и предается этому чувственному наслажденію во вредъ здоровью, то изъ этого слѣдуетъ, что желаніе его, вслѣдствіе частаго повторенія, достигло большей силы, чѣмъ слѣдовало по истинной оцѣнкѣ.

Слѣдовательно, какъ по причинѣ слишкомъ большаго умноженія пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній происходитъ *ложная* оцѣнка, такъ точно и отдѣльныя желанія и отвращенія, вслѣдствіе слишкомъ большаго накопленія слѣдовъ, получаютъ бо́льшую силу, нежели слѣдуетъ по истинной оцѣнкѣ достигаемаго добра, или избѣгаемаго зла.

То же самое видимъ мы и въ остальныхъ приведенныхъ примѣрахъ; ибо если бы другой человѣкъ не имѣлъ *слишкомъ сильной привязанности* къ удобствамъ жизни, то ему не трудно было бы пожертвовать ими въ пользу правильно оцѣненнаго имъ высшаго блага (въ пользу благосостоянія другихъ). Наконецъ, если бы третій не любилъ такъ сильно денегъ, то не только бы

говорилъ въ пользу заведеній, которыхъ полезность онъ вполнѣ признаетъ, но и содѣйствовалъ бы процвѣтанію ихъ собственными своими матеріальными средствами.

Конечно подобныя явленія могли произойти только вслѣдствіе неправильнаго хода развитія, но тѣмъ не менѣе они часто встрѣчаются въ жизни и представляютъ собою то, что мы называемъ безнравственностью въ обширномъ смыслѣ или отсутствіемъ нравственной воли.

Слѣдовательно безнравственность есть чрезмѣрная, т. е. превосходящая мѣру истинной оцѣнки вещей, сила желаній или отвращеній.

Сообразивъ все здѣсь сказанное, мы получимъ слѣдующіе результаты:

Уклоненія отъ истинной оцѣнки вещей могутъ развиться двоякимъ образомъ:

1) Вслѣдствіе слишкомъ большаго накопленія слѣдовъ отдѣльныя пріятныя и непріятныя чувства возрастаютъ до чрезмѣрной силы и образуютъ въ насъ ложное пониманіе, ложный взглядъ на вещи; или же 2) отдѣльныя желанія и отвращенія, вслѣдствіе слишкомъ частаго возбужденія ихъ, развиваются также чрезмѣрно въ сравненіи съ истинною оцѣнкою, отчего и происходитъ безнравственность или отсутствіе нравственной воли.

Третье, существенно отличное отъ предъидущихъ, уклоненіе можетъ развиться еще вслѣдствіе того, что практическое образованіе многихъ людей не достигаетъ той степени, на которой они были бы въ состояніи понимать и оцѣнивать высшія достоинства. Такъ напримѣръ многіе вовсе не цѣнятъ теоретическихъ свѣдѣній изъ математики, астрономіи и т. д., и не цѣнятъ ихъ потому только, что остановились, и большею частью не по своей волѣ, на слишкомъ низкой ступени образованія. Такъ точно общественная польза, народное образованіе, общее просвѣщеніе во многихъ не возбуждаютъ ни малѣйшаго сочувствія вслѣд-

ствіе ихъ недостаточнаго практическаго развитія. Мы называемъ этотъ недостатокъ нравственнымъ невѣжествомъ или нравственною грубостью. Для устраненія его необходимо только дальнѣйшее образованіе, тогда какъ для уничтоженія ложной оцѣнки вещей или для прекращенія безнравственности должно прежде *искоренить* ихъ, чтобы потомъ что-нибудь лучшее могло возникнуть на ихъ мѣстѣ.

49. Нравственная свобода или нравственная свободная воля.

Если основное побужденіе къ нашей дѣятельности заключается въ пріятныхъ ощущеніяхъ и чувствахъ, возбуждаемыхъ въ насъ впечатлѣніями отъ предметовъ, то для того, чтобы мы *вѣрно оцѣнивали* эти предметы, и чтобы дѣйствія, поступки наши относительно ихъ всегда были вполнѣ справедливы, согласны съ ихъ настоящимъ достоинствомъ, намъ необходимо имѣть *истинное сознаніе* этого достоинства. Въ дѣйствительной жизни мы видимъ, какъ безконечно различно оцѣниваютъ люди одни и тѣ же предметы. Нѣтъ двухъ человѣкъ, которые бы одинаково смотрѣли на одинъ и тотъ же предметъ, духовный или матеріальный, и вслѣдствіе этого питали бы къ нему одинаковыя чувства, и обходились съ нимъ одинаково. Пища, одежда, квартира и прочія различныя матеріальныя удобства жизни одними цѣнятся высоко, другими слишкомъ низко (послѣднее встрѣчается, правда, очень рѣдко); то же самое бываетъ и съ науками, искусствами, съ честью, благородствомъ и т. д. Но все это различіе въ оцѣнкѣ предметовъ, часто совершенно противорѣчащей истинному достоинству ихъ, какъ мы видѣли, есть самое естественное слѣдствіе неправильнаго, несообразнаго съ природными законами развитія человѣка. Въ самой природѣ человѣческой заключается основаніе одной общей для всѣхъ людей постепенности въ

оцѣнкѣ добра и зла, основаніе того высшаго нравственнаго закона, который, не смотря на неправильное развитіе человѣка, постоянно заявляетъ свое присутствіе въ человѣкѣ и, словно *какой-то внутренній голосъ*, говоритъ ему: такъ долженъ ты дѣйствовать, такъ не долженъ ты поступать! Это внутренній голосъ, который мы обыкновенно называемъ совѣстью, неумолчно раздается въ насъ, въ какомъ бы расположеніи духа мы ни были, и открываетъ намъ правду или ложь во всѣхъ нашихъ чувствахъ, желаніяхъ, дѣйствіяхъ, поступкахъ. Голосъ совѣсти требуетъ отъ насъ правды и истины во всѣхъ проявленіяхъ нашей жизни, онъ требуетъ, чтобы *мы обращались со всѣми лицами, со всѣми предметами такъ, какъ они сами того стóятъ*. Для этого, какъ мы выше упомянули, намъ необходимо имѣть прежде всего ясное сознаніе настоящаго достоинства предметовъ. Если такое истинное достоинство съ малолѣтства будетъ постоянно проникать въ нашу душу и постепенно, вслѣдствіе правильнаго развитія, проясняться и утверждаться въ ней, то вмѣстѣ съ этимъ, конечно, расширится и утвердится въ насъ природный нравственный законъ, и наши сужденія, оцѣнка предметовъ, наши поступки съ ними будутъ становиться справедливѣе, согласнѣе съ голосомъ совѣсти.

Только въ одномъ единственномъ случаѣ, когда все развитіе человѣка съ малыхъ безсознательныхъ лѣтъ шло постоянно ложно, извращенно, обращалось на одно внѣшнее, чувственное, совѣсть можетъ заглохнуть, потому что она не могла развиться, а была подавлена въ самомъ зародышѣ ея. Дикій, который ведетъ только одну чувственную, животную жизнь, конечно никогда не услышитъ и не почувствуетъ въ себѣ внутренняго упрека за то, что онъ чувственное наслажденіе предпочитаетъ духовному. И можетъ ли онъ поступать иначе, когда духовныя потребности въ немъ вовсе не возбуждаются! Человѣкъ же, развитый хотя нѣсколько правильно и не совсѣмъ испорченный, всегда созна́етъ

высшее достоинство и почувствуетъ сильнѣйшее удовольствіе въ удовлетвореніи потребностей духа, чѣмъ тѣла, потому что 100 одинаковыхъ слѣдовъ, оставленныхъ въ низшихъ чувствахъ внѣшними впечатлѣніями, никогда не достигнутъ той силы и не составятъ такаго свѣтлаго, сознательнаго душевнаго образа, какъ столько же слѣдовъ въ высшихъ чувствахъ.

Въ § 20, разбирая основныя причины нравственности и безнравственности, мы вывели три главные вида нравственнаго состоянія человѣка (стр. 118). Человѣкъ безъ малѣйшаго колебанія рѣшается на преступленіе, если въ душѣ его пребываютъ только одни безнравственныя чувства и желанія; онъ колеблется, если въ немъ вмѣсѣ съ нравственными стреленіями находятся также и безнравственныя, вслѣдствіе чего въ немъ и происходитъ внутренняя нравственная борьба и колебаніе. Наконецъ человѣкъ съ полнымъ негодованіемъ и презрѣніемъ, нимало не колеблясь, отказывается отъ всякаго постыднаго, безнравственнаго дѣла, потому что душа его вполнѣ нравственна, т. е. въ ней пребываютъ только одни высокіе, свѣтлые, нравственные образы, чувства, желанія. Послѣдній видъ нравственнаго состоянія человѣка, при которомъ нравственное начало вполнѣ преобладаетъ надъ безнравственнымъ, мы называемъ нравственною свобободою или нравственною свободною волею.

Нравственная свобода, слѣдовательно, не есть *произволъ*. Всякій человѣкъ, какъ нравственный, такъ и безнравственный, хотя и поступаетъ съ полною свободою, какъ хочетъ, потому что внѣшніе предметы сами по себѣ ни нравственны, ни безнравственны и не могутъ заставить его дѣйствовать нравственно или безнравственно, но дѣло все въ томъ, что самъ человѣкъ можетъ желать только того, къ чему влекутъ его образовавшіяся въ немъ желанія и оцѣнки. Если эти желанія и оцѣнки *ложны, безнравственны*, то человѣкъ будетъ и дѣйствовать безнравственно; если же они *истинны, нравственны*, то онъ будетъ дѣйствовать нравственно. Кто истинно

т. е. нравственно свободенъ, тотъ не можетъ дѣлать зла, точно такъ же какъ и тотъ, въ комъ преобладаютъ *ложная оцѣнка,* и безнравственныя желанія, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ вполнѣ управляется этою оцѣнкою и этими желаніями.

Полная нравственная свобода или нравственная свободная воля проявляется намъ въ Іисусѣ Христѣ.

И такъ дѣйствія и поступки наши зависятъ отъ тѣхъ нравственныхъ или безнравственныхъ желаній, отъ того истиннаго или ложнаго чувства достоинства или оцѣнки предметовъ, которыя образовались и утвердились въ насъ въ продолженіе всего нашего развитія. Если мы ограничимся *только однимъ представленіемъ себѣ* лицъ или предметовъ, то мы можетъ-быть еще *и не начнемъ дѣйствовать.* Положимъ, вы гуляете: множество предметовъ представляется вамъ, но вы проходите мимо и не трогаете ни одного изъ нихъ. Дѣйствовать мы начинаемъ только тогда, когда въ насъ возбуждаются желанія, или когда мы чувствуемъ влеченіе къ чему-нибудь, или отвращеніе. Слѣдовательно побужденія къ какой-нибудь дѣятельности находятся въ нашихъ *желаніяхъ* и *чувствахъ.* Поэтому-то желательную и чувствительную способности мы можемъ назвать практическими, потому что онѣ побуждаютъ человѣка дѣйствовать, а познавательную способность — теоретическою; и человѣкъ, въ которомъ преимущественно развита одна эта способность, можетъ быть только хорошимъ теоретикомъ,—въ немъ едва ли слово осуществится на дѣлѣ, и ему большею частью придется прибѣгать къ пословицѣ: faites ce que je dis, mais ne faites pas ce que je fais.

Только что изложенное доказываетъ намъ, что однимъ теоретическимъ ученіемъ нельзя согласно развить всѣ духовныя силы человѣка, и что длинныя наставленія и нравоученія, какъ бы они ни были краснорѣчивы, не въ состояніи возбудить и утвердить въ возрастающемъ поколѣніи истиннно нравственныя стремленія и положить

въ немъ прочную основу твердымъ здравымъ убѣжденіямъ. Мнѣнія и поступки людей опредѣляются образовавшимися въ нихъ *оцѣнками* или *чувствомъ достоинства* предметовъ, а это чувство возбуждается только дѣйствіемъ самихъ предметовъ. Одно теоретическое ученіе можетъ доставить только представленія, понятія, развить различныя внѣшнія техническія способности, что, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ также существенную часть въ правильномъ, согласномъ развитіи всѣхъ силъ нашихъ, особенно сообщеніе новыхъ понятій, которыя, какъ мы знаемъ, освѣщаютъ всю нашу духовную дѣятельность. Но свѣтомъ этимъ обладаютъ многіе, а между тѣмъ поступаютъ дурно. Поэтому, для того чтобы теоретическія знанія принесли пользу на дѣлѣ, чтобы въ человѣкѣ теорія шла рука объ руку съ практикою, для этого должно присоединиться воспитаніе.

Ученіе бросаетъ сѣмя; воспитаніе приготавливаетъ, воздѣлываетъ почву для сѣмени, и потомъ постоянно питаетъ эту почву, чтобы плодъ былъ сладкій и обильный.

Воспитаніе должно заботиться, чтобы воспитывающіеся вошли въ такія жизненныя отношенія, въ которыхъ они могли бы правильно и вѣрно оцѣнивать предметы, чувствовать ихъ истинное достоинство, — а для этого именно и нужно *непосредственное дѣйствіе самихъ предметовъ* на воспитывающихся, непосредственный собственный опытъ. Здѣсь существенно важенъ хорошій примѣръ другихъ, особенно воспитывающихъ; потому что въ такомъ примѣрѣ наглядно, на самомъ дѣлѣ выражается чувство истиннаго достоинства предметовъ. Только такимъ образомъ воспитывающееся поколѣніе можетъ, вмѣстѣ съ истинными представленіями, пріобрѣсти и истинныя побужденія и стремленія; только такимъ путемъ оно содѣлается разумно-нравственнымъ и добрымъ. Пока же душевные образы наши состоятъ изъ *однихъ представленій*, до тѣхъ поръ въ насъ не можетъ быть побужденій или стремленій.

Поэтому не удивительно, что есть множество простыхъ чест-

ныхъ и достойныхъ людей, не получившихъ никакого образованія, и множество такихъ, которые при всемъ своемъ блистательномъ образованіи оказываются пошлыми негодяями. Истинныя оцѣнки, образованныя въ человѣкѣ правильнымъ воспитаніемъ, служатъ единственною хорошею почвою, въ которой доброе сѣмя ученія можетъ распространить свои корни и принести обильные плоды.

Еще одно замѣчаніе кстати. Не должно *смѣшивать* преподаванія нравственности съ обученіемъ религіи. И то, и другое соединяется обыкновенно къ преподаваніи особаго учебнаго предмета: «закона Божія»; но въ сущности они весьма различны. Собственно *религіозная часть* относится къ предметамъ, которыхъ мы *не знаемъ*, а можемъ только въ нихъ *вѣровать*, потому что предметы эти не подлежатъ опыту, лежатъ внѣ земного горизонта (Богъ, загробная жизнь). Нравственная же часть, напротивъ того, имѣетъ дѣло съ предметами, входящими въ кругъ человѣческаго опыта, потому что каждый изъ насъ можетъ испытать въ самой жизни, или познать изъ нея, что такое откровенность, притворство, ложь, коварство, скромность, гордость, умѣренность, зависть, ненависть, и вообще что хорошо и что дурно.

Мы любимъ и почитаемъ своихъ родителей, мы исполняемъ ихъ приказанія и завѣщанія, когда ихъ уже нѣтъ въ живыхъ. Подобныя же отношенія могутъ существовать между нами и другими людьми, которыхъ мы любимъ и уважаемъ. Такія же чувства въ высшей степени могутъ и должны быть внушаемы дѣтямъ въ отношеніи къ Богу, и вслѣдствіе этого-то вѣроученіе получаетъ нравственный характеръ, свойственный особенно христіанской религіи. Но не смотря на это тѣсное соединеніе нравственности съ религіею, онѣ все-таки остаются существенно различными: бываютъ вполнѣ нравственные люди при малой религіозности, и есть множество религіозныхъ людей, которые тѣмъ не менѣе остаются безнравственными.—Насколько религія и нравственность совмѣщаютъ въ себѣ *представленія*, т. е. на сколь-

ко онѣ *предметы теоретическіе*, на столько онѣ могутъ и входить въ преподаваніе; по другой, практической сторонѣ ихъ, зиждущейся на чувствахъ и побужденіяхъ, примѣненію ихъ въ дѣйствительной жизни, преподаваніе можетъ способствовать только *отрицательными* средствами, т. е. раскрытіемъ лжи и указаніемъ правды.

50. Чувствительная способность.

Изложивъ въ предъидущихъ статьяхъ возниканіе и развитіе чувства въ человѣкѣ, мы теперь можемъ дать отвѣтъ на вопросъ, что́ мы разумѣемъ подъ чувствительною способностью души. Совокупность всѣхъ образовавшихся и вновь образующихся въ душѣ представленій, понятій, сужденій, умозаключеній составляютъ познавательную способность человѣка; совокупность всѣхъ желаній и хотѣній — желательную способность. Точно такъ же подъ чувствительною способностью мы разумѣемъ совокупность всѣхъ чувствованій, образовавшихся и образующихся въ душѣ нашей.

Или иначе: такъ какъ чувство возникаетъ каждый разъ, какъ только два или нѣсколько различныхъ душевныхъ образовъ одновременно сознаются нами, то изъ этого слѣдуетъ, что чувствительная способность есть ничто иное, какъ способность души вмѣстѣ съ одновременнымъ сознаніемъ нѣсколькихъ душевныхъ образовъ тотчасъ же сознавать, чувствовать и различіе этихъ образовъ.

Основная, исходная причина возниканія и развитія чувствительной способности заключается слѣдовательно во врожденной человѣку способности ощущать и сознавать все то, что въ немъ происходитъ.

На сколько же можетъ простираться *чувствительность* нашей души? Очевидно на столько, на сколько различные образы, необходимые для возбужденія извѣстнаго чувства,

могутъ быть сознаваемы въ одно и то же время. (см. стр. 147—150.) Это видно на такъ называемыхъ *безчувственныхъ людяхъ*. Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, существовать хоть одинъ человѣкъ безъ всякаго чувства? Конечно нѣтъ. Но иногда весьма чувствительные люди въ извѣстныхъ случаяхъ являются совершенно безчувственными.

Вотъ, напримѣръ, грудной ребенокъ играетъ цвѣтами, которыми украшенъ гробъ его матери: можно ли сказать, что этотъ ребенокъ не имѣетъ никакого чувства? Онъ весело, радостно играетъ цвѣтами; а кто ощущаетъ радость, тотъ не лишенъ способности чувствовать. Безчувственность грудного ребенка происходитъ оттого, что онъ не понимаетъ еще, что такое смерть, и потому не можетъ сознавать потерю свою.

Слѣдовательно, если кто-либо въ извѣстныхъ случаяхъ не обнаруживаетъ никакого чувства, или выказываетъ не столь замѣтныя чувства, какъ другіе, то изъ этого еще нельзя заключить, что бы онъ былъ человѣкъ совершенно безчувственный. Такое явленіе доказываетъ только, что въ душѣ его нѣтъ необходимыхъ для этого образовъ, или по крайней мѣрѣ, что эти образы не сознаются имъ одновременно. Поэтому мы и имѣемъ чувства, и можемъ развить ихъ на столько, на сколько въ насъ находятся различные образы и на сколько эти образы сознаются одновременно.

Вслѣдствіе частаго одновременнаго сознаванія однихъ и тѣхъ же душевныхъ образовъ, эти образы соединяются въ тѣсныя группы и возбуждаютъ *одни и тѣ же чувства*, которыя хранятся въ душѣ до тѣхъ поръ, пока продолжается соединеніе производящихъ ихъ образовъ.

Вмѣстѣ съ умноженіемъ и просвѣтлѣніемъ отдѣльныхъ чувствъ, въ душѣ нашей развивается и чувствительная способность.

Составляетъ ли, послѣ всего сказаннаго, эта способность *особенную врожденную* человѣку способность, совершенно различную отъ желательной и познавательной? Нѣтъ: чувствительная

способность развивается изъ *тѣхъ же общихъ природныхъ основъ способностей*, какъ и желательная и познавательная, и такъ же вслѣдствіе того, что эти основы соединяются съ внѣшними впечатлѣніями, при чемъ въ нихъ возбуждаются извѣстныя ощущенія.

И такъ всѣ наши познанія, желанія и чувства, т. е. всѣ душевные образы наши, возникаютъ и развиваются только вслѣдствіе соединенія врожденныхъ основъ способностей съ внѣшними впечатлѣніями.

Изъ этого очевидно слѣдуетъ, что все духовное достояніе развитаго человѣка есть произведеніе двухъ дѣятелей: врожденныхъ основъ способностей и всего того, что извнѣ дѣйствовало на эти основы.

51. Значеніе чувствительной способности для воспитанія.

Въ чувствахъ отражается все нравственное развитіе человѣка; чувства составляютъ, такъ сказать, барометръ, на который воспитатель долженъ постоянно смотрѣть, чтобы знать нравственное состояніе воспитанника. Всякое внѣшнее впечатлѣніе производитъ въ душѣ нашей какое-нибудь ощущеніе, пріятное или непріятное. Пріятное, радостное, отрадное ощущеніе, становясь сознательнымъ, тотчасъ же выражается въ пріятномъ, отрадномъ, веселомъ чувствѣ, такъ же точно скучное, томительное, болѣзненное ощущеніе обнаруживается непосредственно въ грустномъ, томительномъ, болѣзненномъ чувствѣ. Слѣдовательно дѣйствіе каждаго предмета на духъ нашъ отражается въ чувствахъ, которыя поэтому и должны служить постоянною повѣркою для дѣйствій воспитателя. Самый опытный и добросовѣстный воспитатель можетъ жестоко ошибаться въ правильности и въ полезности своихъ дѣйствій, пока онъ не знаетъ еще личной природы своего питомца. Одни и тѣ

же дѣйствія, слова, наказанія, имѣютъ, какъ извѣстно, совершенно разное вліяніе на различныхъ воспитанниковъ. Въ проявляющихся чувствахъ обнаруживается успѣхъ или неуспѣхъ, польза или вредъ такого вліянія. Изъ проявленія различныхъ чувствъ воспитатель можетъ яснѣе и вѣрнѣе всего познать личную нравственную природу воспитанника, потому что чувства составляютъ вѣрный отголосокъ того, что вошло въ нравственную природу человѣка и какъ оно отозвалось въ ней. Наконецъ къ чувствамъ же долженъ постоянно обращаться воспитатель, чтобы развивать въ воспитанникѣ самопознаніе, припоминая, давая воспитаннику *чувствовать* различные переходы, перемѣны въ состояніи и въ развитіи духа его. Искра самопознанія заронена въ душу человѣка самою природою; она есть врожденное свойство человѣка сознавать, чувствовать свое состояніе, познавать самого себя. Но безчисленныя впечатлѣнія внѣшняго міра, вся внѣшняя окружающая природа, наконецъ вся дѣятельность человѣка, направляемая на все окружающее, постоянно отвлекаютъ вниманіе его отъ самого себя, отъ того, что происходитъ въ немъ самомъ. Человѣкъ большею частью не даетъ себѣ *яснаго отчета* въ томъ, какъ отзывается все внѣшнее въ духѣ его, и почему оно такъ дѣйствуетъ, а не иначе.

Вотъ почему эта искра самопознаванія рѣдко, очень рѣдко сама собою разгорается огнемъ и освѣщаетъ человѣка истиннымъ самопознаніемъ; большею частью она гаснетъ, если не начнетъ раздувать ее другой человѣкъ. Поэтому-то воспитатель долженъ неусыпно обращать вниманіе воспитанника на него самого; онъ долженъ тщательно пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы показать, объяснить воспитаннику, какъ дѣйствуютъ на него внѣшнія впечатлѣнія, вѣрныя ли ощущенія и чувства они возбуждаютъ въ немъ, и отчего часто одно и то же впечатлѣніе въ разное время дѣйствуетъ различно. Воспитатель долженъ пріучить воспитанника наблюдать за самимъ собою, отдавать *строгій отчетъ самому себѣ* во всёмъ томъ, что

онъ самъ дѣлаетъ, и что онъ воспринимаетъ отъ другихъ людей, отъ всего окружающаго.

Для достиженія всего этого, воспитатель прежде всего конечно долженъ самъ сознавать самого себя, и вполнѣ понимать, что происходитъ въ душѣ воспитанника, и отчего оно происходитъ. Воспитатель долженъ, такъ сказать, перенести все, что заключается въ душѣ воспитанника, въ свою собственную душу, и почувствовать такъ, какъ чувствуетъ воспитанникъ, и, какъ болѣе развитый и опытный человѣкъ, руководить чувствованіями и желаніями его, какъ бы своими собственными. Воспитатель долженъ носить въ себѣ непоколебимое убѣжденіе, что онъ существуетъ для воспитанника, а не воспитанникъ для него, и неуклонно осуществлять это убѣжденіе во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Истинный воспитатель становится самъ воспитанникомъ въ своемъ воспитанникѣ, такъ же точно, какъ отецъ и мать становятся дѣтьми въ дѣтяхъ своихъ. Что неутомимо побуждаетъ, ведетъ ихъ къ этому? Любовь: вотъ значеніе и сила любви въ воспитаніи.

52. **Самопознаніе.**

Мы видѣли, что человѣкъ рождается на свѣтъ Божій съ одною *возможностью сознанія*, и только вмѣстѣ съ развитіемъ и чрезъ это развитіе онъ становится *существомъ сознающимъ*. Возможность сознанія есть исходная точка всѣхъ нашихъ душевныхъ образовъ, всего проявленія духовной жизни нашей, такъ же точно, какъ полное, совершенное самопознаніе и проявленіе его во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ есть окончательная степень нашего духовнаго развитія. Изъ сознанія различныхъ ощущеній возникаютъ въ насъ чувства, которыя проясняются въ насъ вмѣстѣ съ развитіемъ сознанія и достигаютъ полнаго своего развитія тогда, когда становятся *вполнѣ сознаваемыми* для насъ самихъ. То же самое можно сказать и о желаніяхъ и познаніяхъ нашихъ. Грудной младенецъ кричитъ: кормилица даетъ ему грудь,

и онъ умолкаетъ. Что побудило его кричать, и отчего онъ замолчалъ? Ребенокъ почувствовалъ голодъ, и закричалъ; насытился, и умолкъ. Вотъ проявленіе низшей, животной ступени сознанія въ человѣкѣ. Но дитя положительно не сознаетъ, что такое голодъ, что такое сытое состояніе и что такое пища. Все это сдѣлается для него *сознательнымъ* гораздо позже, когда оно будетъ болѣе развито тѣлесно и духовно, когда оно пріобрѣтетъ себѣ необходимыя для сего знанія и понятія.

Отъ правильности и истинности нашего начальнаго сознанія и отъ правильнаго постепеннаго развитія и утвержденія его зависитъ правильность и истинность всѣхъ нашихъ душевныхъ образовъ, всего духовнаго развитія. Какимъ же путемъ посредствомъ сознанія человѣкъ приходитъ къ самопознанію?

Сперва постараемся въ краткихъ словахъ объяснить, въ чемъ состоитъ самопознаніе.

Каждый человѣкъ есть членъ всей великой человѣческой семьи, и въ то же время имѣетъ свою особенную, личную природу. Поэтому въ каждомъ человѣкѣ соединяются двѣ стороны: общечеловѣческая и частная, личная, которыя одна безъ другой существовать и выполняться не могутъ. Общечеловѣческое должно постоянно проявляться въ частной личности человѣка, которая, въ свою очередь, непремѣнно должна сохранять свою *полную личную самостоятельность* въ общечеловѣческомъ. Какъ солнце даетъ свѣтъ мѣсяцу, такъ все человѣческое освѣщаетъ отдѣльнаго человѣка. Какъ луна отражаетъ свѣтъ солнца, такъ каждый отдѣльный человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ долженъ отражать свѣтъ всего человѣчества. Безъ этого свѣта всѣ личныя дѣла человѣка будутъ темны, мрачны, лишены жизни.

Каждый изъ насъ имѣетъ свои занятія, свое дѣло, идетъ своею дорогою; но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе выполняетъ и дѣло всего человѣчества. Въ этомъ случаѣ мы подобны всему творенію на землѣ: вѣдь каждый цвѣтокъ, каждое дерево, развиваясь, выростая изъ сѣмени, становится извѣстнымъ цвѣткомъ, извѣстнымъ

деревомъ, но вмѣстѣ съ этимъ они выполняютъ неуклонно и назначеніе всего растительнаго царства.

Изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ тогда только достигаетъ самопознанія, когда онъ сознаетъ въ себѣ и общечеловѣческую природу, и свою собственную личную. Слѣдовательно самопознаніе наше состоитъ изъ сознанія природы человѣка вообще и нашей собственной личности.

Важность самопознанія для человѣка очевидна: безъ познанія своихъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ человѣкъ не можетъ избрать себѣ труда, соотвѣтствующаго его способностямъ, а слѣдовательно не будетъ и выполнять ни своего личнаго назначенія, и не сод лается полезнымъ членомъ всего человѣчества.

Теперь возвратимся къ нашему вопросу, какимъ путемъ человѣкъ посредствомъ сознанія приходитъ къ самопознанію?

Въ продолженіе перваго періода развитія духовная дѣятельность въ ребенкѣ возбуждается только внѣшними впечатлѣніями, и ребенокъ получаетъ *сознаніе объ одной наружности* окружающихъ предметовъ посредствомъ *внѣшнихъ чувствъ своихъ*. Во второмъ періодѣ (большею частію до 6 — 7 лѣтъ) впечатлѣнія внѣшняго міра все еще слишкомъ сильно дѣйствуютъ на духовныя силы дитяти, и потому оно постояннно бываетъ занято однимъ внѣшнимъ, окружающимъ міромъ и не можетъ *заглянуть въ самого себя*. Вся духовная дѣятельность ребенка въ это время устремляется на внѣшній міръ и проявляется въ томъ, что ребенокъ усвоиваетъ себѣ постоянно новыя представленія и начинаетъ *самодѣятельно распоряжаться*, какъ этими новыми представленіями, такъ и прежними, составившимися въ первомъ періодѣ; именно онъ начинаетъ сближать между собой отдѣльные душевные образы и представленія посредствомъ соединенія и отдѣленія одинаковыхъ и различныхъ признаковъ ихъ. Такимъ образомъ ребенокъ начинаетъ составлять свои первыя понятія (см. стр. 88)..

Понятія просвѣтляютъ наше сознаніе; только съ пріобрѣтеніемъ

понятій о какомъ-нибудь предметѣ, мы начинаемъ *понимать разумѣть, сознавать* этотъ предметъ.

При составленіи понятій ребенокъ въ первый разъ постепенно переходитъ отъ сознанія дѣйствительно существующихъ (конкректныхъ) предметовъ къ сознанію представленій отвлеченныхъ (абстрактныхъ) или понятій, т. е. здѣсь начинается въ ребенкѣ переходъ отъ сознаванія міра видимаго, слышимаго, осязаемаго къ постепенному сознаванію міра духовнаго, заключающагося внутри его, въ душѣ его.

Предметы и проявленія міра внѣшняго дѣйствуютъ на органы нашихъ чувствъ и доставляютъ душѣ отдѣльныя представленія; понятія же не существуютъ въ природѣ, а составляются нашими духовными силами, самодѣятельно соединяющими общіе признаки этихъ представленій въ одно цѣлое. Изъ этого мы видимъ, что въ процессѣ образованія понятій въ первый разъ проявляется зачинающаяся духовная самодѣятельность дитяти (см. стр. 94—96).

Но если въ это время дальнѣйше духовное развитіе ребенка будетъ представлено только самому себѣ и вліянію окружающей его природы, если не начнетъ руководить имъ другой, вполнѣ развитый человѣкъ — то эта духовная самодѣятельность въ такомъ случаѣ можетъ простираться только на непосредственно окружающіе предметы, и должна будетъ ограничиться составленіемъ понятій объ одномъ внѣшнемъ, наружномъ проявленіи этихъ предметовъ и вообще всей окружающей природы. Далѣе и глубже она не пойдетъ, и человѣкъ въ такомъ положеніи никогда не достигнетъ самопознанія. Доказательствомъ этому служатъ цѣлыя массы людей, которые, будучи предоставлены въ своемъ развитіи только самимъ себѣ и вліянію одной окружающей природы, не только не имѣютъ никакого сознанія о своей человѣческой природѣ, но живутъ и умираютъ, оставаясь въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ на одной и той же, почти первобытной ступени человѣческаго состоянія.

Слѣдовательно, чтобы духовное развитіе дитяти не остановилось на пониманіи однѣхъ внѣшнихъ формъ и проявленій человѣка и окружающей природы, а шло бы постоянно впередъ и впередъ, и приводило бы его постепенно къ самопознанію, необходимъ разумный руководитель—человѣкъ. Одна внѣшняя, окружающая ребенка природа сдѣлала свое дѣло: она питала его слабыя душевныя основы, доставила ему первыя представленія, пробудила первое сознаніе, и такимъ образомъ возбудила въ немъ даже духовную самодѣятельность. Теперь, для дальнѣйшаго своего духовнаго развитія ребенокъ требуетъ помощи отъ другого, подобнаго ему существа—человѣка-наставника. Теперь *настало время ученія, наступила самая пора учить ребенка грамотѣ.*

Въ самомъ дѣлѣ, какое свѣтлое богатство средствъ для дальнѣйшаго духовнаго развитія дитяти представляетъ обученіе чтенію даже тѣмъ устарѣлымъ способомъ, которымъ оно у насъ совершается, по складамъ! Ребенокъ учитъ буквы: а, б, в и пр. Каждая изъ буквъ представляетъ ребенку звукъ въ *видимой формѣ*; потомъ онъ складываетъ и составляетъ сложные звуки или слоги ба, ве, ли, ру, и т. д.; далѣе дитя соединяетъ слоги, и у него выходитъ *слово*: ма-ма, тя-тя, мо-ло-ко. Наконецъ ребенокъ соединяетъ слова между собою, начинаетъ читать сперва очень медленно, останавливаясь, потомъ скорѣе, твердо, плавно и ясно цѣлыя предложенія. Какой обильный новый свѣтъ проникаетъ въ душу дитяти и освѣщаетъ всѣ образы, понятія, чувства, желанія, которыя уже находятся въ ней! Сколько знакомыхъ лицъ, животныхъ, деревьевъ, цвѣтовъ вновь оживляются въ читаемыхъ повѣстяхъ и разсказахъ предъ ребенкомъ! Они говорятъ, дѣйствуютъ и живутъ предъ его духовнымъ зрѣніемъ вмѣстѣ и въ одно время. Множество предметовъ и разсказовъ, которые ребенокъ прежде видѣлъ и слышалъ отъ папы, мамы, няни и т. д. припоминаются ему, и онъ самъ читаетъ про нихъ, и можетъ самъ разсказывать. Вмѣстѣ съ этимъ при чтеніи дитя, такъ сказать, *видитъ и слышитъ* тѣ слова, цѣлыя предложенія, цѣлыя рѣчи, которыя оно

прежде только слышало отъ другихъ, или само произносило, Мало этого, ребенокъ научается чертить буквы и изъ соединенія ихъ писать слова;—да, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ пишетъ двѣ, три строки большими буквами и между двухъ линій къ кому-нибудь изъ родныхъ или маленькихъ друзей своихъ, и говоритъ: я самъ написалъ письмо! А вѣдь все это питаетъ и развиваетъ уже пробудившуюся въ дитяти духовную самодѣятельность и доставляетъ ему новыя, болѣе свѣтлыя и глубокія понятія, чувства и желанія.

Ребенокъ сначала въ каждомъ знакомомъ словѣ видитъ и слышитъ знакомый ему предметъ, его рѣчи и дѣйствія. Но если дать ребенку читать книгу о томъ, чего онъ прежде не видалъ и не слыхалъ, то онъ будетъ только совершать одинъ процесъ чтенія, ничего не понимая, ибо онъ не знаетъ тѣхъ предметовъ, которые выражаются словами. Потомъ ребенокъ начинаетъ понимать, что слово и обозначаемый имъ предметъ не одно и то же, и такимъ образомъ начинаетъ отдѣлять *понятіе* отъ *самаго предмета*.

Наконецъ онъ начинаетъ отдѣлять себя отъ тѣхъ образовъ, которые составились въ душѣ его, начинаетъ сознавать свои понятія, чувства и желанія.

Скоро можно расказать или описать всякое дѣло, но совершается оно медленно, и тѣмъ медленнѣе и постепеннѣе, чѣмъ дѣло совершеннѣе. На то, чтобы ребенокъ, начинающій понимать окружающую природу, пришелъ къ самопознанію, нужно болѣе времени, чѣмъ на первые два періода его развитія. Надо много лѣтъ, чтобы изъ чувственно-самодѣятельнаго существа, еще раба тѣла своего и вполнѣ покорнаго слуги видимаго міра, какимъ является намъ 6—7-ми лѣтній ребенокъ, возникъ и окрѣпъ разумно-нравственный человѣкъ, властитель страстей своихъ и внѣшней природы. И болѣе или менѣе надо лѣтъ, смотря, по тому, каковы были природныя душевныя основы развивающагося человѣка, какіе люди, какая внѣшняя природа окружали его, во-

обще какъ совершалось все духовное развитіе его въ первые два періода, и каковы-то будутъ теперь наставники-воспитатели его. Но шагъ за шагомъ можно взойти на самую высокую гору. Такъ развивающійся духъ человѣка можетъ постепенно подняться на ту высоту, выше которой нѣтъ на землѣ. Съ этой неземной, горней вершины человѣкъ свѣтлымъ, могучимъ духовнымъ взоромъ своимъ можетъ обнимать и сознавать себя самого, всю природу съ ея горами и раздольями, въ ея тишинѣ и буряхъ, всю вселенную, все дивное мірозданіе Божіе!...

Всѣ наши душевные образы, по своему преобладающему характеру, бываютъ или представленія, или желанія. или чувства.

Съ умноженіемъ и проясненіемъ представленій, понятій, сужденій, развивается и проясняется и самая сила пониманія и сужденія, или вообще вся познавательная способность духа нашего. Съ расширеніемъ укрѣпленіемъ нашихъ желаній развиваются и укрѣпляются расположенія духа нашего, характеръ, воля и вообще желательная способность. Отъ силы, живости и истинности образовавшихся въ душѣ отдѣльныхъ чувствъ зависитъ состояніе чувствительной способности.

Когда человѣкъ начинаетъ понимать, что онъ самъ воспринимаетъ внѣшнія впечатлѣнія, самъ составляетъ изъ нихъ образы предметовъ, производящихъ эти впечатлѣнія; когда онъ начинаетъ сознавать всѣ свои душевные образы: тогда возникаетъ *сознательная дѣятельность духа,* новый, послѣдній періодъ его высшаго развитія—развитія самопознанія.

Съ наступленіемъ этого періода настаетъ время настоящаго, серіознаго ученія, но *общаго,* а не *спеціальнаго.* Воспитанникъ самъ еще не въ состояніи сознательно выбрать себѣ свое спеціальное занятіе, потому что онъ не достигъ самопознанія. Теперь дѣло состоитъ все еще въ одномъ *общемъ развитіи* духовныхъ способностей, въ приведеніи ихъ къ самосознательности,

въ пробужденіи и въ развитіи *внутренней самостоятельности* духа. Воспитанникъ въ это время можетъ уже воспринимать и сознательно усвоивать себѣ мысли, сужденія, умозаключенія, прямо отъ другаго духовнаго существа, человѣка, облеченныя только въ слышимую форму живаго слова. Теперь воспитатель, наставникъ, учитель можетъ и долженъ болѣе и болѣе просвѣтлять и углублять внутреннюю духовную дѣятельность воспитанника, объясняя ему, раскрывая предъ нимъ, по возможности, со всѣхъ сторонъ явленія міра внѣшняго, вмѣстѣ съ причинами, произведшими эти явленія и съ слѣдствіями ихъ. Воспитатель, наставникъ, учитель можетъ теперь и долженъ познакомить воспитанника съ произведеніями творческой дѣятельности духа человѣческаго, проявившейся въ наукахъ, въ искуствахъ въ художествахъ. Наконецъ воспитатель, наставникъ, учитель долженъ воскресить словомъ своимъ все прошедшее предъ духовнымъ зрѣніемъ воспитанника, показавъ ему развитіе самого человѣка и цѣлыхъ народовъ, чтобы воспитанникъ могъ постепенно придти къ сознанію того, что происходитъ внѣ его и въ немъ самомъ, къ сознанію самого себя и своего настоящаго, въ которомъ онъ долженъ жить, развиваться все далѣе и далѣе, и дѣйствовать, какъ человѣкъ вполнѣ самостоятельный и самодѣятельный.

Въ самомъ дѣлѣ: воспитанникъ, сознательно пріобрѣтая новыя понятія, сужденія, вообще новыя познанія, отдѣляетъ то, что они имѣютъ между собою общаго, и такимъ образомъ мало по малу сознаетъ, *что такое познаніе вообще*; потомъ онъ получаетъ сознаніе о силѣ, составляющей въ немъ это познаніе, т. е. о своей *познавательной способности*. Такъ же точно, *сознавая свои желанія и чувства*, воспитанникъ постепенно приходитъ къ *сознанію своихъ способностей желательной и чувствительной*. Но такъ какъ эти способности составляютъ духовную природу человѣка, слѣдовательно, сознавая ихъ, мы сознаемъ духовную человѣческую природу вообще и нашу личную.

И такъ воспитанникъ вслѣдствіе правильнаго развитія, достигаетъ сознанія всѣхъ своихъ силъ, т. е. самопознанія. Вмѣстѣ съ этимъ, въ продолженіе всего своего образованія, онъ знакомится съ науками, искусствами и вообще съ различными родами какъ теоретической, такъ и практической человѣческой дѣятельности. Если при этомъ, какъ сознаніе своихъ способностей, такъ и сознаніе различныхъ дѣятельностей человѣческихъ, было безпристрастно, свободно отъ всѣхъ предубѣжденій, правильно, истинно: то мы конечно можемъ сказать, что человѣкъ достигъ самопознанія и можетъ избрать себѣ дѣятельность, на которой онъ сосредоточитъ всѣ силы свои. Эти силы не останутся уже въ бездѣйствіи: онѣ хранятъ въ себѣ неумолкаемое стремленіе къ избранной, желаемой дѣятельности; въ нихъ пребываетъ непоколебимая разумная воля, которая разрушитъ всѣ трудности, всѣ препятствія, и человѣкъ изучитъ всю свою спеціальную дѣятельность, которая сдѣлается сокровищемъ его, и потомъ проявитъ себя вполнѣ самостоятельнымъ и самодѣятельнымъ въ области ея. Гдѣ сокровище наше—тамъ и сердце наше.

53. Заключительные выводы.

Каждый здоровый, нормальный ребенокъ получаетъ отъ природы свой живой общечеловѣческій организмъ, въ которомъ заключаются и общечеловѣческія духовныя основы, проявляющіяся въ зрѣніи, слухѣ, осязаніи, вкусѣ и обоняніи.

Эти духовныя основы имѣютъ природное стремленіе къ развитію, которое совершается по общимъ неизмѣннымъ для всѣхъ людей законамъ, которые изложены нами.

Слѣдовательно, по природѣ своей, всѣ люди равны между собою и имѣютъ одни и тѣ же общечеловѣческія права и обязанности.

Но вмѣстѣ съ такимъ природнымъ общимъ равенствомъ всѣхъ

людей, каждый человѣкъ проявляетъ въ жизни свою *личную особенность*.

Эта особенность составляетъ самостоятельную личность человѣка и происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ:

1) Отъ состоянія тѣлеснаго организма человѣка.

2) Отъ степени совершенства основъ душевныхъ способностей, которая тѣсно связана съ состояніемъ тѣлеснаго организма.

3) Отъ внѣшнихъ условій, при которыхъ совершается развитіе человѣка. Между этими условіями особенно важную роль въ развитіи человѣка играютъ его происхожденіе, состояніе, общественная и государственная жизнь и вообще вся окружающая природа.

Первыя двѣ причины составляютъ *врожденное, природное основаніе* особенной личности каждаго человѣка, и потому *никто не имѣетъ права насиловать ихъ*. Послѣдняя причина зависитъ отъ случая. При совершеніи воспитанія *должно постоянно имѣть въ виду эту случайную причину, соображаться съ нею, но* руководствоваться *только первыми двумя*.

Личность (индивидуальность) человѣка, происходящая отъ трехъ изложенныхъ причинъ, обозначается и проявляется яснѣе и яснѣе вмѣстѣ съ развитіемъ человѣка. Все дѣло воспитанія состоитъ именно въ томъ, чтобы привести воспитывающагося къ сознанію своей личности, къ самопознанію. Воспитаніе достигаетъ этого посредствомъ постепеннаго правильнаго развитія всѣхъ его тѣлесныхъ и духовныхъ силъ способностей. Воспитаніе не можетъ взять это самопознаніе, какъ уже нѣчто готовое, и прямо вложить его въ человѣка. Нѣтъ: человѣкъ самъ долженъ постоянно работать, трудиться, давая себѣ тщательный отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ проявленіяхъ духа своего, неусыпно наблюдая надъ самимъ собою и такимъ образомъ достигая самопознанія. Воспитаніе можетъ только *наводить* человѣка

на этотъ путь, помогать ему, познавать свою природу во время еще неразумія его. Придать, приложить, прибавить что-нибудь можно только къ безжизненному тѣлу,—къ живому же разумному организму ничего нельзя: онъ долженъ самъ усвоивать себѣ, такъ сказать, самъ вложить въ себя.

Изъ этого слѣдуетъ, что развитіе или образованіе никому не можетъ быть дано или сообщено извнѣ, какъ нѣчто уже готовое, вполнѣ совершенное и законченное. Каждый, желающій образовать себя, долженъ быть *самъ дѣятеленъ*, ибо только своею дѣятельностью, своимъ напряженіемъ, своимъ трудомъ человѣкъ можетъ пріобрѣсти истинное образованіе.

Многіе родители полагаютъ, что образованіе можетъ быть *сообщено* человѣку. Поэтому они нанимаютъ къ дѣтямъ своимъ всѣхъ возможныхъ гувернеровъ, гувернантокъ, учителей, или отдаютъ ихъ въ училища, и увѣрены, что дѣло въ шляпѣ, что дѣти ихъ будутъ благовоспитанными и образованными.

Не только образованіе всего человѣка, но даже отдѣльныя свѣдѣнія, знанія, не могутъ быть сообщены человѣку безъ его собственнаго содѣйствія. Учитель можетъ изложить и объяснить ученику какой-нибудь предметъ, но усвоить его, сдѣлать собственностью духа своего, можетъ только самъ ученикъ своею самодѣятельностью. Можно ли, послѣ этого, различными наставленіями и нравоученіями, доставить человѣку нравственныя убѣжденія, сообщить ему какія бы то ни было добродѣтели? Очевидно нѣтъ: человѣкъ имѣетъ только то, что онъ самъ пріобрѣлъ, и своимъ трудомъ.

Все искусство воспитанія есть искусство возбуждать человѣка къ настоящей воспріимчивости. Воспитаніе окончено и достигло своей цѣли, если воспитанникъ возъимѣлъ силу и волю далѣе, всю жизнь развивать себя, неутомимо работая надъ тѣмъ дѣломъ, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ его духовнымъ и тѣлеснымъ силамъ.

Приступая къ воспитанію ребенка, мы не можемъ знать зара_

нѣе, къ чему онъ будетъ способенъ. Личность его еще не обозначилась; въ немъ мы находимъ только однѣ общечеловѣческія силы, и потому не имѣемъ никакого права приготовлять воспитанника уже съ дѣтскихъ лѣтъ къ какой-нибудь самовольно опредѣленной нами дѣятельности. Повторяемъ, что только самъ человѣкъ можетъ избрать себѣ занятіе, вполнѣ согласное съ его духовными и тѣлесными силами, и единственно въ томъ случаѣ, когда онъ сознаетъ свои силы. Кромѣ того, каждое развивающееся дитя должно прежде всего содѣлаться истиннымъ человѣкомъ, а не ученымъ, не артистомъ, не военнымъ, не статскимъ. Вотъ почему каждый человѣкъ съ начала долженъ получить только одно общее образованіе, состоящее въ постепенно правильномъ развитіи всѣхъ его способностей, согласномъ съ природными законами развитія духа и тѣла нашего.

Можно ли, послѣ всего этого, *помѣщать дѣтей въ спеціальныя училища*? Нѣтъ: такое самовольное распоряженіе участью дѣтей есть грубое, невѣжественное нарушеніе священныхъ законовъ Богомъ созданной природы человѣка, которое навсегда губитъ всѣ духовныя и тѣлесныя силы человѣка, дѣлая его существомъ безсознательнымъ, машиною. Послѣдствія такого нарушенія всегда гибельны для семьи, для общества и *особенно для государства*, потому что лишаютъ его здоровыхъ разумныхъ производительныхъ человѣческихъ силъ...

Чѣмъ далѣе, чѣмъ выше идетъ правильное развитіе человѣка, тѣмъ опредѣлительнѣе выступаетъ личность его; но вмѣстѣ съ этимъ развивается въ немъ и все общечеловѣческое, такъ что въ концѣ развитія человѣкъ долженъ совмѣщать въ себѣ и проявлять все истинно человѣческое вмѣстѣ съ отчетливою и самостоятельною вполнѣ личностью.

LIBRARY OF CONGRESS
0 021 065 626 1